

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 2, 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Анойкин А.А. Исследование среднепалеолитического комплекса памятника Дарвагчай-залив-1	5
Анойкин А.А., Борисов М.А., Рыбалко А.Г., Славинский В.С. Индустрии рубежа среднего – верхнего палеолита в Приморском Дагестане (по материалам раскопок стоянки Тинит-1 в 2011–2013 гг.)	9
Павленок Г.Д. Костяная индустрия стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье)	14
Козликин М.Б. Технология первичного расщепления в индустриях среднего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры	19
Гладышев С.А. Характеристика каменных индустрий раннего верхнего палеолита многослойной стоянки Толбор-15	23
Ларичев В.Е. «Недостающее звено» – мезолитическое время (к проблеме сохранения информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии). Часть V: Системы счисления времени в эпоху мезолита Средней Сибири	27
Иванова Д.А. Сравнительный анализ керамики Среднего дзёмона на территории о. Хонсю	30
Худяков Ю.С. Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух долины р. Эдиган в Горном Алтае (из раскопок Южно-Сибирского отряда 2008 г.)	33

ЭТНОГРАФИЯ

Люцидарская А.А. Государственные практики культурно-хозяйственной адаптации коренных народов Сибири XVII – начала XVIII в.	37
Атнагулов И.Р. Этнодемографическая характеристика нагайбаков	40
Гейбель Ю.В. Меннониты в современном мире: характеристика в контексте транснационального взаимодействия	44
Горбатов Л.В. Категория врачей в традиционной культуре хакасов	48
Москвина М.В. Украшения в традиционном свадебном дарообмене тюрко-монгольских народов Центральной Азии	51
Махмутов З.А., Файзуллина Г.Ш. Современная национальная кухня татар Казахстана: функции, специфика и трансформация	55
Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. История и фольклор в этнополитическом дискурсе Алтая 1930-х гг.	59
Бурнаков В.А. Образ древних могильников в мифологических воззрениях хакасов (конец XIX–XX в.)	64

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Котович Л.В. «Народ сам поручит дело своей реформы людям, которым он верит»: региональная периодика о выборах в I Государственную думу	69
Красильникова Е.И. Коммеморативное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири	71
Николаев А.А. Об итогах поездки делегации Центросоюза в Германию в 1928 г.	75
Ильиных В.А. Проекты колонизации Сибири второй половины 1920-х гг.: выбор вектора	81
Введенский В.В. «Знатные люди»: благосостояние передовых работников промышленных предприятий Западной Сибири в середине 1930-х гг.	86
Андреев С.Н. Влияние аграрной «либерализации» середины 1950-х гг. на внутриколхозные отношения в Западной Сибири	90

СООБЩЕНИЯ

Орлов Д.С. Кампания по ограничению внутреннего потребления продуктов питания в колхозах и совхозах Западной Сибири во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг.	94
Федорова Д.А. Досуг горожан в 1964–1985 гг. (на материалах Тюмени)	97
Иванов А.А. Сорок лет «Сибирской ссылке»	100
Поздравляем Вениамина Васильевича Алексева	104
Summary	107

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Дашдаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *М.Г. Рудакова*

Подписано к печати 2.06.14. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 500 экз. Заказ № 163.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 2, 2014

CONTENTS

ARCHEOLOGY

Derevyanko A.P., Kandyba A.V., Anoykin A.A. Studies of the Complex of the Middle Paleolithic Darvagchay-zaliv-1	5
Anoykin A.A., M.A. Borisov, A.G. Rybalko, V.S. Slavinskiy. The Lithic Industries of Middle to Upper Paleolithic Boundary in the Seaside Dagestan (Based on the Materials of Tinit-1 Site, 2011-2013 Excavations)	9
Pavlenok G.D. Bone Industry of Ust-Kyakhta-3 Site (Western Transbaikal)	14
Kozlikin M.B. Primary flaking Techniques in the Middle Paleolithic Industries Recovered from the East Gallery of Denisova Cave	19
Gladyshev S.A. Characteristics of the Early Upper Paleolithic Stone Industry from the Multilevel Tolbor-15 Site.	23
Larichev V.Ye. «The Missing Link» -- the Mesolithic Time (to the Problem of Preserving Information Traditions in the Cultures of the Post-Palaeolithic Epoch of Eurasia). Part V: Systems of Time Notation in the Epoch of the Mesolith of Middle Siberia.	27
Ivanova D.A. Comparative Analysis of Middle Jomon Ceramics Found on the Island of Honshu	30
Khudjakov Yu.S. Bone Arrowheads from Ulug Choltuh on The Edigan River in The Altai Mountains (From the 2008 Excavation Report of the South Siberian Team)	33

ETHNOGRAPHY

Lutsidarskaya A.A. The Government Practices on Cultural and Economic Adaptation of Siberian Aboriginal People in the XVII – Early XVIII Centuries	37
Atnagulov I.R. Ethno-Demographic Characteristics of Nagaibaks	40
Geybel J.V. Mennonites in the Modern World: An Overview in the Context of Transnational Cooperation.	44
Gorbatov L.V. The Category of Infirmarian in the Traditional Khakass Culture.	48
Moskvina M.V. Adornments in the Traditional Wedding Symbolic Donation of the Turko-Mongol Peoples of Central Asia	51
Makhmutov Z.A., Faizullina G.Sh. Modern National Cuisine of Tatars from Kazakhstan: Functions, Specifics and Transformation	55
Octyabrskaya I.V., Samushkina Ye.V. History and Folklore in Ethnopolitical Discourse in the Altai Region in the 1930s	59
Burnakov V.A. Images of Ancient Sepulchers in Mythological Beliefs of the Khakasses (Late XIX - XX Centuries)	64

PROBLEMS OF HISTORY

Kotovich L.V. “The People Will Entrust the Reform to Those Whom They Believe”: Regional Periodicals on the Elections to the First State Duma	69
Krasilnikova Ye.I. The Commemorative Significance of Mass Funerals Held for Civil War Victims in the Provincial Cities of Western Siberia.	71
Nikolaev A.A. On the Results of Tsentrosoyuz Delegation’s Trip to Germany in 1928.	75
Ilyinykh V.A. Colonization Projects of Siberia in the Latter Half of 1920s: Thrust Choice	81
Vvedenskiy V.V. “The distinguished people”: a welfare of the best employees of industrial enterprises of the Western Siberia in the middle of 1930s	86
Andreenkov S.N. Agrarian “Liberalization”’s Impact on the Inter-Kolkhoz Relations in the Middle of the 1950s (on the Materials of Western Siberia)	90

REPORTS

Orlov D.S. Campaign of Limitation on Domestic Consumption of Food Products in Collective and State Farms of Western Siberia in the Second Half of the 1970s – early 1980s.	94
Fyodorova D.A. Leisure Activities of Urban Society in 1964–1985 (On the Tyumen Materials)	97
Our congratulations to Veniamin Vasilyevich Alekseev	104
Ivanov A.A. The 40 th Anniversary of «The Siberian Exile» Edited Volume.	100
Summary	107

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC MAGAZINE
“GUMANITARNIYE NAUKI V SIBIRI”**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseev* (Ekaterinburg), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Doctor *Ch. Dashdavaa* (Ulan Bator, Mongolia), Doctor of historical sciences, Professor *N.I. Drozdov* (Krasnoyarsk), Doctor of historical sciences, Professor *V.P. Zinovyev* (Tomsk), Doctor of historical sciences *V.A. Ilyinyh* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *Yu.F. Kiryushin* (Barnaul), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor, Professor *E.B. Sydykov* (Astana, Kazakhstan Republic), Doctor of historical sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *V.I. Shishkin*, doctor of historical sciences *A.H. Elert* (Novosibirsk).

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical sciences *V.A. Ilyinyh*
Executive secretary – Candidate of historical sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical sciences *D.A. Ananyev*, Candidate of historical science *S.N. Andreekov*, Doctor of historical sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical sciences, Professor *V.A. Isupov*, Doctor of historical sciences, Professor *S.A. Krasilnikov*, Doctor of historical sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical sciences *V.E. Larichev*, Doctor of historical sciences *S.N. Lyutov*, Doctor of historical sciences, Professor *N.P. Mathanova*, Doctor of historical sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical sciences *A.L. Posadskov*, candidate of historical sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor).

Editorial address: 630090 Novosibirsk, Ul.Nikolaeva, 8
Institute of History, SBRAS, room no. 301, tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Smirnova, Vera Ivanovna

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, № 0110807

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
630090, Novosibirsk, Morskoy Pr., 2

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902

А.П. ДЕРЕВЯНКО¹, А.В. КАНДЫБА², А.А. АНОЙКИН³

ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1*

¹академик¹⁻³Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск¹e-mail: derev@archaeology.nsc.ru²канд. ист. наук

e-mail: arhkandyba@gmail.com

³канд. ист. наук

e-mail: anui1@yandex.ru

Данная статья посвящена результатам последних исследований одного из среднепалеолитических комплексов памятника Дарвагчай-залив-1, материалы которого являются ключевыми в понимании развития данного обширного культурно-хронологического диапазона для территории Северо-Восточного Кавказа. Литологические исследования палеопочвы, вмещающей в себя археологические материалы, позволили включить данный комплекс в общую палеогеографическую картину региона. Хронологический период существования древнего человека в данном регионе определен эпизодом рисс-вюрского межледникового – кислородно-изотопной стадией 5e. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Наличие очажных пятен в совокупности с рассеянностью археологического материала по широкой площади свидетельствует о многократном посещении древним человеком третьей древнекаспийской террасы. Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое разнообразие внутри их групп, прямые аналогии среди них со среднепалеолитическими материалами долины Геджухского водохранилища в настоящее время проследить не представляется возможным. Это может быть связано как с неполной представленностью дагестанских индустрий, состоящих из немногочисленных материалов, так и с имевшимся в то время культурным разнообразием, что не исключает возможности существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической культуры. Особенности технико-типологического облика каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами позволяют говорить о специфическом облике палеолита приморского Дагестана.

Ключевые слова: средний палеолит, палеопочва, леваллуазское расщепление, неоплейстоцен.

Изучение процесса формирования человека современного типа на территории Евразийской ойкумены всегда оставалось актуальным на протяжении всей истории исследования каменного века. В рамках данной проблемы изучение эпохи среднего палеолита транзитных областей, таких как Кавказ, является приоритетным направлением современного палеолитоведения. Но, несмотря на интенсивные исследования, продолжающиеся уже более ста лет, изученные стратифицированные памятники данной культурно-хронологической эпохи сосредоточены в основном на территории Центрального и Северо-Западного Кавка-

за, а также Западного, Центрального и Южного Закавказья. До недавнего времени северо-восточная часть данного региона оставалась наименее изученной. Немногочисленные поверхностные сборы, отнесенные к мустьерской эпохе, являлись единственным свидетельством пребывания древнего человека на территории Дагестана [1; 2].

Изучение древнекаменного века Северо-Восточного Кавказа в течение последнего десятилетия обеспечено археологическим и естественнонаучным материалами более тридцати палеолитических памятников [2; 3].

Одним из таких мест является Дарвагчайский геоархеологический район с местонахождениями раннего и среднего палеолита. Наиболее представительным объектом, на котором была обнаружена целая серия

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 13-06-00380-а и 13-06-12012-офи_м.

разновременных культурно-хронологических комплексов, является памятник Дарвагчай-залив-1 [2].

Стоянка Дарвагчай-залив-1 была открыта в 2007 г. в ходе разведочных археологических изысканий Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН – во время обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива в районе селения (кутана) Кудагу на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский район, Республика Дагестан) [1].

Памятник (координаты: 42°07'36.7" с.ш., 048°01'51.2" в.д.) расположен на крутом юго-западном склоне останца третьей древнекаспийской террасы. Верхняя часть террасы имеет неровную распаханную поверхность, абсолютная высота колеблется в пределах 154–167 м. В нижней части склона, на высоте 11–14 м от уреза, прослеживается прерывистая линия глыб монолитного ракушняка бакинского возраста, переходящих в структурный уступ высотой до 4–5 м.

В 2009 г. на памятнике были проведены рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы была заложена серия шурфов. Результатом данных исследований явилось обнаружение четырех разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов [2; 3].

В 2012–2013 гг. раскопки памятника Дарвагчай-залив-1 производились в верхней части склона террасовидного уступа, на котором расположен памятник. Раскоп был заложен непосредственно на пашне на участке, продолжающем линию шурфов 2009 г. в северо-восточном направлении, вскрытая площадь составила 87 м² [4, 5]. Ниже приводится описание разреза (сверху вниз) [6]:

С л о й 1.

А. Серо-коричневый лессовидный легкий суглинок с неоднородной, комковатой текстурой. Техногенная толща (пашня). Истинная мощность 0,3–0,4 м.

Б. Светло-коричневый лессовидный суглинок с неоднородной текстурой. По-видимому, изменен в ходе хозяйственной деятельности человека (выравнивание поверхности террасы). Истинная мощность в среднем 0,4 м.

С л о й 2. Лессовидный серо-коричневый суглинок. Плотный, умеренно пористый. Генезис эоловый, при незначительном участии делювиальных процессов. Истинная мощность 0,6–0,85 м.

С л о й 3. Буро-коричневая, гумусированная супесь (погребенная почва), пылеватая в сухом состоянии. Текстура слоя пятнистая. Нижняя часть горизонта имеет более темный черно-бурый оттенок (последние 0,1–0,2 м). Генезис биогенный и эоловый. Подошва слоя размытая, субгоризонтальная. Истинная мощность слоя 0,8 м–1,2 м.

С л о й 4. Плотный желтовато-коричневый тяжелый суглинок. Верхняя часть слоя (первые 20–25 см) имеет красно-бурый оттенок (контактная зона). Генезис делювиально-эоловый. Видимая мощность слоя 0,4 м.

Археологический материал залегал в слое 3. Немногочисленная, но выразительная коллекция артефактов насчитывает 323 экз. каменных изделия [7].

Первичное расщепление. В коллекции насчитывается 22 нуклеуса, из них 18 экз. относятся к леваллуазской системе расщепления. Первая группа артефактов в количестве 16 экз. предназначена для получения отщепов (рисунок, 1, 2). Вторая группа ядрищ, представляющих леваллуазскую технику расщепления камня, состоит из двух предметов небольших размеров, изделия подтреугольной в плане формы. К нуклевидному набору также отнесены четыре предмета, определяемых как обломки леваллуазских нуклеусов. К системе параллельного расщепления отнесены четыре предмета. Нуклевидные обломки насчитывают 7 экз. В коллекции присутствуют три плоские гальки крупных размеров, определяемые как отбойники (рисунок, 3).

Индустрия сколов представлена 216 экз. Крупных предметов в коллекции 5 экз., целых. Отщепов средних размеров – 52 экз. (из них 14 предметов фрагментированные). Отщепы мелких размеров 158 экз. (из них фрагментированных 86 экз.). Пластин в коллекции 4 экз. (из них один предмет фрагментированный). В коллекции также присутствуют обломки в количестве 44 экз., 5 осколков, 11 чешуек и два неопределимых технических скола.

Орудийный набор насчитывает 28 предметов, 10 из которых являются отщепами с ретушью. Отдельно следует упомянуть артефакт, представляющий собой отщеп средних размеров с постоянной, мелкофасеточной, полукрутой, чешуйчатой ретушью на продольном крае (рисунок, 4).

Не менее многочисленна группа выемчатых орудий в количестве 9 предметов. Три орудия представлены леваллуазскими отщепами средних размеров, у одного из которых участок на вентральной стороне дистальной части оформлен мелкофасеточной, чешуйчатой, пологой ретушью (рисунок, 5).

В орудийном наборе присутствует двойное угловатое скребло с противолежащими лезвиями, оформленными на медиально-дистальной части отщепа среднего размера (рисунок, 6).

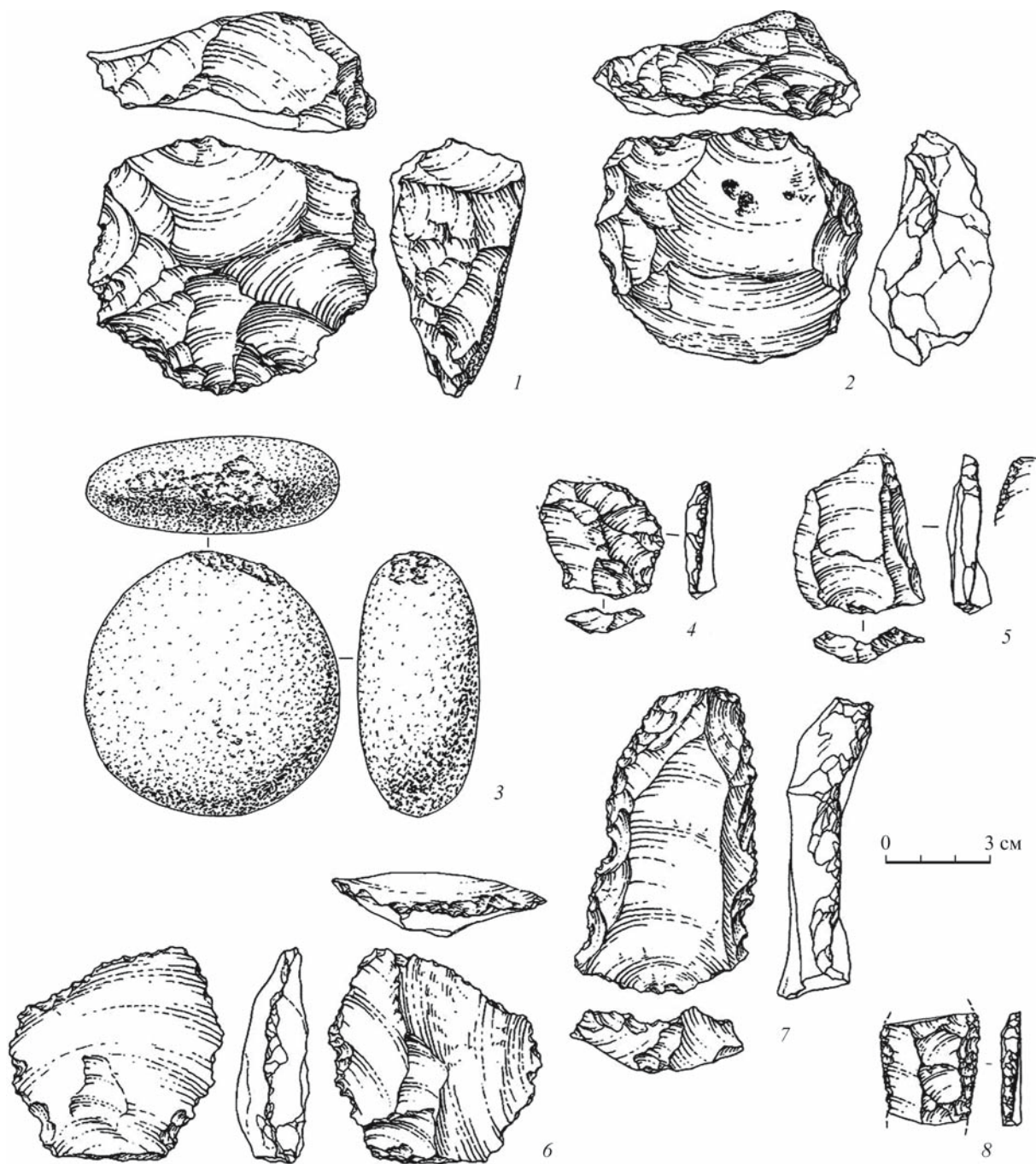
Исходной заготовкой для удлинённого мустьерского остроконечника послужила массивная пластина, оба продольных края и дистальная часть которой оформлены постоянной чешуйчатой крутой, местами вертикальной, разнофасеточной ретушью (рисунок, 7).

Для создания орудия с шипом использовался средний укороченный отщеп. Шип оформлен в дистальной части заготовки дорсальной, постоянной, крутой мелкофасеточной ретушью.

Последним предметом орудийного набора является комбинированное орудие, исходной заготовкой для которого послужила медиально-дистальная часть короткого среднего отщепа (рисунок, 8).

Таким образом, первичное расщепление данной каменной индустрии демонстрирует преобладание леваллуазской системы расщепления, при подчиненном положении простой параллельной системы скальвания, которая, по видимости, служила для апробации сырья [5]. Нуклеусы использовались для снятия массивных, коротких отщепов крупных и средних разме-

Каменный инвентарь памятника Дарвагчай-залив-1, раскоп 2:

1, 2 – леваллуазские нуклеусы, 3 – отбойник, 4 – отщеп с ретушью, 5 – леваллуазский отщеп, 6 – скребло, 7 – остроконечник, 8 – комбинированное орудие.

ров. Пластинчатые сколы представлены единичными экземплярами и являлись попутными нецелевыми продуктами расщепления. Отщепы, как правило, не содержат на дорсале желвачной корки, косвенно свидетельствуя о том, что первичная подготовка ядрищ осуществлялась в другом месте. Ударные площадки в основном гладкие и фасетированные, что также

характеризует данную стоянку как место финальной стадии технологической последовательности расщепления камня, а именно, получение целевых заготовок – в данном случае леваллуазских сколов. В то же время в орудийном наборе преобладают скребловидные, выемчатые и шиповидные изделия, что не отрицает поселенческого характера данного памятника. Наличие

очажных пятен, обнаруженных по результатам исследований 2013 г., и планиграфическая рассеянность археологического материала также подтверждают сезонность посещения данного места в течение длительного периода [4; 7]. Таким образом, особенности распределения каменных артефактов в литологическом горизонте, а главное, их качественные и количественные составляющие позволяют определить данный среднепалеолитический культурно-хронологический комплекс памятника Дарвагчай-залив-1 как многократно посещаемую кратковременную мастерскую-поселение [7].

В слое погребенной почвы в ходе археологических раскопок были встречены небольшие скопления угольков, которые были отобраны для радиоуглеродного анализа. Данные работы выполнены на установке AMS датирования в отделе геохронологии кайнозоя ИАЭТ СО РАН. В результате получены две даты $44\ 377 \pm 1419$ л.н. и $33\ 208 \pm 970$ л.н. Вторая дата, несомненно, является сильно омоложенной. Что касается первой даты, то если принять во внимание, что такой возраст является предельным для данного оборудования (устное свидетельство руководителя отдела геохронологии кайнозоя д-ра. ист. наук В.Н. Зенина), можно считать дату в 45 тыс. л.н. так называемой «открытой». Это в свою очередь может свидетельствовать лишь о том, что исследуемый литологический горизонт (палеопочва) и включающие его археологические остатки древнее указанной даты [8].

Формирование палеопочв на территории Северной Евразии отмечается на протяжении всего неоплейстоцена [9]. С учетом гипсометрических отметок рельефа и наличия в основании террасовидного уступа слоя ракушников-известняков, по геологической шкале имеющих бакинский возраст (750–450 тыс. л.н.), а также принимая во внимание развитый среднепалеолитический облик индустрии, с отсутствием как раннепалеолитических, так и верхнепалеолитических компонентов, можно определить хронологический диапазон существования данного культурного комплекса началом верхнего неоплейстоцена [2]. Образование столь мощного (до 1,2 м.) литологического горизонта палеопочвы рассматривается как довольно длительный постепенный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов. Процессу седиментации соответствовали теплые и одновременно влажные климатические условия, которые были характерны для ресс-вюрмского межледниковья, синхронного подразделению 5е кислородно-изотопной шкалы (130 000–110 000 л.н.).

На территории Кавказа наиболее близка к данному хронологическому промежутку группа среднепалеолитических памятников, составляющих кударско-джрочульскую группу пещерных стоянок, расположенных в южной части Центрального Кавказа [10]. Также к этому временному диапазону относятся древнейшие слои пещеры Мыштулагтылагат, расположенной в Северной Осетии на северных склонах Центрального Кавказа [11]. Общими чертами для данных индустрий является наличие леваллуазской техно-

логии расщепления, большое количество удлиненных остроконечников на пластинах и разнообразных скребел. Кроме того, выделяются такие типы орудий, как лимасы, ножи и зубчатые инструменты.

Некоторые исследователи соотносят кударско-джрочульскую группу с левантийским мустье типа Табун D [10], в то же время древнейшие комплексы пещеры Мыштулагтылагат сопоставляются с индустриями мустьерских слоев памятников цхинвальской группы [11]. Хронологически близки изучаемому среднепалеолитическому комплексу памятника Дарвагчай-залив-1 и нижние слои пещеры Матузка, которая расположена на территории Северо-Западного Кавказа. Первичное расщепление данной индустрии в основном демонстрирует параллельную систему расщепления камня. Типологический ряд орудийного набора представлен различными модификациями скребел и зубчатых орудий. Отличительной чертой данного комплекса является наличие бифасиально оформленных наконечников и ножей (восточный микок), что позволяет отнести каменный инвентарь нижних слоев пещеры к начальным этапам среднего палеолита [12]. Определенное сходство в технологии оформления леваллуазских нуклеусов и морфологии некоторых типов орудий (леваллуазские сколы, скребла и мустьерские остроконечники) прослеживается в материалах слоя 3 пещеры Азых [13]. Однако некоторыми исследователями отмечается наличие в мустьерской индустрии стоянки Азых как позднеашельских, так и финальномустьерских компонентов, что произошло, вероятно, в результате смешивания нескольких культурно-хронологических подразделений в процессе раскопок [10].

Таким образом, необходимо отметить, что среди известных среднепалеолитических памятников Кавказа прямых аналогов данным археологическим материалам нет. Вместе с тем, полученная каменная индустрия хорошо дополняет единую линию развития древнекаменного века Северо-Восточного Кавказа, демонстрируя все черты развитого среднего палеолита [2]. Среднепалеолитические комплексы Приморского Дагестана имеют свои региональные особенности, которые благодаря подобным исследованиям все более четко вырисовываются. Дальнейшее изучение стоянки Дарвагчай-залив-1 представляется перспективным для уточнения типологического облика среднего палеолита Дагестана и корреляции стратиграфических разрезов палеолитических стоянок в долине р. Дарвагчай.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г. и др. Дарвагчай-залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. 15. С. 106–110.
2. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. и др. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск, 2012. 292 с.
3. Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Колташов М.С. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив 1 (Республика Дагестан) в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. 16. С. 58–63.

4. Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследование финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-залив 1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. 18. С. 138–142.

5. Рыбалко А.Г., Кулик Н.А. Новые данные о первичном расщеплении стоянки Дарвагчай-залив 1 (по материалам ремонта) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. 17. С. 109–113.

6. Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. 18. С. 68–74.

7. Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследование раннего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. 19. С. 74–79.

8. Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2013 году // Проблемы археологии, этно-

рафии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. 19. С. 139–144.

9. Болиховская Н.С. Пространственно-временные закономерности развития растительности и климата Северной Евразии в неоплейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №. 4 (32). С. 2–28.

10. Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. СПб., 2006. 108 с.

11. Гиджрати Н.И. К изучению каменного века северных склонов Центрального Кавказа // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси, 1990. С. 32–34.

12. Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Левковская Г.М. и др. Пещера Матузка. СПб., 2003. 194 с.

13. Гусейнов М. Древний палеолит Азербайджана. Баку, 2010. 247 с.

Статья поступила
в редакцию 03.02.2014

УДК 902

А.А. АНОЙКИН¹, М.А. БОРИСОВ², А.Г. РЫБАЛКО³, В.С. СЛАВИНСКИЙ⁴

ИНДУСТРИИ РУБЕЖА СРЕДНЕГО – ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ПРИМОРСКОМ ДАГЕСТАНЕ (по материалам раскопок стоянки Тинит-1 в 2011–2013 гг.)*

¹⁻⁴Институт археологии и этнографии СО РАН,
кандидаты исторических наук,
г. Новосибирск
e-mail: anui1@yandex.ru

В статье представлены стратиграфические данные о стоянке Тинит-1 (Дагестан) и подробная технико-типологическая характеристика находок из раскопов 2 и 3 (общая площадь 75 м²), включая данные ремонта. Кроме того, приводятся данные естественнонаучных методов, включая результаты радиоуглеродного датирования. Определяется сырьевая база и хозяйственный тип стоянки. Толща рыхлых отложений при раскопных работах была вскрыта на глубину до 5 м от дневной поверхности и разделена на семь основных литологических слоев, содержащих девять горизонтов залегания археологического материала. Общая коллекция каменных артефактов из раскопа 2 насчитывает 594 экз., в том числе 17 нуклеидных и 38 орудийных форм. Коллекция каменных артефактов из раскопа 3 включает 66 экз., в том числе 3 нуклеидные и 5 орудийных форм. Анализ коллекции позволяет сделать вывод о том, что первые четыре археологических горизонта по технико-типологическим характеристикам скорее всего относятся к периоду начала позднего палеолита. Об этом свидетельствуют как технические характеристики продуктов первичного расщепления, так и применение верхнепалеолитической техники скола – прямое и обратное редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. В нижних горизонтах фиксируется использование среднепалеолитических техник расщепления (фасетированные и двухгранные площадки у части заготовок; целевые заготовки, близкие леваллуазским формам, леваллуазские ядрища). Орудийный набор не многочислен, однако, отдельные яркие образцы орудий, в основном из нижних горизонтов (изделия на леваллуазских заготовках и др.), не противоречат делению коллекции, предложенному на основании технических параметров. Таким образом, по результатам комплексного изучения индустрии памятника относятся к рубежу среднего – верхнего палеолита, что подтверждает серия радиоуглеродных дат, определяющих время существования стоянки в интервале 37–50 тыс. л.н.

Ключевые слова: палеолит, археологический горизонт, техника первичного расщепления, ремонт, радиоуглеродное датирование, Дагестан.

После обнаружения в Дманиси (Грузия) и пещере Азых (Азербайджан) остатков гоминидов в комплексе с каменными орудиями, возраст которых был оп-

ределен в пределах раннего плейстоцена, территорию Кавказа стали рассматривать как один из основных маршрутов миграционных волн древнего населения, начиная с первых этапов заселения Старого Света. При этом на российской части Кавказа количество известных палеолитических стоянок существенно уступало

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 13–06–00380–а и 13–06–12012–офи_м.

таковому в республиках Закавказья. Причем, локализовались эти объекты в основном около черноморского побережья. Так, эпоха верхнего палеолита в материалах памятников на кавказском берегу Каспия практически не была представлена. Например, на территории Дагестана долгое время было известно только несколько открытых местонахождений с крайне немногочисленными артефактами верхнепалеолитического облика (Сага-цука и др.) [1]. Материалы многослойной Чохской стоянки (Гунибский р-н Республики Дагестан), вначале считавшиеся верхнепалеолитическими, позднее были отнесены к каменным индустриям голоценового времени [2]. Находки стратифицированных палеолитических объектов, сделанные в последнее время в Приморском Дагестане, значительно меняют существовавшую точку зрения на хронологию и направление ранних миграций Номо. Материалы времени перехода к верхнему палеолиту, сопровождавшегося радикальными изменениями в каменной технологии и сменой антропологического типа древнего населения, представлены в коллекциях стратифицированных стоянок открытого типа Тинит-1, Дарвагчай-залив-1 (комплекс 1), Рубас-1 (верхний комплекс) [3]. Совокупность данных, полученных с этих уникальных для Северо-Восточного Кавказа объектов, позволяет относить регион к кругу территорий, связанных с решением вопроса о становлении и развитии культуры человека современного физического типа, являющегося одной из наиболее острых и дискуссионных вопросов современного палеолитоведения. При этом наиболее значимые результаты об этом этапе развития палеолитических культур в регионе были получены при исследовании стоянки Тинит-1.

Стоянка Тинит-1 (а.в.¹ – 724 м) расположена в 1,5 км к северо-западу от с. Тинит (Табасаранский р-н Республики Дагестан). Памятник был открыт в 2007 г. сотрудниками Дагестанского отряда экспедиции ИАЭТ СО РАН в ходе разведочных работ в среднем течении р. Рубас [4]. Стационарное изучение объекта проводилось в 2008–2013 гг. в два этапа (рисунок, А). В ходе работ 2008–2010 гг. на памятнике раскопом 1 изучена площадь 86 м², толщина рыхлых отложений вскрыта на глубину до 5,5 м от дневной поверхности и разделена на девять литологических слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического материала (а.г.) [5]. В целом вскрытые на памятнике отложения представляют собой толщу субгоризонтально залегающих, переслаивающихся монотонных темно-коричневых и серо-коричневых суглинков, с незначительным содержанием мелкого обломочного материала, на отдельных участках сильно биотурбированных (большое количество нор грызунов). Генезис отложений – олово-делювиальный. Общая коллекция артефактов насчитывает 1605 изделий из камня [3]. Кроме того, для уточнения границ памятника и общей стратиграфической ситуации на объекте в 2009 г. была заложена серия из пяти

шурфов (2х1 м), перекрывающих площадь около 2000 м² [6].

Второй этап работ на памятнике приходится на 2011–2013 гг., когда к северу и северо-западу от раскопа 1 были заложены два новых раскопа площадью 55 м² (11х5 м) и 20 м² (5х4 м). Толща рыхлых отложений вскрыта по всей площади раскопов 2 и 3 на глубину до 4,8 м. Нумерация литологических подразделений и археологических горизонтов в новых раскопах соответствует таковой в раскопе 1. В ходе работ на раскопе 2 выделено шесть основных литологических слоев, содержащих 9 а.г. В целом стратиграфическая и археопланиграфическая ситуация на раскопе 2 соответствует литологии отложений и характеру залегания находок в раскопе 1 [7]. Основное различие заключается в резком увеличении мощности слоя 2 (более чем на 1 м) и разделении его на четыре литологических горизонта второго порядка, а также в общей меньшей мощности вскрытых раскопом 2 отложений, где не представлены литологические слои 8–9 и связанные с ними а.г. 10 и 11. Сходная стратиграфическая ситуация наблюдается и на раскопе 3, в разрезе которого, однако, отсутствует слой 5 (выклинивается восточнее, на участке между раскопами 1 и 3) и, соответственно, связанный с ним а.г. 7, однако за счет большей глубины вскрытых отложений присутствует слой 8. Так как материалы раскопа 1 уже опубликованы, в том числе и в монографии [3], данная статья посвящена результатам, полученным на втором этапе изучения стоянки, которые до настоящего времени были представлены в научных трудах лишь фрагментарно.

Общая коллекция каменных артефактов из раскопа 2 насчитывает 594 экз., в том числе 17 нуклеидных и 38 орудийных форм. Коллекция каменных артефактов из раскопа 3 насчитывает 66 экз., в том числе 3 нуклеидные и 5 орудийных форм.

Все вышеперечисленные изделия изготовлены из кремня и сильно окремненных пород из источников, локализованных в непосредственной близости от стоянки (до 1 км). Планиграфический анализ условий залегания археологического материала наряду с данными стратиграфии свидетельствует о том, что находки залегают *in situ* и претерпели минимальные пространственные перемещения. Остатки позвоночных в раскопах не обнаружены, что, видимо, объясняется разрушающим действием агрессивной химической среды вмещающих отложений, вызывающим быструю деградацию остеологического материала.

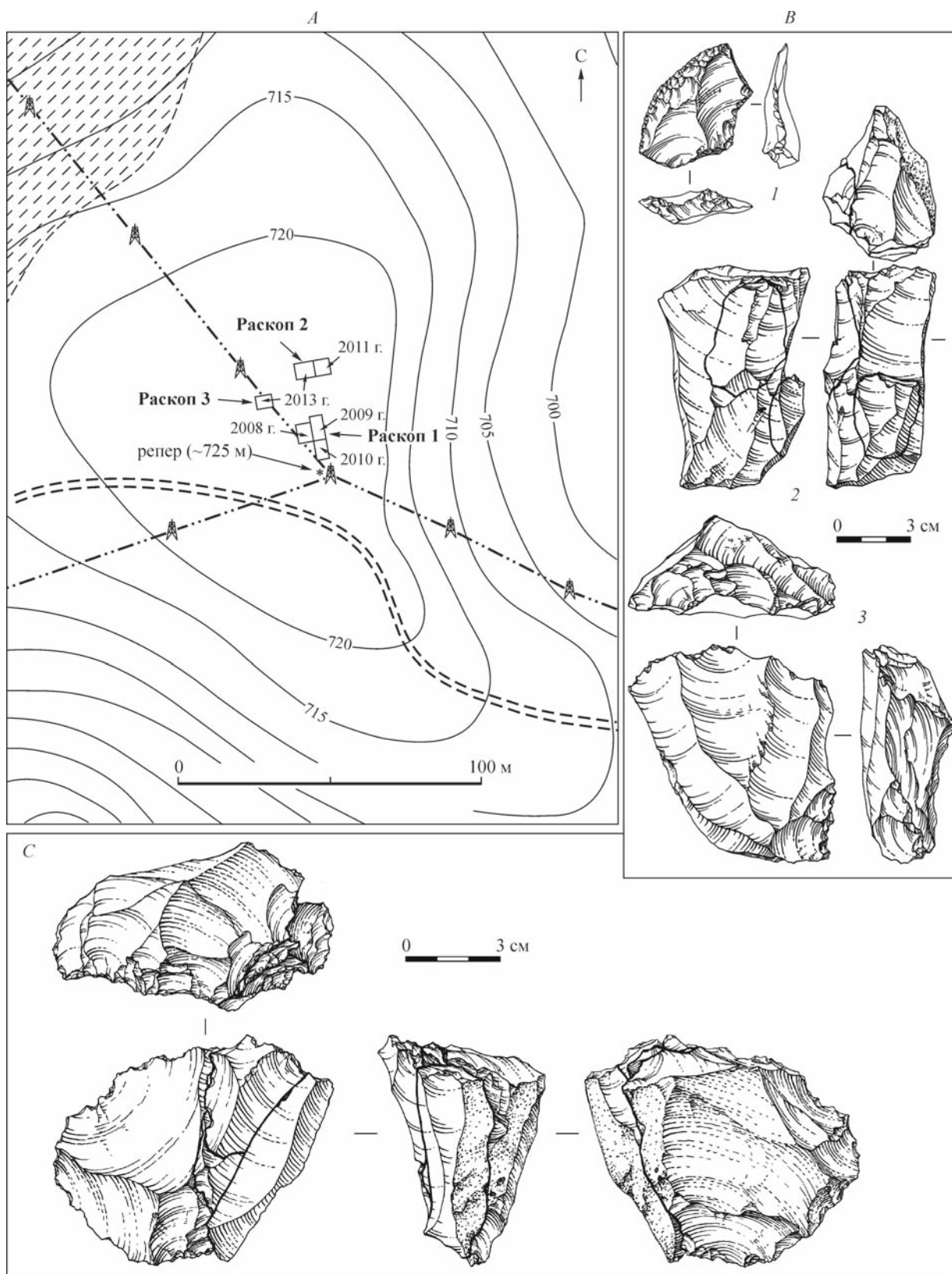
Археологический материал по участкам работ и а.г. распределялся следующим образом.

Раскоп 2

А.г. 1. Всего – 7 экз., в том числе: пластины – 3; отщеп – 1; обломки – 3. Орудия представлены выемчатым изделием с клетонским анкошем.

А.г. 2. Всего – 48 экз., в том числе: нуклеидная формы – 2; пластины – 4; пластинчатые отщепы – 4; отщепы – 15; технические сколы – 13; сколы леваллуа – 1; обломки – 9. Нуклеидные формы представлены одно- и двухплощадочными монофронтальными плоскостными

¹ В статье использованы следующие сокращения: а.в. – абсолютная высота; а.г. – археологический горизонт; сл. – слой.

Тинит-1. План-схема памятника (А); каменные артефакты из раскопов 2 (1) и 3 (2, 3) (В); общий вид сборки из а.г. 4 раскопа 2 (С).

Рисунки каменных артефактов выполнены художником А.В. Абдульмановой.

нуклеусами параллельного принципа скалывания, предназначенными для производства пластин. Второе ядрище входит в состав склейки из 23 элементов. В орудийном наборе (5 экз., без учета неретушированных сколов леваллуа) представлены атипичный скребок на отщепе, нож, два выемчатых орудия с клектонскими анкошами и транкировано-фасетированное изделие.

А.г. 3. Всего – 20 экз., в том числе: нуклевидная форма – 3; пластины – 2; пластинчатые отщепы – 3; отщепы – 6; технические сколы – 1; сколы леваллуа – 2; обломки – 3. Категория нуклевидных изделий представлена торцовым одноплощадочным монофронтальным ядрищем и нуклевидными обломками. Орудийный набор (4 экз., без учета неретушированных сколов леваллуа) включает остроконечник с ретушью, близкий конвергентным скреблам, скребло-нож, выемчатое орудие с клектонским анкошем и пластину с ретушью.

А.г. 4. Всего – 74 экз., в том числе: нуклевидные формы – 3; пластины – 11; пластинчатые отщепы – 13; отщепы – 25; технические сколы – 3; обломки – 19. Категория нуклевидных изделий представлена нуклевидным обломком и двумя двухплощадочными бифронтальными ядрищами параллельного принципа скалывания, предназначенными для получения пластинчатых заготовок, неоднократно переоформлявшихся в ходе утилизации; одно из ядрищ входит в состав сборки из четырех элементов (рисунок, С). Кроме того, анализ сырья и проведенные аппликации сколов позволяют предполагать, что не менее 20 % сколов из коллекции а.г. 4 получено с другого ядрища. Категорию орудий (2 экз.) представляют скребло-нож и небольшой фрагмент ретушированного изделия, вероятнее всего, тоже скребла.

А.г. 5. Всего – 102 экз., в том числе: нуклевидные формы – 3; пластины – 5; пластинчатые отщепы – 6; отщепы – 39; технические сколы – 1; сколы леваллуа – 1; обломки – 47. Нуклевидные изделия представлены торцовым одноплощадочным монофронтальным ядрищем и нуклевидными обломками. Орудия (7 экз.) представлены остроконечником леваллуа с ретушью, простым продольным скреблом со слабовыпуклым лезвием, атипичным скребком на отщепе, ножом, выемчатым орудием с ретушированным анкошем, пластиной с ретушью и отбойником.

А.г. 6. Всего – 84 экз., в том числе: нуклевидные формы – 3; пластины – 3; пластинчатые отщепы – 5; отщепы – 34; технические сколы – 5; сколы леваллуа – 1; обломки – 33. Нуклевидные изделия представлены фрагментом леваллуазского нуклеуса для отщепов (сохранилась часть выпуклой, многогранной ударной площадки и верхняя часть фронта скалывания), сильно истощенным ядрищем с неопределимой системой раскалывания, а также нуклевидным обломком. В орудийном наборе (2 экз., без учета неретушированных сколов леваллуа) имеется дистальный фрагмент мустьерского остроконечника и угловой резец.

А.г. 7. Всего – 217 экз., в том числе: галька – 1; нуклевидные формы – 4; пластины – 19; пластинча-

тые отщепы – 27; отщепы – 70; технические сколы – 10; сколы леваллуа – 11; обломки – 75. Категория нуклевидных изделий представлена одноплощадочным монофронтальным и двухплощадочным бифронтальными плоскостными нуклеусами параллельного принципа скалывания, предназначенными для производства удлиненных заготовок, и нуклевидными обломками. В орудийном наборе (6 экз., без учета неретушированных сколов леваллуа) имеется простое продольное скребло на леваллуазском сколе (рисунок, В, 1), три ножа (с естественным обушком и 2 с обушком-гранью), выемчатое орудие с клектонским анкошем, пластина с ретушью и отбойник.

А.г. 8. Всего – 15 экз., в том числе: нуклевидная форма – 1; пластинчатые отщепы – 4; отщепы – 6; технические сколы – 3; обломок – 1. Орудий нет.

А.г. 9. Всего – 6, в том числе: нуклевидная форма – 1; пластинчатые отщепы – 3; сколы леваллуа – 1; обломок – 1. Нуклевидные изделия представлены одноплощадочным монофронтальным плоскостным нуклеусом параллельного принципа скалывания предназначенного для производства пластин. Категория орудий (2 экз.) включает скребло-нож и транкированный скол леваллуа.

Раскоп 3

А.г. 1. Всего – 1 экз., в том числе: отщеп – 1. Орудий нет.

А.г. 2. Всего – 1 экз., в том числе: пластинчатый отщеп – 1. Орудий нет.

А.г. 3. Всего – 2 экз., в том числе: отщеп – 1; технические сколы – 1; обломок – 1. Орудий нет.

А.г. 4. Всего – 16 экз., в том числе: пластина – 1; пластинчатые отщепы – 3; отщепы – 7; технические сколы – 1; обломки – 4. Орудия представлены выемчатым изделием с клектонским анкошем.

А.г. 5. Всего – 19 экз., в том числе: нуклевидные формы – 2, пластины – 4, пластинчатые отщепы – 3, отщепы – 5, технические сколы – 1; обломки – 4. Нуклевидные изделия включают одноплощадочное бифронтальное ядрище параллельного принципа скалывания, с сопряженными фронтами (один из них торцовый) (рисунок, В, 2) и нуклевидный обломок. Орудия представлены пластиной с ретушью.

А.г. 6. Всего – 8 экз., в том числе: отщеп – 1; технические сколы – 4; сколы леваллуа – 1; обломки – 2. Орудия (2 экз.) представлены сколом леваллуа с ретушью и плоским резцом.

А.г. 8. Всего – 4 экз., в том числе: пластина – 1; пластинчатый отщеп – 1; обломки – 2. Орудия представлены ножом с обушком-гранью.

А.г. 9. Всего – 9 экз., в том числе: нуклевидная форма – 1; пластины – 2; пластинчатые отщепы – 2; отщепы – 2; сколы леваллуа – 1; обломок – 1. Нуклевидные изделия представлены одноплощадочным монофронтальным леваллуазским ядрищем для удлиненный острей (рисунок, В, 3). Орудий нет.

А.г. 10. Всего – 6 экз., в том числе: пластинчатые отщепы – 3; отщепы – 2; технические сколы – 1. Орудий нет.

Анализ коллекции каменных артефактов 2011–2013 гг. позволяет подтвердить сделанные ранее выводы о том, что первые четыре а.г. по технико-типологическим характеристикам относятся, скорее всего, к началу перехода к позднему палеолиту [3]. В первую очередь, на это указывает использование техники и приемов первичного расщепления, близких верхнепалеолитическим образцам и имеющих прямые аналогии в переходных индустриях ряда стоянок Европы и Ближнего Востока (Странска Скала, Бокер Тахтит и др.), а также применение верхнепалеолитической техники скола – прямое и обратное редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. Данные выводы подтверждаются и результатами ремонта. Так, сборка, полученная по материалам а.г. 4 раскопа 2 (рисунок, С), иллюстрирует леваллуазскую технику расщепления в ее позднем/переходном варианте, направленную на получение острий удлинённых пропорций, характерных для переходных индустрий Восточной Европы [8]. Хронология этих а.г. (см. ниже) также не выходит за рамки времени существования рубежных индустрий в западной и центральной частях Евразии [9]. В нижних горизонтах (с а.г. 5) фиксируется использование среднепалеолитических техник расщепления (фасетированные и двухгранные площадки у части заготовок; целевые заготовки, близкие леваллуазским формам, классические леваллуазские ядрища). Орудийный набор стоянки не многочислен, однако, отдельные яркие образцы орудий, в основном из нижних а.г. (изделия на леваллуазских заготовках, мустьерские остроконечники и др.), не противоречат делению коллекции, предложенному на основании технических параметров. Таким образом, можно соотносить археологический материал а.г. 1–4 с переходом к верхнему палеолиту, а а.г. 5–11 – с финалом среднего палеолита.

Этим выводам не противоречат естественнонаучные данные, представленные серией абсолютных дат и реконструкцией природных условий времени существования стоянки, выполненной на основе результатов палеонтологического и палинологического анализов. Серия из пяти некалиброванных радиоуглеродных дат получена по образцам древесного угля в AMS-лаборатории Аризонского университета (г. Тусон, США). Три даты определены по образцам из раскопа 1: сл. 2 (а.г. 2) – $39\,200 \pm 740$ л.н. (AA93693); сл. 3 (а.г. 3) – $43\,900 \pm 2000$ л.н. (AA93915) и сл. 8 (а.г. 10) – $47\,800 \pm 1\,500$ л.н. (AA93695). Для раскопа 2 по образцам, взятым из одного крупного куска древесного угля из сл. 6 (а.г. 8), получены две открытые даты: $>42\,800$ л.н. (AA93694) и $>43\,900$ л.н. (AA93915). Таким образом, согласно данным абсолютного датирования, хронологическими рамками археологических индустрий Тинита-1 следует считать 37–50 тыс. л.н. В раскопе 1 также была отобрана серия образцов на палинологический анализ, результаты которого позволяют утверждать, что экологическая обстановка в районе памятника соответствовала имеющимся реконструкциям природных условий времени хвалынской регрессии и по-

следующей ательской регрессии (MIS 4–2), т.е. была близкой современной [8]. Это подтверждает и находка в сл. 3 раскопа 3 раковины *Helix albescens Rossmössl* (определение д-ра биол. наук П.Ю. Пархаева) – вида, и в настоящее время обитающего на территории Дагестана в западной и северной частях Северного Кавказа, а также в Закавказье и на юге Восточной Европы.

Таким образом, развитие индустрии стоянки Тинит-1, зафиксированное на временном отрезке протяженностью более 10 тыс. лет, демонстрирует постепенные изменения, связанные с модификацией леваллуазской техники расщепления, имеющей продолжительную историю существования на данной территории. Кроме того, в технокомплексах постепенно увеличивается количество нуклеусов для производства пластин как плоскостного, так и объемного типов расщепления, включая их торцовые разновидности, растет доля целевых пластинчатых заготовок и доля верхнепалеолитических форм орудий при незначительном уменьшении среднепалеолитических типов. При этом общий типологический состав орудийных форм остается в пределах одной функциональной направленности (кратковременная охотничья стоянка).

Таким образом, можно предполагать, что процесс перехода к верхнему палеолиту на территории Дагестана носил достаточно продолжительный и плавный характер при наличии развитой местной леваллуамустьерской индустрии, которая могла служить для него основой. К сожалению, на настоящий момент в регионе не известно стратифицированных стоянок с четко идентифицируемыми ранневерхнепалеолитическими ассамбляжами, в связи с чем нельзя полностью исключить какого-либо внешнего культурного воздействия, запустившего механизм изменений в направлении «верхнепалеолитической революции» на рубеже 50 тыс. л.н., или резкой смены культурной парадигмы в более позднее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. 226 с.
2. Амирханов Х.А. Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите Горного Дагестана. М., 1987. 220 с.
3. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. и др. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск, 2012. 292 с.
4. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С. и др. Тинит-1 – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. 13. С. 72–77.
5. Анойкин А.А., Борисов М.А. Исследования палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. 16. С. 4–8.
6. Анойкин А.А., Борисов М.А., Лецинский С.В., Зенин И.В. Новые данные о стоянке Тинит-1 (по материалам шурфов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. 15. С. 28–33.
7. Анойкин А.А., Лунова Д.Е., Ахтерьякова А.В., Борисов М.А. Исследования многослойной палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2011 году // Проблемы археологии, этногра-

фии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. 17. С. 4–9.

8. Анойкин А.А., Славинский В.С., Рудая Н.А., Рыбалко А.Г. Новые данные об индустриях рубежа среднего – верхнего палеолита на территории Дагестана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 26–39.

9. Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008. 251 с.

Статья поступила
в редакцию 17.02.2014

УДК 902.01

Г.Д. ПАВЛЕНОК

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ УСТЬ-КЯХТА-3 (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: lukianovagalina@yandex.ru

В статье рассматривается костяной инвентарь двуслойной стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье) в контексте хронологически и территориально близких комплексов региона с целью уточнения периодизационной атрибуции культурных слоев памятника. Развитая костяная индустрия на территории Западного Забайкалья впервые фиксируется в раннем верхнем палеолите, ее расцвет приходится на рубеж плейстоценовой и голоценовой эпох. Важность изучения костяной индустрии заключается в том, что ряд региональных периодизационных схем отводит ей особое место при атрибуции памятников палеолита либо мезолита. Коллекция двуслойной стоянки Усть-Кяхта-3, имеющая финальнопалеолитические абсолютные даты, но определенная А.П. Окладниковым эпохой мезолита, включает выразительные костяные орудия из обоих культурных слоев. Предварительный анализ каменной индустрии обоих слоев памятника указал на их явные различия, которые могут свидетельствовать об их принадлежности к разным периодам. Установлено, что костяные орудия Усть-Кяхты-3 имеют прямые аналогии в коллекциях синхронных памятников пред- и раннеголоценового времени Западного Забайкалья. Было выделено три группы изделий: острийные формы, основы пазовых орудий и крючки. Вариативность морфологии острий обусловила невысокую степень их информативности при корреляции с синхронными комплексами. Напротив, устойчивые формы пазовых изделий и крючков могут свидетельствовать о принадлежности обоих культурных слоев исследуемого местонахождения к мезолитической эпохе. В комплексе подобные изделия встречаются в культурных отложениях стоянок Ошурково, Усть-Кяхта-17 и Студеное-1 (гор. 11). Все памятники на основе комплекса наблюдений были отнесены авторами раскопок – В.И. Ташаком и М.В. Константиновым – к эпохе мезолита.

Ключевые слова: костяная индустрия, финальный палеолит, мезолит, Западное Забайкалье.

Памятник Усть-Кяхта-3 располагается на правом берегу р. Селенга, на окраине одноименного села. Он был обнаружен в 1947 г. в результате работ Бурят-Монгольской археологической экспедиции, возглавляемой А.П. Окладниковым¹. Раскопы 1976 и 1978 гг. выявили залегание материала в двух культурных слоях² с радиоуглеродными датами 11 505±100 л.н. (к.с. 1) и 12 595±150 л.н. (к.с. 2). Памятник был определен как двухслойное поселение эпохи мезолита³. Однако результаты работ так и не были опубликованы, и в историо-

графических разделах обобщающих работ по каменному веку Забайкалья представлена лишь краткая характеристика памятника [1; 2]. Имеющиеся радиоуглеродные даты помещают оба культурных слоя памятника практически на границу палеолита и мезолита по региональным периодизационным схемам, и различия в индустриях слоев могут свидетельствовать об их принадлежности к разным периодам. Косвенно на это указывают отличия в каменном инвентаре. Так, только среди орудий к.с. 1 зафиксированы такие значимые категории, как проколки на микропластинах (представительная серия из 27 экз.) и остроконечники усть-кяхтинского типа. Для прояснения этого вопроса достаточно четким индикатором может послужить состав немногочисленного, но показательного костяного инструментария стоянки.

В к.с. 1, согласно отчетам о раскопках⁴, были обнаружены костяное острие из ребра животного с упло-

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 12-06-33041 мол_а_вед.

¹ Окладников А.П. Отчет об исследовании палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г. Новосибирск, 1977 // Архив Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.

² В статье приняты сокращения: к.с. – культурный слой; гор. – горизонт.

³ Окладников А.П. Научный отчет о раскопках стоянки Усть-Кяхта 1 (Кяхтинский район БурАССР) в 1978 г. Новосибирск, 1979 // Архив Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.

⁴ Окладников А.П. Отчет об исследовании палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г. Новосибирск, 1977 // Архив Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.

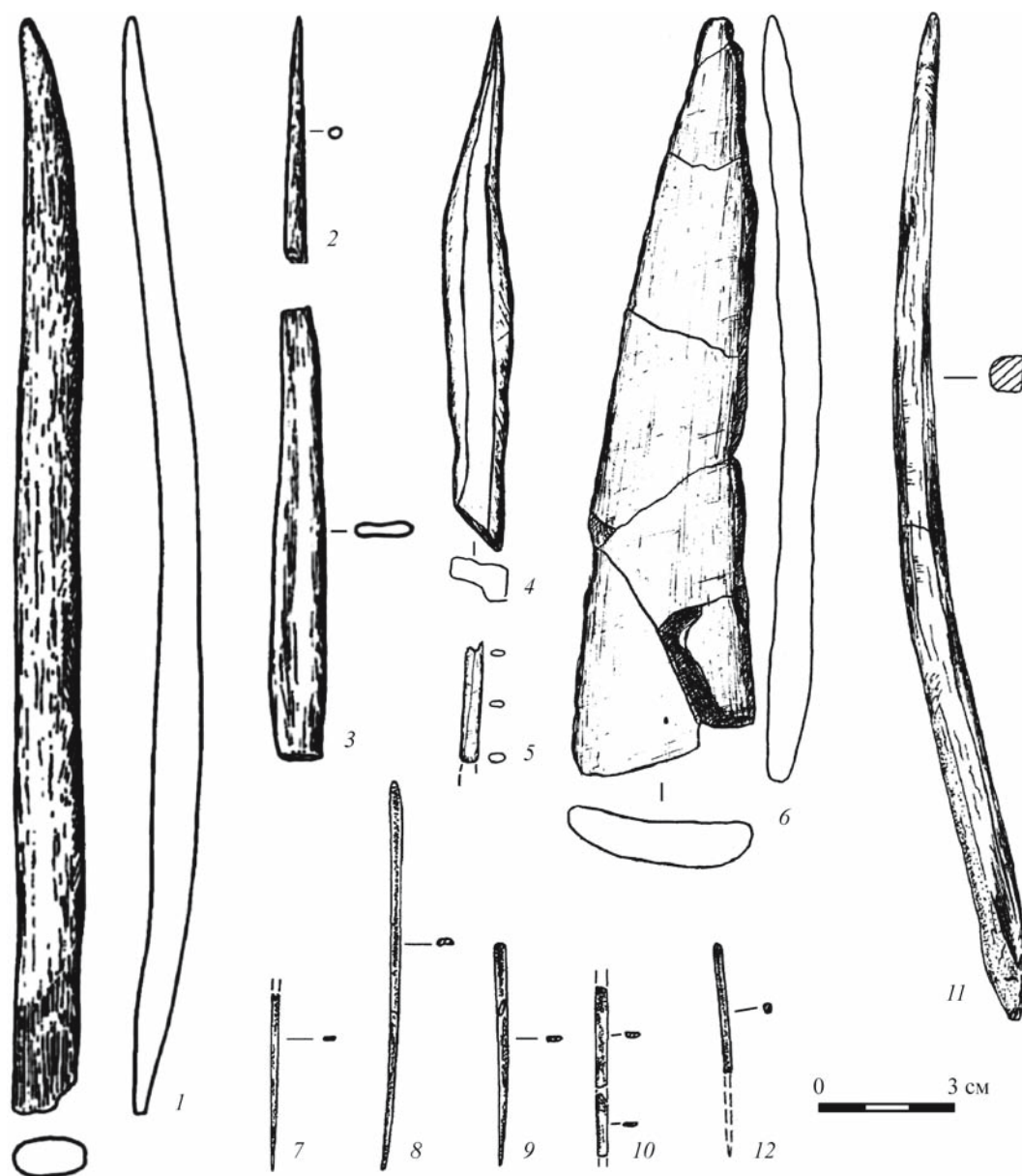

Рис. 1. Острия и иглы.

1–3 острия и игла слоя 1 стоянки Усть-Кяхта-3 (Окладников А.П. Отчет об исследовании палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г. Новосибирск, 1977. Архив Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224); 4 – острие гор. 17 Студеного-1 (по: [3, рис. 56, 7]); 5 – игла гор. 4 Студеного-2 (по: [3, рис. 59, 19]); 6 – острие гор. 3 Усть-Мензы-3 (по: [3, рис. 60, 11]); 7–10 иглы гор. 4 Усть-Кяхты-17 (по: [2, рис. 30, 1-4]); 11–12 острие и игла гор. 3 Усть-Кяхты-17 (по: [2, рис. 29, 1, 7]).

ценным насадом, длиной 245 мм (рис. 1, 1); фрагмент острия иглы длиной 53 мм (рис. 1, 2); обломок костяной проколки из грифельной кости (возможно, марала) длиной 100 мм (рис. 1, 3); обломок однопазового вкладышевого орудия длиной 39 мм; обработанный костяной стерженек длиной 46 мм, интерпретируемый как заготовка иглы; рыболовный крючок, состоящий из двух фрагментов, длина его ножки – 40 мм, а высота острия – 18 мм (рис. 2, 7). В к.с. 2 найден обломок костяной основы с двумя пазами из ребра жи-

вотного длиной 72 мм (рис. 2, 1) (палеонтологическое определение канд. биол. наук С.К. Васильева, личное сообщение).

Костяные изделия в палеолите Западного Забайкалья. Для рассматриваемой территории активное изготовление и использование костяных изделий приходится на два разнесенных во времени периода – ранний верхний палеолит (РВП) и финальный палеолит, переходящий в мезолитическую эпоху. В настоящей статье будут рассматриваться финальнопалео-

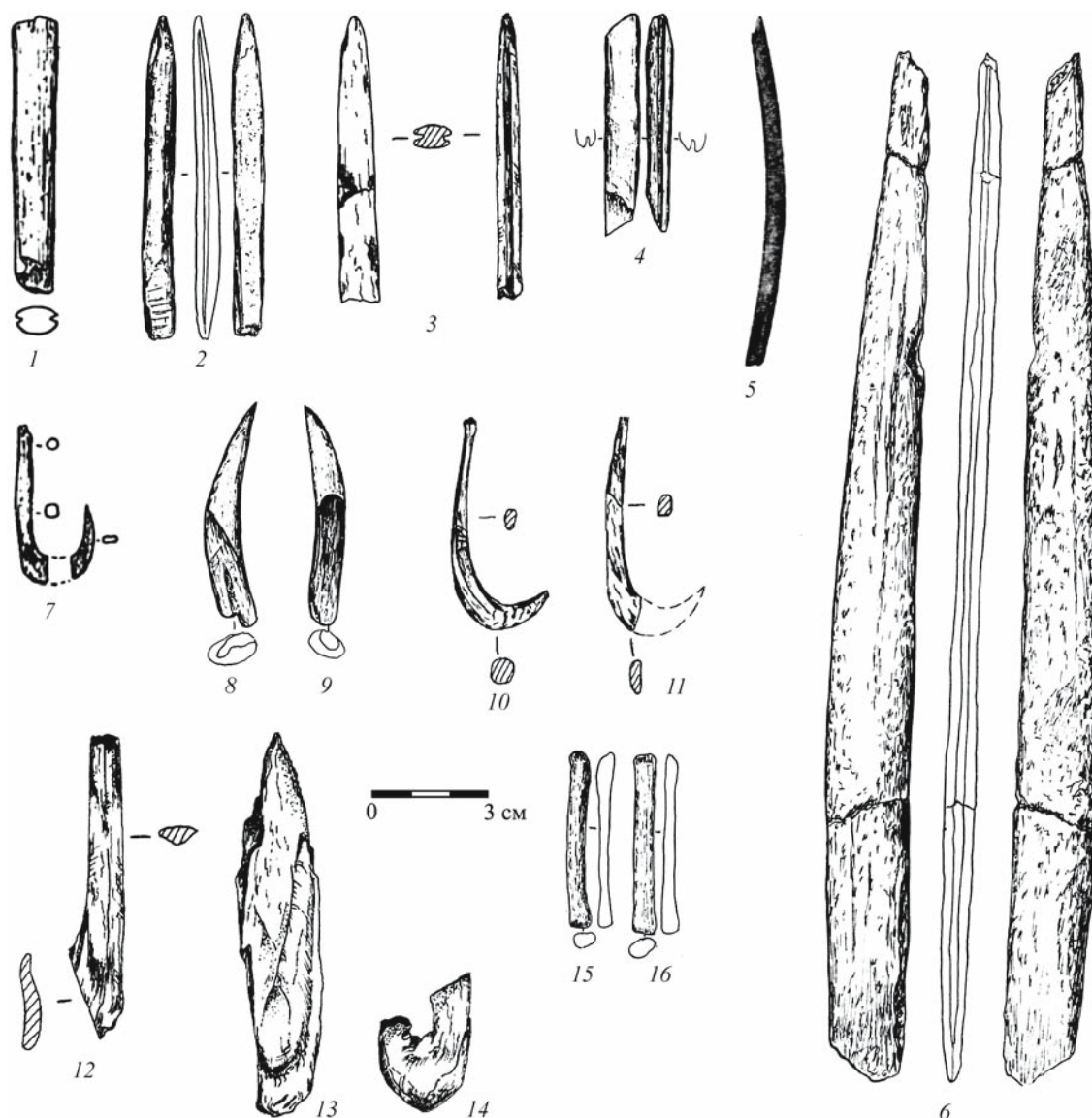

Рис. 2. Основы вкладышевых орудий и крючки.

1–6 основы вкладышевых орудий;
7–16 крючки и заготовки к крючкам.

1 – слой 2 Усть-Кяхты-3; 2 – гор. 11 Усть-Мензы-1 (по: [3, рис. 70, 16]); 3 – гор. 3 Усть-Кяхты-17 (по: [2, рис. 29, 6]); 4 – гор. 11 Студеного-1 (по: [3, рис. 59, 13]); 5 – Толбага (по: [5, рис. 1, 4]); 6 – гор. 18/2 Студеного-1 (по: [3, рис. 58, 9]); 7 – слой 1 Усть-Кяхты-3; 8–9 – гор. 11 Студеного-1 (по: [3, рис. 59, 10–11]); 10–14 – гор. 3 Усть-Кяхты-17 (по: [2, рис. 29, 2–5, 8]); 15–16 – гор. 10 Студеного-1 (по: [3, рис. 54, 35–36]).

(О слое 2 Усть-Кяхты-3 см.: *Окладников А.П.* Отчет об исследовании палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г. Новосибирск, 1977; Архив Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.); о слое 1 Усть-Кяхты-3 см.: *Окладников А.П.* Отчет об исследовании палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г. Новосибирск, 1977; Архив Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224).

литические и мезолитические комплексы региона, наиболее близкие индустрии Усть-Кяхты-3.

Расцвет костяной индустрии приходится на поздний этап верхнего палеолита, заключенный во временные рамки около 18 – 12–10 тыс. л.н. В Западном Забайкалье костяные изделия были зафиксированы в финально-палеолитических культурных отложениях

стоянок Студеное-1 (гор. 18/2, 17 и 15), Студеное-2 (гор. 4), Усть-Менза-1 (гор. 11), Усть-Менза-2 (гор. 20), Усть-Менза-3, (гор. 3) [3].

В отдельную группу необходимо выделить памятники, абсолютные даты которых помещают их в финальный плейстоцен, однако, имеющие мезолитическую атрибуцию на основе появления значимых

технологических инноваций (вкладышевая техника) [2]. Это в первую очередь трехслойная стоянка Ошурково, по пред- и раннеголоценовым материалам которой впервые была выделена мезолитическая эпоха в Забайкалье [4, с. 2–26]. Вторым памятником является многослойная стоянка Усть-Кяхта-17, костяная индустрия которой представлена в горизонтах 2–5. Памятник особо интересен для сопоставлений с Усть-Кяхтой-3, поскольку находится в 6 км от нее и отнесен к той же культурной традиции [2, с. 117–122].

Костяная индустрия раннеголоценовых мезолитических комплексов представлена в горизонтах 11 и 10 Студеного-1 [3].

Острийные формы. Изделия типа «острий» распространены на территории Западного Забайкалья достаточно широко как во времени, так и в пространстве. Основную сложность представляет высокое разнообразие изделий, относимых к рассматриваемому типу, и отсутствие единой типологии. Поэтому автором настоящей статьи было принято решение условно разделить все изделия на две группы. К первой группе, условно названной «острия», относятся все крупные острийные изделия, ко второй, названной «иглы», принадлежат миниатюрные изделия.

Острийные формы обнаружены в позднепалеолитических гор. 17 и 15 Студеного-1. Для гор. 17 это шило из обломка трубчатой кости с намеренно приостренной рабочей частью (рис. 1, 4) [3, с. 77], для гор. 15 – обломок костяного шлифованного шильца [3, с. 78]. В коллекции гор. 4 Студеного-2 обнаружен обломок костяной иглы (рис. 1, 5) [3, с. 88]. В индустрии гор. 3 Усть-Мензы-3 зафиксирован остроконечник из уплощенного рога подтреугольной формы (рис. 1, 6) [3, с. 91].

В коллекции гор. 4 стоянки Усть-Кяхта-17 обнаружено 6 экз. костяных игл (рис. 1, 7–10) [2, с. 59]. В коллекции гор. 3 зафиксировано крупное острийное орудие. Это стержнеобразное изделие из рога оленя, выгнутое в середине, с одним уплощенным и другим заостренным окончаниями (рис. 1, 11) [2, с. 57]. Оно полностью идентично острию из к.с. 1 Усть-Кяхты-3. Кроме того, в этом же слое найдена удлиненная заготовка из рога оленя, характеризующая начальную стадию изготовления подобных орудий [2, с. 57]. В группу «игл» была отнесена костяная игла с обломанным кончиком (рис. 1, 12) [2, с. 57].

Вкладышевые изделия. Первые изделия со своеобразной морфологией были зафиксированы в РВП на стоянке Толбага (рис. 2, 5) [5], однако стабильно присутствуют на финальнопалеолитических и мезолитических стоянках. Для позднепалеолитического гор. 18/2 Студеного-1 известен костяной вкладышевый нож длиной 268 мм. Он изготовлен из выпрямленного ребра копытного животного и имеет один прямой паз по всей длине основы. Ширина паза 2 мм, глубина 3–4 мм (рис. 2, 6) [3, с. 76]. Горизонт 11 Усть-Мензы-1 содержит однопазовую костяную вкладышевую основу, интерпретируемую как наконечник стрелы (рис. 2, 2) [3, с. 105].

Из костяных изделий на памятнике Ошурково (гор. 3) обнаружено три костяных вкладышевых орудия. Два из них представляют собой двупазовые изделия, определенные А.П. Окладниковым «клинками», третий – основа орудия с пазом по одной продольной стороне, которое было определено как «нож» [4, с. 15–16]. В коллекции горизонта 3 Усть-Кяхты-17 присутствует фрагмент костяного изделия с пазами по обоим краям для кремневых вкладышей, определенный исследователем как наконечник или кинжал (рис. 2, 3) [2, с. 57].

Костяная индустрия гор. 11 Студеного-1 представлена «двупазовой основой для вкладных лезвий с глубокими четкими прорезями» (рис. 2, 4) [3, с. 80].

Рыболовные крючки. Данные изделия были зафиксированы на мезолитических стоянках, относящихся по времени как к финальному плейстоцену (Усть-Кяхта-17), так и к раннему голоцену (Студеное-1 (гор. 10, 11)). В комплексе Усть-Кяхты-17 (гор. 3) представлены два законченных цельнорезных рыболовных крючка (рис. 2, 10–11) [2, с. 57], один из которых сломан, и три заготовки (рис. 2, 12–14). Законченные формы – это крупные однотипные изделия длиной 55 и 60 мм с длинной прямой ножкой, плавно сужающейся к окончанию. Костяная индустрия слоев Студеного-1 представлена двумя слабоизогнутыми, шлифованными по всей поверхности рыболовными крючками из рогов косули с кососрезанным основанием (рис. 2, 8–9) для гор. 11 [3, с. 80] и двумя костяными стерженьками от рыболовных крючков длиной 47 мм (рис. 2, 15–16) для гор. 10 [3, с. 81].

Как показал обзор имеющихся данных, наличие некоторых характерных типов костяных орудий может играть значимую роль при определении периодизационного статуса стоянки Усть-Кяхта-3.

При рассмотрении острийных форм было отмечено, что для большинства крупных изделий скорее можно зафиксировать приспособление человеком естественных форм костей к орудийной деятельности, нежели изготовление морфологически устойчивых форм орудий. Причем такая слабая стандартизация изделий прослеживается вплоть до эпохи мезолита. Единственное изделие, идентичное острийному орудю из к.с. 1 Усть-Кяхты-3, имеющее аналогичную дополнительную подработку базальной части в виде ее уплощения, принадлежит той же территории и тому же хронологическому отрезку времени (гор. 3 Усть-Кяхты-17). Изделия малых размеров, обозначенные как «иглы» (с параллельными краями и заостренным кончиком), имеют достаточно устойчивую морфологию на протяжении всего рассмотренного периода.

Костяные основы вкладышевых орудий впервые появляются в эпоху РВП и отмечаются на единственной стоянке – Толбага, а затем уже фиксируются в индустриях финального палеолита – Студеное-1 (гор. 18/2) и Усть-Менза-1 (гор. 11). Чаще всего это крупные однопазовые изделия. Двупазовые вкладышевые орудия появляются в финальноплейстоценовых горизонтах памятников Ошурково и Усть-Кяхта-17, причем

Т а б л и ц а

Костяные острия и иглы, вкладышевые изделия и рыболовные крючки финального палеолита и мезолита Западного Забайкалья, экз.

Время	Памятник (горизонт)	Острия	Иглы	Вкладышевые основы		Крючки
				1 паз	2 паза	
Финальный плейстоцен / палеолит	Студеное-1 (гор. 18/2)	–	–	1	–	–
	Студеное-1 (гор. 17)	1	–	–	–	–
	Студеное-1 (гор. 15)	1	–	–	–	–
	Студеное-2 (гор. 4)	–	1	–	–	–
	Усть-Менза-1 (гор. 11)	–	–	1	–	–
	Усть-Менза-3 (гор. 3)	1	–	–	–	–
Финальный плейстоцен / мезолит	Ошурково (гор. 3)	–	–	1	2	–
	Усть-Кяхта-17 (гор. 3)	2	1	–	1	2+3
	Усть-Кяхта-17 (гор. 4)	–	6	–	–	–
Голоцен / мезолит	Студеное-1 (гор. 11)	–	–	–	1	2
	Студеное-1 (гор. 10)	–	–	–	–	2

в обоих случаях в костяном инвентаре также присутствуют рыболовные изделия – крючки (или гарпуны, отсутствующие в коллекциях обоих слоев Усть-Кяхты-3). Такое сочетание рыболовного и вкладышевого костяного инвентаря памятников Ошурково и Усть-Кяхта-17 послужило причиной их отнесения исследователями к мезолитической эпохе. К ней же был отнесен и раннеголоценовый памятник Студеное-1 (гор. 11), коллекция которого содержит двулезвийную вкладышевую основу.

На основе принятых для каменного века Западного Забайкалья периодизационных критериев, где важная роль отводится именно костяному инвентарю, археологические коллекции слоев 1 и 2 памятника Усть-Кяхта-3 формально могут быть отнесены к эпохе мезолита в рамках финального плейстоцена. Данный вывод базируется на наличии в к.с. 1 – крупного острейного изделия с уплощенным основанием. Подобная атрибуция объекта входит в противоречие с технико-типологическими характеристиками

каменного инвентаря, что по-прежнему оставляет дискуссионным вопрос об иерархии критериев при отнесении археологических материалов к той или иной эпохе каменного века на региональной шкале периодизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асеев И.В.* Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск, 2003. 208 с.
2. *Ташак В.И.* Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ, 2005. 129 с.
3. *Константинов М.В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 180 с.
4. *Окладников А.П.* Палеолит Забайкалья: общий очерк // Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. С. 2–26.
5. *Васильев С.К.* Поселение Толбага: технология обработки кости и костяные орудия // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск, 2005. С. 56–63.

*Статья поступила
в редакцию 13.02.2014*

УДК 903.01

М.Б. КОЗЛИКИН

ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В ИНДУСТРИЯХ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск,
Алтайский государственный университет,
Барнаул,
младший научный сотрудник
e-mail: kmb777@yandex.ru

В ходе последних археологических работ в восточной галерее Денисовой пещеры изучались плейстоценовые отложения, содержащие материалы среднепалеолитического времени. В результате раскопок была получена многочисленная коллекция каменных артефактов, требующая всестороннего анализа и введения в научный оборот. В данной статье представлены результаты изучения основных категорий каменного инвентаря, характеризующих технологии первичного расщепления в среднепалеолитическом комплексе восточной галереи. В колонке рыхлых отложений восточной галереи, включающей 17 стратиграфических подразделений, материалы среднепалеолитического возраста происходят из литологических слоев 15–12. Анализ нуклеидных форм и сколов позволил сделать вывод, что рассматриваемый массив каменных артефактов является неоднородным. В среднепалеолитической коллекции восточной галереи достаточно четко можно выделить два технологически разных комплекса. Первый комплекс, объединяющий материалы из слоев 15 и 14, характеризуется первичным расщеплением, осуществляемым исключительно в радиальной системе. В связи с этим среди отщепов преобладают экземпляры укороченных пропорций, доля сколов с подправкой карниза остаточной ударной площадки минимальная, пластины отсутствуют. Второй комплекс включает материалы из слоя 12 и характеризуется преимущественно плоскостным параллельным и объемным расщеплением с тщательным оформлением нуклеусов. Соответственно возрастает удельный вес отщепов удлиненных пропорций и сколов с подправкой карниза остаточной ударной площадки, а также процентное содержание отщепов с продольной однонаправленной огранкой дорсальной поверхности. Появляются регулярные правильные пластины. Индустрия из слоя 13 сочетает в себе основные признаки как первого, так и второго комплексов и, вероятнее всего, отражает переходный характер.

Основные технологические различия между представленными палеолитическими комплексами скорее всего демонстрируют, по мнению автора, процесс развития в рамках единой индустриальной линии.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, средний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление.

На протяжении последнего десятилетия междисциплинарные работы по изучению Денисовой пещеры проводятся в восточной галерее. В колонке рыхлых отложений на данном участке памятника выделено 17 основных стратиграфических подразделений [1]. Верхняя часть разреза, включающая литологические слои 1–8, сформировалась в голоценовое время. Плейстоценовая толща представлена слоями 9–17, которые в целом соответствуют слоям 9–22 опорного разреза в центральном зале пещеры. В пределах слоев 17 и 16 археологический материал не обнаружен. Слои 15–12 содержали среднепалеолитический материал. Слои 11 и 9 характеризуются

индустриями начальной и заключительной стадий верхнего палеолита. Слой 10 демонстрирует перерыв в осадконакоплении и археологически стерилен. Наиболее высокая плотность археологического материала характерна для слоев 15–12 [2, 3]. Коллекция каменных артефактов из этих стратиграфических подразделений насчитывает свыше 22 тыс. экз. Обилие материала позволяет реконструировать технологию первичного расщепления в среднепалеолитическом комплексе восточной галереи.

Коллекция каменных артефактов из слоя 15 насчитывает 3921 экз.

Нуклеидные формы (0,8 %) включают нуклеусы (11 экз.), нуклеидные изделия (11 экз.) и нуклеидные обломки (9 экз.).

Типологически выраженные нуклеусы представлены радиальными моно- (4 экз.) и бифронтальными (7 экз.) ядрищами. Заготовками для нуклеусов служили крупные гальки или массивные сколы. Расщепление осуществлялось от ребра, без специальной подготовки ударной площадки.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 13-06-12002-офи-м, № 12-06-33041-мол-а-вед, гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Нуклевидные изделия представляют собой крупные массивные сколы с серий или единичным снятием на вентральной, реже дорсальной стороне.

Нуклевидные обломки представляют собой крупные угловатые обломки с единичными бессистемными снятиями.

Общая численность индустрии сколов составляет 1526 экз. (38,9 %), включая изделия с вторичной обработкой.

Технические сколы представлены полуреберчатым (7 экз.) и реберчатым (3 экз.) типами.

Отщепы насчитывают 1514 экз. Основные морфологические и технологические характеристики отщепов приведены в таблице. Размеры установлены для целых отщепов. Пропорции вычислялись для целых отщепов среднего и крупного размера. Тип остаточной ударной площадки, прием подправки карниза площадки, тип дорсальной огранки определены для средних и крупных целых отщепов, а также фрагментов отщепов крупнее 30 мм.

Пластины представлены 2 экз. с гладкой площадкой и продольной однонаправленной дорсальной огранкой.

Категория отходов производства (60,3 %) включает 12 колотых галек, 2 126 обломков и осколков, 226 чешуек.

Каменная индустрия из слоя 14 насчитывает 10 816 экз.

Нуклевидные формы (0,9 %) включают нуклеусы (40 экз.), нуклевидные изделия (36 экз.) и обломки (30 экз.).

Одноплощадочные монофронтальные параллельные плоскостные нуклеусы представлены 4 экз. Изделия подпрямоугольной в плане формы выполнены на валунах и в одном случае на крупном обломке. Ударная площадка, скошенная к контрфронт, подработана только на одном ядрище. Фронт на всех изделиях несет негативы коротких снятий. Контрфронт, латерали и основание не обработаны. Изделия не истощены.

Наиболее многочисленны радиальные нуклеусы. Среди монофронтальных (18 экз.) форм два ядрища выполнены на валунах. Остальные нуклеусы оформлены на крупных массивных сколах, достаточно сильно истощены. В большинстве случаев фронт занимает вентральную сторону заготовки, реже снятия осуществлялись с дорсальной поверхности. На некоторых ядрищах подготовлена ударная площадка.

Среди бифронтальных (15 экз.) форм три нуклеуса выполнены на валунах. Пять ядрищ оформлены на сколах. Характер заготовок остальных изделий невозможно определить, так как они сильно истощены. Во всех случаях расщепление осуществлялось от ребра, без подготовки площадки.

Ортогональные нуклеусы представлены 3 экз. Это ядрища с несколькими смежными ударными площадками и фронтами. Негативы от предыдущих сколов использовались как ударные площадки для получения следующих снятий.

Индустрия сколов насчитывает 4234 экз. (39,2 %).

Технические сколы – полуреберчатые (12 экз.) и реберчатые (13 экз.).

Количество отщепов составляет 4201 экз.

Пластины насчитывают 8 экз. с гладкой площадкой без подправки карниза. Дорсальная огранка продольная (3 экз.), ортогональная (3 экз.) и неопределимая (2 экз.).

Отходы производства (59,9 %) включают 74 колотые гальки, 5436 обломков и осколков, 966 чешуек.

Коллекция из слоя 13 насчитывает 994 экз.

Нуклевидные формы (2,2 %) представлены нуклеусами (8 экз.), нуклевидными изделиями (2 экз.) и нуклевидными обломками (12 экз.).

Все нуклеусы радиальные, в равной доле моно- и бифронтальные. Одно ядрище выполнено на крупной гальке, остальные – на массивных сколах. Изделия преимущественно истощенные, во всех случаях расщепление осуществлялось от ребра, без подготовки площадки.

Индустрия сколов насчитывает 489 экз. (49,2 %).

Технические сколы (6 экз.) представлены полуреберчатым типом.

Количество отщепов составляет 479 экз.

Пластины представлены 4 экз. с гладкой площадкой без подправки и с продольной одно- или бинаправленной дорсальной огранкой.

Отходы производства (48,6 %) включают колотую гальку, 420 обломков и осколков, 62 чешуйки.

Коллекция каменных артефактов из слоя 12 насчитывает 6750 экз.

Нуклевидные формы (1,4 %) включают нуклеусы (46 экз.), нуклевидные изделия (28 экз.) и нуклевидные обломки (20 экз.).

Одноплощадочные монофронтальные параллельные плоскостные нуклеусы насчитывают 11 экз. Заготовками для семи нуклеусов служили валуны или крупные гальки. В четырех случаях ударная площадка не подготовлена. На одном изделии площадка оформлена крупным сколом. Еще на двух ядрищах площадка подготовлена несколькими крупными снятиями с мелкой подправкой по краю. Контрфронт, латерали и основание в большинстве случаев не обработаны. Остальные нуклеусы выполнены на крупных массивных отщепках. Ударная площадка подготовлена в проксимальной или латеральной зонах заготовки с помощью ретуширования. Нуклеусы данного типа, как правило, слабо истощены, за исключением экземпляров на сколах, когда почти полностью выработан объем вентральной стороны заготовки.

Одним экземпляром представлен двуплощадочный монофронтальный параллельный плоскостной нуклеус с продольно-поперечным скалыванием. Ядрище выполнено на валуне. Сопряженные ударные площадки хорошо отретушированы, скошены к контрфронт.

Двуплощадочные монофронтальные параллельные плоскостные нуклеусы со встречным скалыванием насчитывают 5 экз. Первое ядрище выполнено на отдельности валуна. Ударные площадки естественные, скошены к контрфронт. Еще три нуклеуса оформле-

ны на сколах. Ударные площадки подготовлены посредством интенсивного ретуширования. Тип заготовки последнего ядрища не определим. Ударные площадки тщательно ретушированы, выпуклые в плане, скошены к естественному контрфронт. Одна из ударных площадок, видимо, была основной, другая – вспомогательной, для поддержания объема фронта с той же целью применялась латеральная подправка.

Двумя экземплярами представлены двуплощадочные бифронтальные параллельные плоскостные нуклеусы. Ядрище выполнено на валунах. Противоположные ударные площадки в одном случае гладкие, в другом – обработаны крупными заломистыми сколами. Фронты расположены на разных плоскостях заготовки перпендикулярно по отношению друг к другу. Расщепление остановлено из-за глубоких заломов.

Представительной является серия радиальных нуклеусов. Монофронтальные (8 экз.) ядрища выполнены на крупных сколах и в одном случае на валуне. Половина нуклеусов имеет тщательно ретушированную круговую ударную площадку. На остальных ядрищах расщепление осуществлялось от ребра. Бифронтальные (14 экз.) нуклеусы выполнены на валунах (2 экз.) или сколах (2 экз.). В других случаях характер заготовки не определим, так как ядрища сильно истощены. Расщепление велось преимущественно от ребра, без подготовки площадки.

Единственное подпризматическое ядрище выполнено на валуне. Контрфронт и основание не обработаны. Ударная площадка прямая, подготовлена крупными сколами с мелкой краевой подправкой. Карнизы тщательно удалены прямой редукией.

Ортогональные ядрища (4 экз.) аналогичны изделиям из слоя 14.

Индустрия сколов насчитывает 3157 экз. (46,8 %).

Технические сколы – полуреберчатые (15 экз.) и реберчатые (9 экз.).

Количество отщепов составляет 3035 экз.

Пластины насчитывают 98 экз. По типу остаточной ударной площадки пластины распределяются следующим образом: гладкая – 51,6 %; фасетированная – 26,6; двугранная – 10,7; естественная и точечная – по 3,1; неопределимая – 4,7 %. Площадки зачастую подправлены (48,4 %), преимущественно при помощи обратной редукии. Дорсальная огранка пластин в большинстве случаев продольная одно- (48,1 %) или бинаправленная (23,5 %), продольная однонаправленная параллельная и ортогональная (по 9,9 %).

Категория отходов производства (51,8 %) включает 38 колотых галек и валунов, 2 459 обломков и осколков, 1 002 чешуйки.

Общая коллекция каменных артефактов из среднепалеолитических слоев восточной галереи насчитывает 22 481 экз. Распределение находок по слоям неравномерное – от 994 экз. в коллекции из слоя 13 до 10 816 экз. в слое 14. Такая диспропорция напрямую связана с различной мощностью стратиграфических подразделений и их насыщенностью археологическим материалом.

Количество нуклевидных форм увеличивается от слоя 15 к слою 12, вместе с тем более разнообразным становится перечень типологически выраженных ядрищ. Нуклеусы из слоев 15 и 13 утилизировались исключительно в системе радиального расщепления. В индустрии из слоя 14 наряду с радиальными нуклеусами выделена небольшая серия плоскостных параллельных ядрищ. В коллекции из слоя 12, на фоне доминирования радиальных ядрищ, отмечены различные типы плоскостных параллельных ядрищ и подпризматический нуклеус. В качестве заготовки для нуклеусов использовались как валуны и крупные гальки, так и крупные массивные сколы. Негативы от сколов на фронтах нуклеусов показывают, что расщепление преимущественно было направлено на получение отщепов коротких и укороченных пропорций. Негативы от удлиненных снятий и пластин характерны для единственного нуклеуса с объемным расщеплением, а также для некоторых плоскостных ядрищ из слоя 12. Последние, как правило, имеют тщательно ретушированную ударную площадку. Центральный объем фронта поддерживался латеральными подправками и снятиями с основания ядрища.

Характерной чертой среднепалеолитического комплекса восточной галереи является использование объема вентральной стороны крупных отщепов для получения единичных или серийных снятий, что находит свое выражение в частом использовании сколов для оформления нуклеусов (в первую очередь радиальных), а также в большом количестве нуклевидных изделий.

Многочисленную группу во всех коллекциях образуют сколы, удельный вес которых увеличивается от 38,9 и 39,2 % в индустриях из слоев 15 и 14 до 49,2 и 46,8 % в комплексах из слоев 13 и 12. Наиболее распространены среди сколов отщепы. Их процентное содержание также возрастает от слоя 15 к слою 12. По размерности целые отщепы практически поровну распределены в индустриях разных слоев (см. таблицу). Более четкие закономерные изменения прослежены при анализе пропорций отщепов. Удельный вес удлиненных заготовок возрастает от 9,9 и 5,5 % в индустриях из слоев 15 и 14 до 15,0 и 18,6 % в коллекциях из слоев 13 и 12. Более стабильную позицию занимают укороченные и короткие заготовки. Анализ остаточных ударных площадок отщепов показывает, что преобладают экземпляры с гладкой или естественной площадкой, удельный вес которых уменьшается к слою 12 (см. таблицу). Вместе с тем в индустрии из слоя 12 возрастает доля фасетированных, двугранных, линейных и точечных площадок. Удельный вес площадок с подправкой карниза изменяется от 1,8 % в индустрии из слоя 15 до 13,2 % в комплексе из слоя 12. Преобладающим типом дорсальной огранки отщепов является продольная однонаправленная огранка. От слоя 15 к слою 12 доля сколов с такой огранкой возрастает с 31,4 до 46,3 %. Не так значительно изменяется процентное содержание отщепов с другими типами огранки.

Менее распространены среди сколов пластины. Выразительную серию эти изделия составляют толь-

Т а б л и ц а

Основные морфологические и технологические характеристики отщепов из слоев 15–12 в восточной галерее Денисовой пещеры

Признак	Слой 15		Слой 14		Слой 13		Слой 12	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
<i>Размеры</i>								
Крупные (свыше 50 мм)	449	22,6	84	23,3	780	23,1	311	25,5
Средние (30–50 мм)	469	23,6	62	17,2	643	19,1	234	19,2
Мелкие (10–30 мм)	1071	53,8	215	59,5	1953	57,8	673	55,3
<i>Всего:</i>	1989	100	361	100	3376	100	1218	100
<i>Пропорции</i>								
Укороченные ($L \leq m$)	472	51,4	68	46,6	731	51,4	261	47,9
Короткие ($m < L \leq 1,5m$)	275	30,0	56	38,4	614	43,1	230	42,2
Удлиненные ($1,5m < L < 2m$)	171	18,6	22	15,0	78	5,5	54	9,9
<i>Всего:</i>	918	100	146	100	1423	100	545	100
<i>Типы ударной площадки</i>								
Естественная	290	20,7	58	27,3	456	25,3	169	24,9
Гладкая	815	57,8	120	56,6	1151	63,9	444	65,4
Линейная	27	1,9	2	0,9	20	1,1	6	0,9
Точечная	62	4,4	7	3,3	26	1,4	4	0,6
Двугранная	62	4,4	3	1,5	23	1,3	9	1,3
Фасетированная	64	4,5	–	–	6	0,3	–	–
Неопределимая	89	6,3	22	10,4	120	6,7	47	6,9
<i>Всего:</i>	1409	100	212	100	1802	100	679	100
<i>Характер подправки карниза ударной площадки</i>								
Без подправки	1223	86,8	202	95,3	1730	96	667	98,2
Прямая редукция	81	5,7	8	3,8	49	2,7	8	1,2
Обратная редукция	96	6,9	2	0,9	22	1,2	4	0,6
Прямая и обратная редукция	9	0,6	–	–	1	0,1	–	–
<i>Всего:</i>	1409	100	212	100	1802	100	679	100
<i>Типы дорсальной огранки</i>								
Естественная поверхность	140	10,6	23	12,1	242	13,9	94	13,9
Гладкая	106	8,0	11	5,8	203	11,6	73	10,8
Продольная однонаправленная	612	46,3	71	37,4	569	32,6	212	31,4
Продольная однонаправленная параллельная	1	0,1	–	–	–	–	–	–
Продольная бинаправленная	71	5,3	13	6,8	66	3,8	17	2,5
Конвергентная	1	0,1	–	–	–	–	–	–
Радиальная	2	0,1	–	–	1	0,1	–	–
Ортогональная	161	12,2	21	11,1	232	13,4	96	14,2
Поперечная	12	0,9	–	–	4	0,2	4	0,6
Неопределимая	217	16,4	51	26,8	426	24,4	180	26,6
<i>Всего:</i>	1323	100	190	100	1743	100	676	100

ко в индустрии из слоя 12, где на их долю приходится 1,6 %. Пластины отличаются большим удельным весом экземпляров с фасетированной и линейной остаточной ударной площадкой. Удельный вес пластин с подправкой карниза площадки составляет 48,4 %, преобладает

обратная редукция. Тот факт, что относительное содержание пластин с фасетированными остаточными ударными площадками, с подправками карниза, с правильной огранкой значительно выше, чем доля отщепов с аналогичными признаками, свидетельствует, возмож-

но, о существовании специализированной технологии для получения пластин. Ряд изделий из этой группы формально можно охарактеризовать как леваллуазские пластины или леваллуазские острия с пропорциями пластины. Единичные пластины из нижележащих слоев, вероятнее всего, являются случайным продуктом при расщеплении в радиальной системе.

Процентное содержание в индустрии отходов производства уменьшается с 60,3 % в слое 15 до 51,8 % в слое 12. В данной категории преобладают обломки и осколки, процентное содержание которых снижается с 54,2 до 36,5 % от слоя 15 к слою 12. Вместе с тем возрастает удельный вес чешуек – от 5,8 до 14,8 %. Доля коло-тых галек и валунов не превышает 0,5 % в каждом слое. В целом низкий удельный вес дебритажа свидетельствует о том, что первичное расщепление осуществлялось преимущественно за пределами пещеры.

Сравнительный анализ коллекции каменных артефактов из литологических слоев 15–12 демонстрирует неоднородность каменной индустрии из данных стратиграфических подразделений. Достаточно четко можно выделить два комплекса: первый, включающий материалы из слоев 15 и 14, и второй, объединяющий материалы из слоя 12. Первый комплекс характеризуется абсолютным преобладанием радиальной системы первичного расщепления, более низким удельным весом сколов, преобладанием отщепов укороченных пропорций, очень низкой долей отщепов с подправкой площадки, отсутствием пластин. Для второго комплекса характерно плоскостное параллельное и объемное расщепление, тщательное оформление нуклеусов; в соответствии с этим увеличивается доля отщепов удлиненных пропорций и доля отщепов с подправкой карниза, а также процентное содержание отщепов с продольной

однонаправленной огранкой дорсальной поверхности, появляются регулярные правильные пластины. Индустрия из слоя 13 имеет, скорее всего, переходный характер. С одной стороны, набор нуклеусов представлен только радиальными ядрищами, как и в комплексе из слоев 15 и 14. С другой стороны, в индустрии сколов достаточно высок удельный вес удлиненных сколов, отщепов с точечными и линейными площадками, изделий с подправкой карниза площадки, что в свою очередь характерно для комплекса из слоя 12.

Различия между описанными выше палеолитическими комплексами, вероятнее всего, демонстрируют постепенное развитие в рамках единой индустриальной линии. Более определенно объяснить это явление позволит детальный типологический анализ орудийного комплекса из слоев 15–12, а также корреляция материалов из восточной галереи с синхронными комплексами центрального зала, предвходовой площадки и южной галереи пещеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ульянов В.А., Шуньков М.В. Некоторые особенности седиментогенеза в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. 19. С. 159–162.
2. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А. и др. Раскопки плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17. С. 48–53.
3. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А. и др. Новые результаты исследования среднего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. 19. С. 79–83.

*Статья поступила
в редакцию 12.02.2014*

УДК 903.2

С.А. ГЛАДЫШЕВ

ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ТОЛБОР-15*

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: paleomongolia@yandex.ru

Статья посвящена сравнительному анализу индустриальных комплексов раннего верхнего палеолита стоянки Толбор-15, расположенной на севере Монголии. Эти индустрии относятся к временному интервалу от 34 до 28 тыс. л.н., что подтверждается радиоуглеродными датами. В толще рыхлых отложений, в которых содержались артефакты, выделено шесть литологических подразделений и семь археологических горизонтов. Нижние горизонты 5–7 относятся к эпохе раннего верхнего палеолита. В рассматриваемых комплексах преобладают

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 12-06-00037а «Технологические портреты верхнепалеолитических индустрий Монголии».

одноплощадочные однофронтальные плоскостные нуклеусы для получения крупных пластин и пластинок. Среди орудий доминируют шиповидные изделия, концевые скребки высокой формы, зубчатые и выемчатые предметы и скребла.

Цель данной статьи – подвести итоги исследования стоянки Толбор-15, дать характеристику индустрий ранневерхнепалеолитических слоев, которые залежали в горизонтах 5–7, определить ее место среди других палеолитических комплексов Монголии.

Показано, что на протяжении существования комплексов из горизонтов 5–7 происходит последовательная эволюция в технике расщепления – от использования крупных бипродольных нуклеусов для получения удлиненных пластин до эксплуатации плоскостных однонаправленных и ортогональных ядрищ. Кроме того, наблюдаются изменения в морфологии заготовок в сторону уменьшения размеров основ орудий и нуклеусов. Типологический реестр орудий остается практически неизменным, что является основным свидетельством развития культурных традиций в сфере изготовления и использования орудий. Технология расщепления обсуждаемых комплексов очень близка основным вариантам параллельного пластинчатого раскалывания, широко представленным в коллекциях памятников рассматриваемого региона. Орудийный набор, при наличии определенных локальных различий также свидетельствует о генетических связях монгольских индустрий с комплексами соседних территорий в рамках феномена ранней поры верхнего палеолита Южной Сибири.

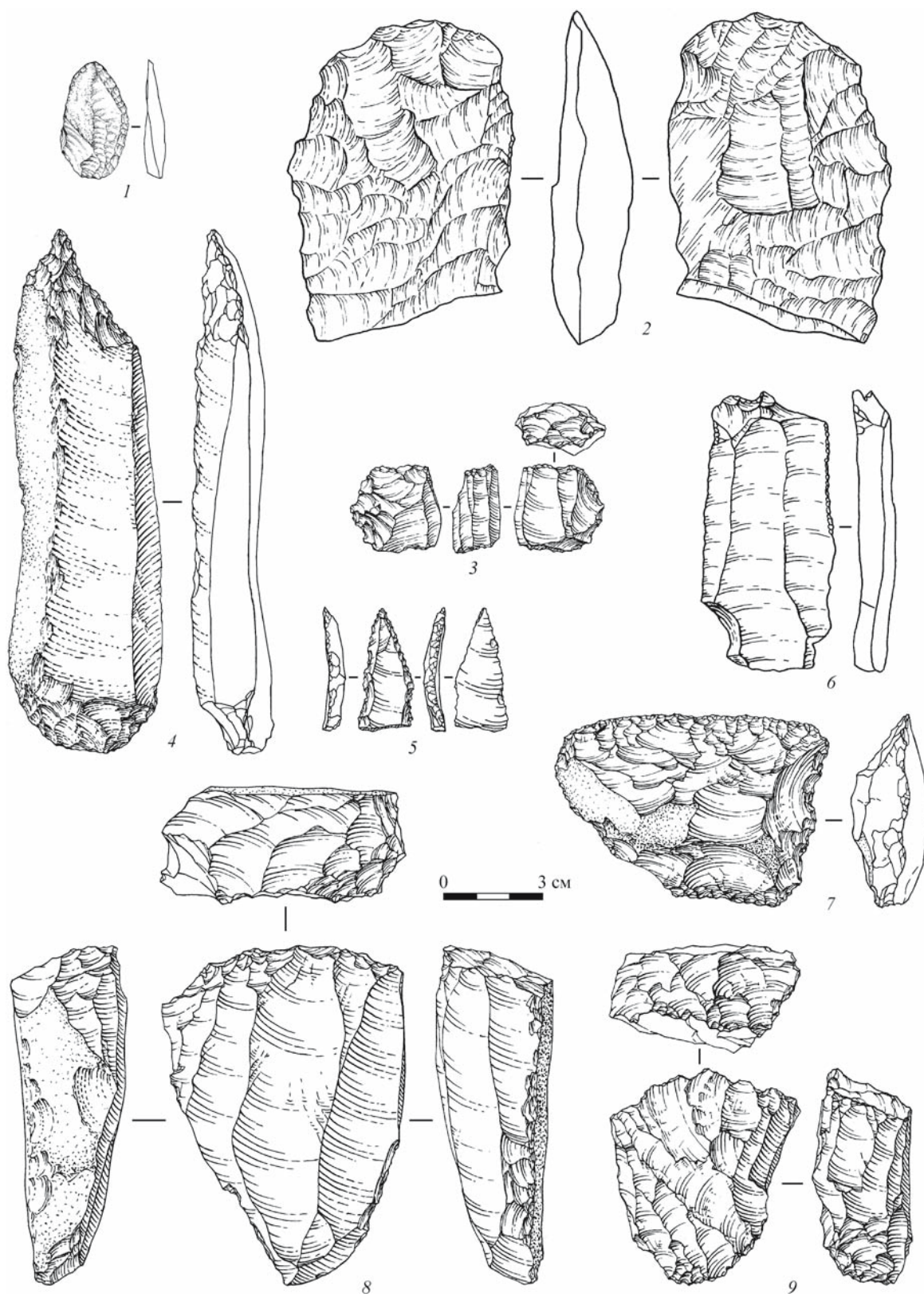
Ключевые слова: Монголия, Южная Сибирь, каменные технологии, орудийный набор, эволюция индустрий.

Стоянка Толбор-15 расположена в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол в Хангайской горной системе на севере Монголии. За четыре года работ (с 2008 по 2011 г.) на памятнике вскрыта площадь около 130 м². Коллекция артефактов, полученная в ходе раскопок, насчитывает более 30 тыс. предметов. В толще рыхлых отложений, в которых содержались артефакты, выделено шесть литологических подразделений и семь археологических горизонтов. Нижние горизонты 5–7 относятся к эпохе раннего верхнего палеолита [1].

В анализ нами включены только источники из горизонтов эпохи раннего верхнего палеолита. Материалы археологических горизонтов 5, 6 и 7 (далее Г 5–7) составляют единый, наиболее древний пласт памятника. В них преобладают одноплощадочные однофронтальные плоскостные нуклеусы для получения крупных пластин и пластинок. Доля пластин среди всей совокупности сколов достаточно высока (до 13 %), что позволяет отнести ее к пластинчатым разновидностям раннего верхнего палеолита Северной Азии. Среди орудий преобладают шиповидные изделия, концевые скребки высокой формы, зубчатые и выемчатые предметы и скребла. Ближайшим памятником, материалы которого наиболее близки рассматриваемым нами данным, является Толбор-4. Три нижних горизонта (4–6) этой стоянки иллюстрируют ранний этап верхнего палеолита Монголии. Комплексы 5 и 6 горизонтов Толбора-4 близки между собой, они характеризуют наиболее ранний период проникновения верхнепалеолитических пластинчатых индустрий в центральноазиатский регион. Ассамбляж Г 5, 6 Толбора-4 отмечается доминированием объемных одно- и двухплощадочных бипродольных нуклеусов торцового и фронтального типов, преобладанием крупных пластин среди сколов и небольшой долей орудий. Аналогичные индустрии обнаружены в последние два года в нижних слоях стоянок Толбор-16, 21, расположенных в этой же долине [2]. Время существования толборской ранневерхнепалеолитической индустрии определяется в диапазоне от 37 до 35 тыс. л.н. Материалы гор. 4 стоянки Толбор-4 отличаются от комплексов, залегающих ниже. В целом они очень близки индустриям Г 5–7 памятника Толбор-15. Это смена крупных объемных торцовых и фронтальных нуклеусов плоскостными одноплощадочными ядрищами (рисунок, 3,

8, 9), снижение доли пластин в общем объеме сколов. Причем орудийный набор остается неизменным (рисунок, 1, 2, 4–7). Исходя из этого, можно предположить, что нижняя граница существования индустрий Г 5–7 памятника Толбор-15 должна быть не древнее 35 тыс. л.н. Для уточнения данной хронологической границы рассмотрим материалы другого палеолитического памятника Северной Монголии, Доролж-1 [3]. Первичное расщепление комплекса характеризуется сочетанием нескольких стратегий расщепления. Это прежде всего параллельная однополярная в виде плоскостных нуклеусов, а также бипродольная параллельная, фиксируемая при утилизации подпризматических нуклеусов. Основными сколами-заготовками были короткие пластины, а также крупные удлиненные пластины, в том числе остроконечной формы. В комплексе также представлены торцовые нуклеусы и радиальные ядрища. Основными типами орудийного набора являются концевые скребки на пластинах, шиповидные орудия, зубчато-выемчатые орудия, ретушированные пластины, а также скребла, в том числе высокой формы. Необходимо отметить фактическую идентичность основных вариантов технологии расщепления и категорий орудийного набора комплекса Доролж-1 с материалами Г 5–7 памятника Толбор-15 и Г 4 стоянки Толбор-4, скорее всего относящимися к одному культурному варианту раннего верхнего палеолита. Данный вывод подтверждает и серия радиоуглеродных дат. Комплекс горизонта 7 стоянки Толбор-15 имеет даты 33 200 ± 1500 л.н. (AA-93137) и 29 150 ± 320 л.н. (AA-84138), а материалы гор. 5 датируются временем 32 200 ± 1400 л.н. (AA-93136) и 28 460 ± 310 л.н. (AA-84137). К этому же хронологическому отрезку относится ассамбляж гор. 4 стоянки Толбор-4, время существования которого датируется датой 26 700 ± 300 л.н. (AA-84135).

Следующие два памятника также демонстрируют поразительное сходство с материалами Г 5–7 Толбора-15. Это открытая стоянка Чихэн-2 и грот Чихэн-Агуй, которые находятся в центральной части Гобийского Алтая. Нижние слои (3–2.5) стоянки Чихэн-2 содержат культурные остатки ранней поры верхнего палеолита. Для слоя 2.5 была получена радиоуглеродная дата 30 550 ± 410 л.н. (AA-31870). Первичное расщепление характеризуется леваллуазскими нуклеусами, плоскостными однонаправленными и бипродольными, под-

Каменный инвентарь горизонтов 6, 7 стоянки Толбор-15.

1 – ножевидное орудие; 2 – бифас; 3 – плоскостной микронуклеус; 4, 6 – шиповидные орудия; 5 – острие с притупленным краем; 7 – скребло; 8, 9 – плоскостные нуклеусы.

призматическими бипродольными и торцовыми ядрищами для снятия пластин. В составе сколов имеются реберчатые и остроконечные пластины. Орудийный набор включает концевые и угловые скребки, сколы с ретушью, острия на пластинах (в том числе скошенные), зубчато-выемчатые орудия. Скребла, резцы и долотовидные орудия представлены единичными изделиями. Во всех слоях есть пластины и пластинки с притупленным краем [4]. Материалы палеолитического слоя грота Чихэн-Агуй имеют те же характеристики, что и ранний индустриальный комплекс стоянки Чихэн-2 и датируется $27\,432 \pm 872$ л.н.

Другие памятники с индустриями, аналогичными комплексам Г 5–7 Толбора-15, располагаются на территории Забайкалья. Это стоянки Каменка – слои А, С, Подзвонкая – 1/2, Хотык – горизонты 2, 3, Варварина Гора – гор. 2 [5] и Толбага – слой 4 [6]. Наиболее ранними из них являются комплексы А, С стоянки Каменка (разброс дат от 30 до 40 тыс. л.н.). Ведущим методом раскалывания было нелеваллуазское подпризматическое расщепление, направленное на получение удлиненных подтреугольных пластин. Главной особенностью технологии, применявшейся в комплексе Каменка А, С, является преимущественно бипродольное расщепление. В других забайкальских верхнепалеолитических комплексах техника снятия остроконечных пластин применялась реже. Ведущими типами нуклеусов являются подпризматические ядрища, плоскостные нуклеусы с дополнительным фронтом расщепления на торце, торцовые нуклеусы, микронуклеусы для снятия пластинчатых заготовок. Орудийный набор включает ретушированные пластины, концевые скребки, острия на пластинах, проколки, долотовидные и галечные орудия. Большую долю составляют тронкированные и преднамеренно фрагментированные сколы и шиповидные орудия. Одним из ведущих компонентов индустрии являются зубчато-выемчатые орудия. В забайкальских комплексах также встречаются «редкие» типы орудий, столь характерные для рассматриваемых нами монгольских технокомплексов. Это скошенные острия (встречаются во всех комплексах Забайкалья), острия с притупленным краем и овальные бифасы (Варварина Гора, Толбага), орудия с дистальной подтеской (Хотык), орудия на пластинах с черешком, выделенным ретушью (Каменка).

Вместе с тем, сравнивая комплексы Г 5–7 Толбора-15 с пластинчатым вариантом раннего верхнего палеолита Забайкалья, необходимо отметить и определенные различия. Так, ни в одном из забайкальских памятников не фиксируется столь значительного удельного веса шиповидных орудий, как в индустриях Толбора. Одним из распространенных типов орудий, определяющих облик индустрий в забайкальских памятниках, являются долотовидные орудия, которые в нижних слоях Толбора-4 представлены единичными предметами, а в комплексе Г 5–7 Толбора-15 не обнаружены вовсе. Мало в индустриях монгольского памятника резцов и скребел на пластинах, отсутствуют симметричные острия на пластинах с двусторонней обработкой, типичные для раннего верхнего палеолита всей Южной Сибири.

Ранневерхнепалеолитические индустрии Г 5–7 стоянки Толбор-15 являются локальным вариантом более широкой общности южносибирского раннего верхнего палеолита, о чем свидетельствуют не менее близкие, чем с Забайкальем, технологические и типологические связи с комплексами Горного Алтая – одного из основных евразийских центров формирования верхнего палеолита. Для технологии раскалывания алтайских памятников характерно параллельное расщепление как в однонаправленном, так и в бипродольном вариантах. В материалах стоянки Кара-Бом представлен, кроме того, и бипродольно-острый метод расщепления. Типологический набор нуклеусов включает плоскостные и подпризматические разновидности, пластинчатые микронуклеусы. Структура орудийного набора памятников «карабомовской» линии развития весьма близка монгольским комплексам. Обращает на себя внимание низкий удельный вес скребел (среди которых имеются экземпляры с вентральным уплощением) и долотовидных орудий, большая доля зубчато-выемчатых предметов в составе коллекций, обилие концевых скребков на пластинах [7]. Для ряда комплексов (Кара-Бом, Кара-Тенеш, Малояломанская пещера, Усть-Каракол) характерен прием утончения ударного бугорка орудий с помощью вентральной подправки. В комплексах Кара-Бом (верхнепалеолитические слои 1–4) присутствуют скошенные острия, орудия с подтеской дистального окончания и пластины с выделенным ретушью черешком. В индустриях 11 слоя центрального зала и слое 5 предходовой площадки Денисовой пещеры, слоев 9–12 Ануя-3, слоя 10 Усть-Каракола-1 имеются пластины и пластинки с притупленным краем [8].

Изложенные выше факты, а также широкий круг аналогий, приведенный для материалов памятников Толбор-4 и Толбор-15, позволяют определить их принадлежность к южносибирским и центральноазиатским индустриям ранней поры верхнего палеолита. Технология расщепления обсуждаемых комплексов очень близка основным вариантам параллельного пластинчатого раскалывания, широко представленным в коллекциях памятников рассматриваемого региона. Орудийный набор, при наличии определенных локальных различий, также свидетельствует о генетических связях монгольских индустрий с комплексами соседних территорий в рамках феномена ранней поры верхнего палеолита Южной Сибири. В материалах Толбора-4 и Толбора-15 прослеживается сочетание признаков, характерных для раннего верхнего палеолита Горного Алтая и Забайкалья, а также местные, специфические черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives // *Quaternary International*. 2012. Vol. 281. P. 36–46.
2. Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Джалл Э.Д. и др. Радиоуглеродное датирование палеолитических стоянок в долине реки Их-Тулбэрийн-Гол в Северной Монголии // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та.*

Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 44–48.

3. *Jaubert J., Bertran P., Fontugne M. et al.* Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie : Dörlj 1 (Egiin Gol). Analogies avec les données de l'Altai et de Sibérie // Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. Oxford: Archaeopress, 2004. P. 225–241.

4. *Деревянко А.П., Маркин С.В., Олсен Д. и др.* Местонахождение каменного века Чихэн 2 в Южной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. 6. С. 50–54.

5. *Природная среда и человек в неоплейстоцене. Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье* / Л.В. Лбова, И.Н. Резанов, Н.П. Калмыков и др. Улан-Удэ, 2003. 208 с.

6. *Васильев С.Г., Рыбин Е.П.* Стоянка Толбага: поселенческая деятельность человека на ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 13–34.

7. *Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.* Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск, 1998. 280 с.

8. *Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая* / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян и др. Новосибирск, 2003. 448 с.

Статья поступила
в редакцию 20.01.2014

УДК 903.26

В.Е. ЛАРИЧЕВ

«НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО» – МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (к проблеме сохранения информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии)

Часть V: Системы счисления времени в эпоху мезолита Средней Сибири*

д-р ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: alkin-s@yandex.ru

Статья завершает программу анализа проблемы сохранения информационных традиций в культурах мезолита Евразии. Она посвящена расшифровке знаков на гранях изделия из рога – инструмента, «объекта искусства» и носителя календарно–астрономических «записей», найденного в Сибири. В итоге сделан вывод о том, что в познании астрономии и календаристики обитатели востока Евразии ни в чем существенном не уступали своим современникам в Европе. Творцы голоценовых культур всего континента сохранили в полном объеме интеллектуальный потенциал предшествующей эпохи – палеолита. Перерыва в информационных традициях не было.

В статье детально описываются, а затем тестируются числовые знаковые «записи», выполненные вдоль правого ($30+4+2 = 36$ насечек) и левого ($12+1+6$ или $7+2 = 19$ или 21 насечек) краев изделия. В итоге выяснилось, что жрецы стоянки Шилка-2, расположенной в долине р. Енисей (Средняя Сибирь) и датированной начальной стадией мезолита, отслеживали не только синодические, но также сидерические и, возможно, драконические циклы времени. Такой факт позволил автору высказать предположение о нацеленности календарных систем на предсказания (или предвычисления?) моментов возможного наступления затмений – лунных и солнечных. Числовые «записи» вблизи краев изделия позволили реконструировать счисление лунно-солнечного и сидерического (звездного) годов. Лунный год отслеживался посредством шестикратного счисления двухмесячных циклов ($30+29 = 59$ сут.), а выравнивание с потоком времени солнечного производилось после трех лунных лет посредством введения в счетную систему интеркалярия – дополнительного временного цикла, длительность которого составляла 34 сут. Лунно-солнечный год отслеживался посредством десятикратного считывания числовой «записи» 36. Интеркаляция в цикл 360 сут. «записей» чисел 4 (или 3) и 2 выводила на рубеж окончания високосного или простого солнечного года.

Ключевые слова: Сибирь, мезолит, искусство, числовые «записи», календари, Луна, Солнце, сохранение культурных традиций, духовная жизнь.

Вводные замечания. Историографическая реплика и постановка проблемы. В археологии донеолитической эпохи Северной Азии проблема выделения мезолитической стадии эволюции культур оставалась

дискуссионной на протяжении большей части прошлого века. О том высказывались альтернативные точки зрения. Суть «негативного» взгляда (не мезолит, а стадия консервации прошлого – *эпипалеолит*) сводилась в поддержании давней традиции воспринимать первообитателей Сибири маргиналами с заторможенным темпом развития культур.

*Начало публикации см.: Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4; 2011. № 3; 2012. № 2; 2013. № 2.

Несостоятельность «негативной» концепции изначально предопределило открытие М.М. Герасимовым в Приангарье голоценовой стоянки Усть-Белая, а затем многолетние раскопки этого памятника его учениками [1, с. 109–124]. Исследования в долине Енисея и на Таймыре привели к окончательному решению проблемы. Публикация, посвященная результатам комплексного изучения информативно богатого памятника Шилка-2, вызывает особый интерес. Материалы его представляют *начальную стадию становления мезолита центральных районов Сибири* и позволяют убедиться в равном с мезолитом Европы уровне развития североазиатской культуры эпохи голоцена.

Источник. Датировка и орнаментальный «узор» изделия из рога «в форме шестигранной призмы со сглаженными ребрами» (рис. 1). Объект обнаружен в верхней части слоя 4, который отнесен ко времени атлантического периода голоцена (к пребореальной и бореальной стадии; радиоуглеродные даты из-за значительного омоложения фиксируют минимальный возраст – 5310 ± 120 л.н.; 5220 ± 150 л.н.). На зауженном верхнем конце размещается трапециевидная выемка, оформленная сколом. Противоположный конец «округлый, отвесно срезанный, затертый, с частично выскобленной роговой массой». На ровной, зашлифованной грани «нарисован треугольник... на смежных ребрах [нанесены] насечки в виде косых крестов и горизонтальных линий». Ниже скола на верхнем конце той же грани размещены трапециевидная фигура, оформленная короткими, вертикально ориентированными штрихами, и овальная фигура с каверной в центре.

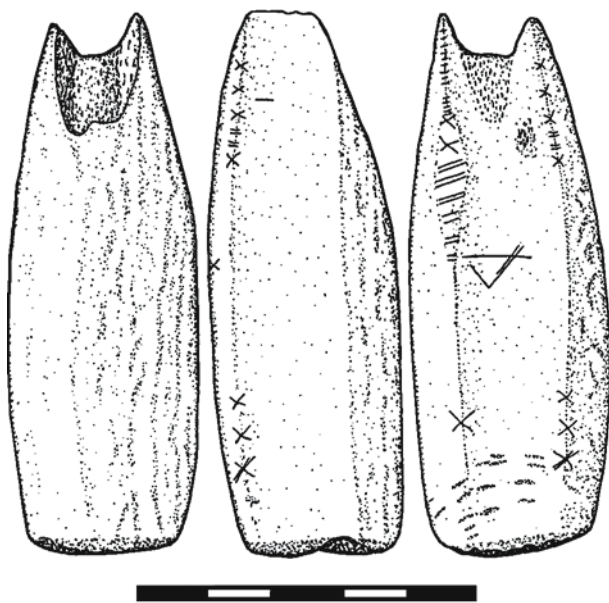

Рис. 1. «Орнаментированное» изделие из рога мезолитической стоянки Шилка-2 (по П.В. Мандрыке).

Презентация образа и знаковой системы изделия. Числовой аспект каждой из структур «орнаментальной композиции». При горизонтальном размещении объект может быть воспринят скульптурным изображением головы рыбы или птицы с широко раскрытым ртом (скол) и глазом (овальная фигура). Вдоль правого ребра сверху размещены две «орнаментальные» структуры (рис. 2, П): d – 9 коротких горизонтально ориентированных насечек; 5 такого же вида насечек; 2 косых креста; 12 длинных косо ориентированных насечек, размещенных попарно. Всего знаков в структуре d $9+5+4$ (каждый косой крест символизирует число 2) + $12=30$; e – 4 резные линии, образующие подобие треугольной фигуры; в нижней части того же ребра размещена структура $ж$ – косой крест, символ числа 2. Всего знаков, близких правому ребру грани, $30(d) + 4(e) + 2(ж) = 36$.

Вдоль левого ребра сверху размещены две «орнаментальные» структуры: a – 4 косых креста и 4 размещенных попарно коротких, горизонтально ориентированных насечек, что есть запись числа $4 \times 2 + 4 = 12$ (рис. 2, I); b – единичная резная линия, расположенная правее структуры a . Всего знаков в обеих структурах $12+1=13$. В нижней части того же ребра размещена структура $в$ – три косых креста, два из которых с двумя линиями, а один – с тремя (одна из них очень тонкая – факультатив!), что позволяет воспринимать этот знак символом чисел 2 или 3). Структуру $в$ составляют 6 (или 7) знаков. Между структурами a – b и $в$, чуть левее их, размещен единичный косой крест (см. $з$). Всего знаков, близких левому ребру грани [$12(a)+1(b)$] + 6 или $7(в)+2(з) = 21$ (или 22).

Тестирование выявленных чисел. Количество знаков в структуре d , 30, высоко календарно-астрономически значимо. Оно близко длительности синодического (относительно Солнца) оборота Луны – 29,5306 сут. При суммировании знаков структур d и e (4) получим число 34, кратное сидерическому (относительно звезд) обороту Луны (34 сут.: 27, 32 сут. = $1,2449 \approx 1 \frac{1}{4}$ сид. мес¹). При суммировании знаков структур d , e с $ж$ (2) получим число 36. Оно кратно драконическому (затменному) месяцу (36 сут.: 27,2122 сут. = $1,3229 \approx 1 \frac{1}{2}$ дракон. мес.) и составляет $\frac{1}{10}$ часть «жреческого лунно-солнечного года» (360 сут.), средней величины длительности лунного и солнечного годовых циклов (354, 367 сут. + 365, 242 сут.): $2 = 359, 8045 \approx 360$ сут.

Знаки структуры a , 12, высоко календарно-астрономически значимы. Они отражают количество месяцев в простом лунном году. При суммировании a со структурой b (1) получим 13 – количество месяцев в эмболисмическом (т.е. с дополнительным месяцем) лунном году, когда возникала необходимость выровнять лунный поток времени с потоком времени солнечным, фиксирующим сезоны. При суммировании знаков структур a с $в$ (7 или 6) получим 19

¹ Как и в эпоху палеолита, лунные циклы отслеживались с точностью 0,02–0,03 сут.

(12+7) или 18 (12+6) – количество годовых циклов, которые отслеживались в древности с целью предсказания (или предвычисления?) лунных и солнечных затмений.

Реконструкция систем счисления лунного, солнечного, лунно-солнечного и сидерического (звездного) годов по числовым «записям», размещенным вблизи левого ребра. Реконструкция счета времени в течение лунного годового цикла. Структура δ , составленная из 30 знаков, использовалась при отслеживании времени по Луне двухмесячными циклами, длительностью 30 и 29 сут. (в последнем случае один знак «записи» не учитывался, что позволяло избавиться от дробной части синодического оборота Луны: $30\text{сут.}+29\text{сут.} = 59\text{сут.}$; $59\text{сут.} : 29,5306\text{сут.} = 1,9979 \approx 2\text{ син. мес.}$). Шестикратный повтор счисления цикла $30\text{сут.} \rightarrow 29\text{сут.}$ выводил на рубеж окончания лунного года – $(29\text{сут.} + 30\text{сут.}) \times 6 = 354 \approx 354,367\text{сут.}$

При втором варианте отслеживания лунного года за базовое число принималось 22 ($a+b+e+z$), кратное синодическому обороту Луны ($22\text{сут.} : 29,5306\text{сут.} = 0,7449 \approx 1/4\text{ син. мес.}$); $[(2(e)+12+1+7\text{сут.}) \times 16] + 2(z) = 354\text{сут.} \approx 354,367\text{сут.}$

Реконструкция приемов выравнивания лунного потока времени с потоком времени солнечным. После счисления *трех лунных лет* по первой схеме в счетную систему вводился интеркалярный – дополнительный временный цикл, длительность которого составляла 34 сут. Они считывались по знакам δ (30) и e (4) = 34. В итоге получаем – $(354\text{сут.} \times 3) + 34\text{сут.} = 1096\text{сут.}$; $1096\text{сут.} : 365,242\text{сут.} = 3,0007 \approx 3\text{ солнечных года}$. Второй вариант счисления лунного года предполагает иной вариант интеркаляррия. После счисления *двух лет* по установленной схеме в счетную систему вводилось базовое число – 22 сут. и 1 (b): $[(354\text{сут.} + 354\text{сут.}) \times 2] + 22 + 1\text{сут.} = 731\text{сут.}$; $731\text{сут.} : 365,242\text{сут.} = 2,0014 \approx 2\text{ солн. года}$. Этот вариант менее точен.

Реконструкция счисления лунно-солнечного и солнечного годов. Базовую основу их составляют знаки δ (30), e (4) и $ж$ (2) = 36 (цикл, кратный драконическому месяцу, – 36 сут. : $27,2122\text{сут.} = 1,3229 \approx 1\frac{1}{2}\text{ драконического месяца}$). Десятикратный проход по «записи» 36 выводил на рубеж окончания лунно-солнечного года – $36\text{сут.} \times 10 = 360\text{сут.}$, а последующая интеркаляция «записей» (4 или 3^2) и (2) выводит на рубеж окончания високосного или простого солнечного годов – $360\text{сут.} + 4\text{сут.} + 2\text{сут.} = 366\text{сут.}$; $360+3+2=365\text{сут.}$

Реконструкция считывания цикла Метона. Если каждый знак «записей» a (12) и b (7) символизирует лунный год, то сумма их составит 19, что есть длительность лунно-солнечного цикла Метона. В нем, как известно, *12 лунных годов – простые* (354 сут.), а *7 – эмболические* (с дополнительными месяцами).

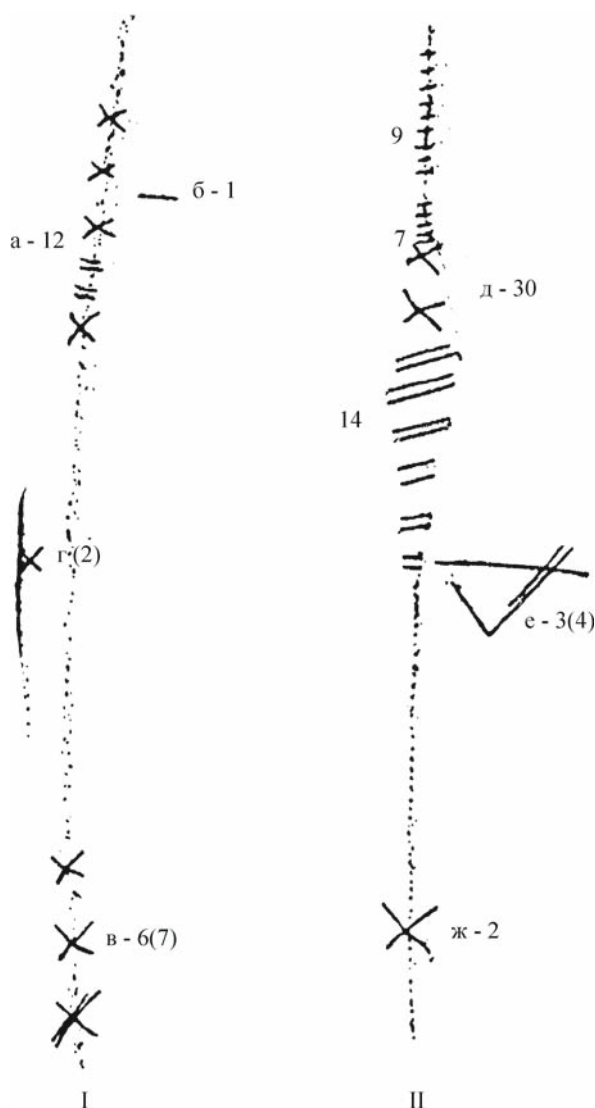

Рис. 2. I – числовые знаковые «записи» около левого ребра шлифованной грани; II – числовые знаковые «записи» около правого ребра шлифованной грани.

Это как раз и призваны отразить «записи» чисел 12 (a) и 7 (b).

Реконструкция счисления Больших лунного (56) и солнечного (54 года) саросов. Считывание знаков a и b по формулам $(12+7\text{ лет}) \times 2 + (12+6\text{ лет}^3) = 56\text{ лет}$ и $(12+6\text{ лет}) \times 3 = 54\text{ года}$ выведет на рубеж окончания саросов, циклов повтора затмений в месте наблюдения ночного и дневного светил. Суточные дополнения к солнечному саросу 33 (30) сут. считывались по блокам δ и e ($30+3^4$ или 30).

Краткие итоги поиска. В культуре мезолита центра Сибири в полной мере сохранились тради-

² Тонкая резная линия в e не учитывается. Она, напоминая, факультатив.

³ Тонкая резная линия в нижнем косом кресте b не учитывается.

⁴ Тонкая резная линия в e не учитывается.

ции приемов отслеживания времени по Луне и Солнцу в культурах палеолита юга Северной Азии [2, с. 184–225], и, значит, не было перерыва в информационных традициях при переходе от одной эпохи первобытности к другой. В познании астрономии и календаристики мезолитические обитатели востока Евразии ни в чем существенном не уступали своим европейским современникам, что ставит под сомнение идею изначальной маргинальности (нецивилизованности) тех, кто осваивал Сибирь в эпоху первобытности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мандрюка П.В., Акимова Е.В., Ямских А.А. и др. Геоархеологические исследования раннеголоценовых слоев стоянки Усть-Шилка-2 на Среднем Енисее // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2005. Вып. 3. С. 109–124.
2. Ларичев В.Е. Мальтинская пластина – счетная календарно-астрономическая таблица древнекаменного века Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988. С. 184–225.

Статья поступила
в редакцию 06.02.2014

УДК 903.23

Д.А. ИВАНОВА

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ СРЕДНЕГО ДЗЁМОНА НА ТЕРРИТОРИИ о. ХОНСЮ

аспирант,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск,
e-mail: Nightliro@bk.ru

Представленная работа посвящена описанию и анализу стилей керамики Среднего дзёмона на территории о. Хонсю. Работа основана на анализе японских материалов по данной тематике. Изучение керамического производства играет важную роль для понимания особенностей культуры дзёмон. Средний дзёмон выбран нами не случайно, это был период наивысшего расцвета орнаментальных традиций, время, когда наряду с опытом предшествующих периодов в орнаменте данного региона появляются и широко используются совершенно новые виды орнамента и технологические приемы. Начиная с северных территорий о. Хонсю (район Тохоку) и заканчивая западными префектурами (район Чюгоку), мы последовательно даем анализ пяти наиболее ярким, с нашей точки зрения, стилям керамики. Каждый из них представляет собой не только отдельное, художественное уникальное явление, сколько совокупность орнаментальных особенностей как более ранних стилей, так и соседних стилистических зон. В каждом из выбранных стилей мы находим как общие, характерные для керамики культуры дзёмон в целом, черты, так и частные узоры, не известные ранее. Причина, по которой мы выбрали для изучения период Среднего дзёмона, заключается в том, что на данном этапе появляется совершенно не известная до этого в данном регионе орнаментальная техника – техника аппликации. Ее распространение ознаменовало появление новых вариантов декорирования. Для данного этапа существования культуры дзёмон характерны такие орнаментальные мотивы, как антропоморфные, зооморфные и аморфные изображения. Широкое распространение получают разнообразные налелы, имитирующие своей формой человеческие лица, животных, птиц, а порой и горящее пламя. Пройдя все этапы развития, орнаментальная техника Среднего дзёмона просуществовала лишь около тысячи лет, не оставив наследства для последующих поколений. До сих пор не известно, почему, достигнув пика в середине Среднего дзёмона, во времена существования стиля Каен, техника аппликации постепенно изживает себя.

Ключевые слова: Япония, о. Хонсю, культура дзёмон, Средний период, керамика, орнамент.

Керамическое производство на территории Японского архипелага имеет древнюю и многовековую историю. Согласно радиоуглеродным датировкам, фрагменты керамики, обнаруженные на памятниках с территории Японии, являются одними из самых древних и датируются временем около 13 800 л.н.

В большинстве публикаций японские археологи выделяют шесть основных периодов развития культуры дзёмон – Изначальный (13 800–10 000 л.н.), Начальный (10 000–6 500 л.н.), Ранний (6 500–5 000 л.н.), Средний (5 000–4 000 л.н.), Поздний (4 000–3 000 л.н.) и Заключительный (3 000–2 400 л.н.).

В данной статье нас интересует Средний дзёмон, который является наиболее показательным с точки зрения орнаментации керамических сосудов, вариативности форм, а также влияния соседних керамических стилей друг на друга. Что касается территории нашего исследования, то именно о. Хонсю представляет наибольший интерес, поскольку на его территории лучше всего прослеживается преемственность всех периодов развития данной культуры.

Из 70 известных сегодня стилей, характерных для культуры дзёмон, на территории о. Хонсю в период Среднего дзёмона принято выделять 23 стиля. Мы

предлагаем дать описание и анализ лишь пяти, наиболее ярким и значимым в художественном и культурном смыслах, стилям керамики.

1. Район Тохоку: стиль Верхний Энто. На территории от юго-западной части о. Хоккайдо и до северных регионов о. Хонсю широкое распространение получила группа керамики, названная впоследствии керамика стиля Энто – 円筒式土器 (entō siki doki). В состав стиля Энто входят два этапа: Нижний Энто (середина-конец Раннего дзёмона) и Верхний Энто (первая половина Среднего дзёмона).

На сегодняшний день керамика Верхнего Энто состоит из следующих типов (по материалам памятника Саннай Маруяма) [1]:

1. Верхний Энто тип «a1». Для данного этапа характерны сосуды открытого типа, как без горловины, так и с горловиной. Венчик украшен вертикальными рельефными выступами. Чаще всего это четыре выступа, симметрично расположенных по окружности венчика. В единичных случаях отмечено по три, по два и даже по одному выступу. Наиболее распространены выступы квадратной и треугольной формы, реже волнообразной. Тулово орнаментировано веревочным штампом. В некоторых случаях орнаментировалась вся поверхность тулова, в других – лишь 2/3, тем самым придонная часть оставалась не орнаментированной.

2. Верхний Энто тип «a2». Характерны сосуды открытого и закрытого типа со слегка профилированной горловиной. На данном этапе появляются волнистый или зубчатый венчик, а также выступы трапециевидной формы. В некоторых случаях венчик украшен вертикальными и горизонтальными (вдоль губы и горловины) жгутами, имитирующими двухуровневую веревку. Встречаются сосуды с ручками. Вся поверхность тулова декорирована веревочным штампом.

3. Верхний Энто тип «b». Форма сосудов схожа с предшествующими этапами, однако имеют место сосуды с выпуклым туловом и узкой придонной частью (в форме банки). Характерен венчик двух типов: ровный и с выступами, трапециевидной формы, с асимметричными краями. Венчик разделен на четыре части волнообразными жгутами, имитирующими веревку. В качестве заполняющего узора используются веревочный штамп, насечки в форме полумесяца и цепочки из подков. В большинстве случаев поверхность тулова орнаментирована полностью. В одном случае на тулове обнаружены следы лощения.

4. Верхний Энто тип «с». Основные позиции на данном этапе занимает плоский венчик с бордюром из двухуровневой веревки. Узор в районе венчика целиком состоит из налепов, образующих сетчато-ажурную структуру. Форма сосудов остается той же. Встречается техника псевдоперфорации венчика, характерны налепы дугообразной, кольцеобразной и прямоугольной форм.

5. Верхний Энто тип «d». Верхняя часть сосуда представлена выступами трапециевидной, треугольной и волнообразной форм. Распространен сплошной узор тулова из жгутов одно- и двухуровневой веревки. В структуре орнаментальной композиции появляется

новый тип – узор, напоминающий своей формой «человеческие ребра».

6. Верхний Энто тип «e». Особенностью этапа является применение техники прочерчивания. На второй план уходит техника налепов. Веревоочный штамп в основном выполняет роль заполняющего узора. В качестве основного орнамента используется мотив в виде «человеческих ребер», а также узор из двойных дугообразных, волнистых или параллельных линий.

На основе находок с памятника Саннай Маруяма, Сака но Сава 3, Чикано и других был получен ряд дат в интервале от 4,570±30 до 4,330±50 л.н.

Керамика стиля Верхний Энто открывает Средний дзёмон. Именно на этом этапе происходит формирование аппликативного орнамента. Появившиеся в конце Раннего – начале Среднего дзёмона выступы будут подвержены различным метаморфозам и, в конце концов, примут облик «гребней» и «корон» стиля Каен.

2. Район Канто: стиль Кацусака. Свое название керамика типа Кацусака – 勝坂式土器 (Katsusaka siki doki) – получила в 1925 г. после раскопок памятника Кацусака (префектура Канагава, г. Сагамихара).

Огромный вклад в изучение керамики данного стиля внес археолог из префектуры Нагано Фудзимори Эиичи. Во время раскопок поселения Идодзири в 1965 г. была обнаружена группа жилищ с остатками глиняной посуды, и на основе полученного материала позднее составлена классификация, получившая название «Классификация Идодзири». В основу данной работы легло разделение периода Кацусака на следующие этапы: *тип Мудзинасава, тип Арамичи, тип Тōнай I и II, Идодзири I, II и III* [2, с. 20].

На сегодняшний день открыто и исследовано больше сотни памятников, относящихся к данному периоду. Большая их часть обнаружена на равнине Канто в префектурах Чiba, Токио, Сайтама, Канагава, несколько памятников в префектуре Гумма. Встречаются памятники на территории района Чюбу: префектуры Нагано, Яманаси и Сидзуока.

Для данной группы характерны сосуды как открытой, так и закрытой форм (банки), сосуды на поддоне и чаши трапециевидной или квадратной форм.

Во времена существования стиля Кацусака начинается развитие выступов. Если для стиля Верхний Энто выделяют по большей части выступы геометрической формы и на данном этапе они имеют довольно небольшие размеры, то начиная со стиля Кацусака и затем уже в стиле Каен данное украшение достигает апогея своего развития. Для периодов Мудзинасава и Арамичи выступы – еще не столь частое явление. В это время доминирующие позиции занимает прямой венчик. В период Тōнай появляются налепы в форме колец (обычно одно или два), к данному периоду также относятся первые попытки создать выступ в виде человеческого лица. В период Идодзири широко используются разнообразные виды налепов, среди которых: антропоморфные личины, выступы зооморфной формы (змея и кабан, лягушки), «глаз стрекозы», кольцевые налепы и выступы башнеобразной формы.

На протяжении всего стиля Кацусака происходят изменения в структуре орнамента тулова. В период Мудзинасава наблюдается сочетание двух типов орнамента: узор из расположенных в ряд эллипсов и узор из свисающих глиняных лент. Позже появляется узор в виде панелей, который получил широкое распространение в последующие периоды.

В период Арамичи отмечается новый тип узора – зооморфный мотив в форме саламандры. В период Тбнай основным узором становится узор W-образной формы, а также узор из вертикально свисающих линий и спиралей. Для периода Идодзири характерно использование узоров предшествующих периодов, кроме того, в данное время получает расцвет зооморфный и антропоморфный орнамент. Именно в это время появляются многочисленные налесты в виде человеческого лица, а также узор «танцующего человека».

На основе керамики с памятника Мукаиго (Токио) были получены следующие даты: для периода Тбнай – $4\ 660 \pm 40$ – $4\ 440 \pm 40$ л.н., а для периода Идодзири – $4\ 490 \pm 40$ – $4\ 370 \pm 40$ л.н. [3].

Своим многообразием форм сосудов и узоров стиль Кацусака оказал сильное влияние на многие стили Среднего дзёмона, в том числе и на орнаментальную традицию районов Чюбу и Кинки.

3. Район Чюбу: стили Каен, Арамаки-Якимачи

1. Стиль Каен, или керамика с «Пламенеющим венчиком».

Сосуд стиля Каен визуально можно разделить на три части: венчик, горловину и основную часть (тулово). В каждой из этих частей имеются специфические типы орнаментации. Для венчика характерно наличие гребнеобразных выступов и небольших выступов в форме зубцов пилы, а также выступы в форме мешочков. Особенностью горловины сосуда является наличие выступов в виде «глаз стрекозы» и узоров в виде спиралей (кривых линий). Что же касается тулова сосуда, то здесь основное внимание уделяется узорам S-образной формы.

Наиболее яркая черта керамики стиля Каен проявляется в наличии крупных выступов вокруг горловины сосуда, которые напоминают энергично горящее пламя. Для данного стиля характерно выделение еще двух типов выступов. Первый тип называется «гребень» («*cockscorn*»), потому что своей формой он напоминает гребень у петуха. Второй тип имеет прямые выступы, больше похожие на зубчатые стены башни, вследствие чего этот тип выступов был назван «корона». В среднем размеры сосудов стиля Каен составляют 20–30 см (без учета выступов), диаметр венчика – 20–25 см, диаметр дна – 8–12 см.

Что касается времени существования, то на сегодняшний день сосуда стиля Каен принято относить ко второй половине Среднего дзёмона и датировать временными рамками от $5\ 510 \pm 80$ л.н. до $4\ 000 \pm 90$ л.н. [4]

2. Керамика стиля Арамаки-Якимачи. Сосуды типа Арамаки-Якимачи получили широкое распространение в период с середины по конец Среднего дзёмона на территории от восточной части префектуры Нагано (тип Якимачи) до северо-западных районов

префектуры Гумма (тип Арамаки), расположенных в центральной части Японского архипелага.

Первые находки керамики стиля Арамаки-Якимачи относятся к 1964 г. – раскопки памятника Арамаки в д. Ниибари префектуры Гумма. Позже, в 1984 г., был открыт памятник Якимачи в г. Сиодзири префектуры Нагано.

Сосуды типа Арамаки-Якимачи представляют собой сосуда открытой формы с двумя типами венчика: плоским и волнообразным. Все сосуда имеют четко профилированную форму. В большинстве случаев наблюдается орнаментация всей поверхности сосуда. Наиболее характерным орнаментом для обеих групп керамики выступают многочисленные прочерченные на поверхности сосуда вертикальные и горизонтальные параллельные линии.

Помимо основного узора (внешнего) на сосудах имеется и внутренний узор, который заполняет промежутки между основными линиями. В качестве заполняющего узора мастера группы Арамаки-Якимачи использовали оттиски из мелких повторяющихся прямых линий, щепочки из мелких расположенных друг за другом квадратов и редко встречающийся веревочный штамп из двухуровневой веревки. Широко использовались также разнообразные налестные валики.

Влияние стилей Кацусака и Каен отразилось не только в пышности узоров на поверхности сосудов, но и в многообразных лепных выступах, расположенных как на тулове, так и на венчике. Среди них можно выделить выступы, напоминающие «глаза стрекозы», S-образные налесты, зооморфные личины, выступы геометрической формы, сферические линии и пр.

По имеющимся на сегодняшний день материалам керамику группы Арамаки следует датировать 3 100–3 090 л.н., а керамику группы Якимачи – от 3 100 л.н. до 2 900 л.н. [5].

4. Районы Кинки и Чюгоку: стиль Киташиракава С.

Мы объединили эти два региона в одну группу в связи с тем, что на данной территории для Среднего периода характерны только два стиля. Это стили Киташиракава С и керамика группы Такашима-Фунамо-Сатоги II.

Раскопки 1985 г. на памятнике Киташиракава (г. Киото, район Оивакэ) изменили представление о Среднем дзёмоне на территории Кинки. Находки с данного памятника сочетали в себе все ранее известные на данной территории орнаментальные мотивы, что заставило пересмотреть ранние классификации, объединив все известные типы в один стиль, и дать ему название «керамика стиля Киташиракава С» (北白川C式土器 – *Kitasirakawa C siki doki*). В настоящее время в районах Кинки, Чюгоку, а также на о. Сикоку известно более 30 памятников относящихся к данному стилю.

В стиле Киташиракава выделяются два этапа: поздний и ранний. Для керамики позднего этапа характерны сосуда открытой формы с двумя типами венчиков: прямым и волнообразным. В большинстве случаев у сосудов прослеживается четко очерченная горловина

и слегка раздутое тулово, однако встречаются и слабо профилированные горшки с расширяющимся венчиком. Помимо данного типа керамики также встречаются горшки трапециевидной и подпрямоугольной форм.

У сосудов с прямым венчиком в качестве основного орнамента выступают прочерченные узоры овальной и прямоугольной форм, которые могут находиться исключительно в районе венчика, а также быть прочерченными поперек всего тулова. Что касается выступов на венчике, то для данного этапа характерны треугольные, трапециевидные с асимметричными краями и волнообразные формы.

На раннем этапе были также распространены узоры из спиралей, дугообразных и параллельных линий, узоры в форме прямоугольников и овалов. Нововведением является узор, напоминающий своей формой оперение стрелы. Появляется растительный орнамент – узор в виде папоротника и прочерченный узор Н-образной формы.

Стиль Киташиракава С относится к заключительному этапу Среднего дзёмона и датируется периодом 4 415±60 – 4 230±60 л.н. [6].

Таким образом, на основе представленных выше описаний керамических стилей можно наглядно проследить эволюцию орнаментальных традиций. На примере стиля Верхний Энто мы видим первые шаги в развитии техники аппликации, а также появлении новых мотивов, не свойственных для более ранних периодов (например, узор из веревок). Если для стиля Верхний Энто характерна относительно простая композиция и несложные узоры (в сравнении с последующими стилями), то на протяжении почти тысячи лет сложность и запутанность узора возрастает в несколько раз. Так мы с трудом можем провести параллели между стилями

ми Верхний Энто и Кацусака или стилями Кацусака и Киташиракава С, которые предшествовали друг другу и подвергались влиянию соседних стилей. В данный период появляются не только новые виды орнамента, но и новые техники. Так, широкую популярность получила техника аппликации, благодаря которой мы имеем столь прекрасные и удивительные выступы и наклепные валики, характерные для стилей Кацусака и Каен.

Средний дзёмон является пиком, максимальной точкой в развитии культуры дзёмон. Это не значит, что в более поздние периоды орнамент становится хуже. Конечно, нет, например, в финальном дзёмоне появляется довольно своеобразный орнамент в форме облаков, а также изменяется внешний вид сосудов. Но, к сожалению, в позднем и финальном дзёмоне уже нет сосудов, похожих на керамику стиля Каен или Кацусака.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Огасавара М.* Керамика стиля Верхний Энто // Справочник по керамике культуры Дзёмон. Токио, 2008. С. 344–351 (на яп. яз.).
2. *Фудзимори Э.* Памятник Идодзири. Нагано, 1965. 50 с. (на яп. яз.).
3. *Имафуки Т.* Керамика стиля Кацусака // Справочник по керамике культуры Дзёмон. Токио, 2008. С. 392–401 (на яп. яз.).
4. *Иванова Д.А.* Дзёмонская керамика с «пламенеющим венчиком» (распространение и особенности стиля) // Горизонты тихоокеанской археологии. Владивосток, 2011. Вып. 20. С. 98–119.
5. *Ямагучи Ц.* Керамика группы Арамаки-Якимачи // Справочник по керамике культуры Дзёмон. Токио, 2008. С. 402–409 (на яп. яз.).
6. *Фусэй С.* Керамика типа Киташиракава С // Справочник по керамике эпохи Дзёмон. Токио, 2008. С. 510–515 (на яп. яз.).

Статья поступила
в редакцию 03.02.2014

УДК 903.2

Ю.С. ХУДЯКОВ

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА УЛУГ-ЧОЛТУХ ДОЛИНЫ Р. ЭДИГАН В ГОРНОМ АЛТАЕ (из раскопок Южно-Сибирского отряда 2008 г.)*

д-р ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск,
Новосибирский государственный университет,
e-mail: khudjakov@mail.ru

В статье анализируются находки костяных наконечников стрел различных форм из материалов раскопок Южносибирского отряда на могильнике Улуг-Чолтух, расположенном в долине р. Эдиган в Горном Алтае. Раскопанные на памятнике могилы относятся к памятникам айрыдашского типа хунно-сяньбийской эпохи. В составе изучаемой коллекции имеются стрелы, различающиеся формой пера и наса-

*Работа выполнена по плану НИР X.100.2.2. «Саяно-алтайская горная страна в эпоху палеометалла и средневековье. Блок 2. Гуннская эпоха».

да. Среди имеющихся наконечников представлены костяные стрелы с раздвоенным насадом и втулкой с костяным шариком и отверстиями. Прослежены истоки происхождения и распространение костяных наконечников стрел в культурах кочевников Центральной Азии в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э.

В статье предложена классификация костяных наконечников стрел из могильника Улуг-Чолтух по формальным признакам. В составе изучаемой коллекции выделены стрелы с раздвоенным насадом. Среди подобных наконечников представлены стрелы различных форм. Такие стрелы получили распространение в Центральной Азии в период существования державы Хунну. Под влиянием хуннов костяные стрелы с раздвоенным насадом были заимствованы древними кочевыми племенами Саяно-Алтая. Аналогичные стрелы имели в своем распоряжении и сяньбийцы. В течение всей первой половины I тыс. н. э. стрелы с раздвоенным насадом использовались древними номадами Южной Сибири, находившимися в сфере влияния центрально-азиатских военных держав. В составе набора костяных стрел, обнаруженных в процессе раскопок могильника Улуг-Чолтух, помимо стрел с раздвоенным насадом, были обнаружены костяные втульчатые наконечники со шариком-свистункой. Такие наконечники найдены в памятниках бурхотуйской культуры в Восточном Забайкалье.

По мнению автора, изученный набор стрел из раскопок могильника Улуг-Чолтух свидетельствует о значительном своеобразии костяных наконечников стрел в памятниках айрыдашского типа в Горном Алтае. Поиск аналогий костяным наконечникам стрел из памятника Улуг-Чолтух позволил уточнить особенности их развития в пределах всего изучаемого региона.

Ключевые слова: костяные наконечники стрел, могильник Улуг-Чолтух, айрыдашский тип памятников, хунно-сяньбийская эпоха, Эдиган, Горный Алтай.

В процессе раскопок сотрудниками Южносибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН могильника Улуг-Чолтух в полевом сезоне 2008 г. было обнаружено несколько костяных наконечников стрел редких форм. Памятник расположен в среднем течении р. Эдиган, правого притока р. Катунь, на высокой террасе правого берега р. Эдиган, в Чемальском районе Республики Алтай. В 2008 г. на памятнике было раскопано шесть могил, перекрытых пологими, овальными каменными насыпями, в пяти из которых находились одиночные захоронения по обряду ингумации. Один из раскопанных курганов оказался кенотафом. Под насыпями обнаружены прямоугольные могильные ямы, обставленные по стенкам камнями или деревянным ограждением. На дне могил лежали скелеты взрослых людей, мужчин и женщин. Мужчины были захоронены с оружием, женщины с украшениями. По конструктивным особенностям надмогильных и внутримогильных сооружений, обряду погребения и сопроводительному инвентарю все исследованные объекты можно отнести к айрыдашскому типу памятников хунно-сяньбийской эпохи.

Предварительные результаты изучения захоронений на памятнике Улуг-Чолтух в 2008 г. были введены в научный оборот [1, с. 135–138]. Однако сопроводительный инвентарь, в том числе предметы вооружения из раскопанных мужских захоронений, до настоящего времени не рассматривался. В составе сопроводительного инвентаря погребений взрослых мужчин были обнаружены железные пряжки и накладки от поясов, ножи, луки с костяными накладками и несколько стрел. В наборе стрел всех раскопанных мужских захоронений представлены железные наконечники стрел разных форм. Костяные стрелы были помещены в состав колчаных наборов только у двух мужчин, погребенных в курганах № 42 и № 43. В могиле № 42 костяные и железные стрелы находились в ногах погребенного, между большими берцовыми костями. Накладки лука были помещены слева от умершего. В захоронении № 43 лук был положен таким же образом, а стрелы размещались у левой ноги. В других мужских могилах луки находились слева от тел умерших, а стрелы, как правило, в ногах погребенных справа или слева [2,

с. 6–11]. Стрелы с костяными наконечниками помещались в одном наборе со стрелами с железными наконечниками, что может свидетельствовать в пользу их универсального, охотничьего и боевого применения.

В составе изучаемой коллекции большая часть находок относится к костяным наконечникам стрел с раздвоенным насадом. По сечению пера среди них выделяются две группы.

Группа I. Наконечники стрел с трехгранным в сечении пером. На одной из граней имеется продольное углубление, сохранившееся от костяной заготовки. По форме пера такие наконечники подразделяются на два типа.

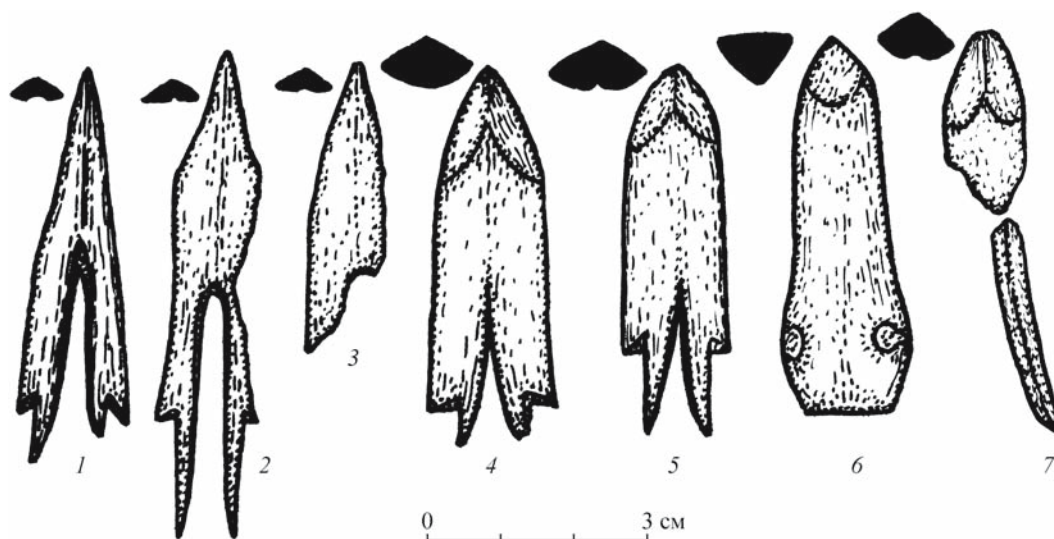
Тип 1. Удлиненно-треугольные, шипастые наконечники. Включает 1 экз. из памятника Улуг-Чолтух, курган 42. Длина пера – 5,3 см, ширина пера – 1,5 см. Наконечник с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером, короткими шипами, вогнутыми плечиками, удлиненно-треугольным раздвоенным насадом (рисунок, 1).

Тип 2. Вытянуто-пятиугольные, шипастые наконечники. Включает 2 экз. из памятника Улуг-Чолтух, курган 42. Длина пера – 6,5 см, его ширина – 1,3 см. Наконечники с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, короткими шипами, вогнутыми плечиками. Удлиненно-треугольный раздвоенный насад сохранился у одного из наконечников. У второго наконечника одно из плечиков и концы раздвоенного насада обломаны (рисунок, 2, 3).

Группа II. Наконечники стрел с ромбическим в сечении пером. У некоторых наконечников имеется продольное углубление, сохранившееся от костяной заготовки. По форме пера такие наконечники подразделяются на два типа.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные, шипастые. Включает 2 экз. из памятника Улуг-Чолтух, курган 43. Длина пера – 5 см, его ширина – 1,5 см. Наконечники с затупленным острием, вытянуто-пятиугольным пером, короткими шипами, вогнутыми плечиками, удлиненно-треугольным раздвоенным насадом. Концы насада у одного из наконечников обломаны (рисунок, 4, 5).

Тип 2. Вытянуто-пятиугольные наконечники. Включает 1 экз. из памятника Улуг-Чолтух, курган 43. Длина сохранившихся частей пера – 5,4 см, ширина

Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух:

1–5, 7 – наконечники с раздвоенным насадом; 6 – наконечник со встроенной свистункой и скрытой втулкой.

сохранившихся частей пера – 1 см. Наконечник с затупленным острием, частично сохранившимся пером и одним из концов раздвоенного насада (рисунок, 7).

Группа III. Наконечники с округлым в сечении пером, трехгранным острием и скрытой втулкой. Данная группа представлена одним типом.

Тип 1. Вытянуто-прямоугольные со встроенным шариком-свистункой. Включает 1 экз. из памятника Улуг-Чолтух, курган 43. Длина пера со свистункой – 5 см, ширина пера – 1,2 см. Наконечник с остроугольным острием, вытянуто-прямоугольным пером, встроенным овальным шариком-свистункой с тремя округлыми отверстиями и скрытой втулкой (рисунок, 6).

Костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом получили распространение в Центральной Азии в период возвышения державы Хунну [3, с. 46; 4, с. 177; 5, с. 36–37]. Вероятно, хунны заимствовали подобный способ оформления насада у племен Байкальского региона, у которых стрелы с раздвоенным насадом применялись в предшествующие периоды бронзового и раннего железного века [6, с. 254].

В Центральной Азии у хуннов подобную форму насада для костяных стрел заимствовали сяньбийцы, но они применяли стрелы с раздвоенным насадом весьма редко [7, с. 39]. В Саяно-Алтае у хуннов костяные стрелы с раздвоенным насадом восприняли тесинские племена Минусинской котловины [5, с. 55–57]. На территории Тувы костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом получили некоторое распространение в памятниках третьего этапа саглынской культуры [8, с. 139, 141; 9, с. 36]. В Горном Алтае костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом стали использоваться в хуннское время племенами буланкобинской культуры. Однако горно-алтайские лучники существенно изменили свойственную для хуннов форму раздвоенного насада. Они снабдили наконечники с

раздвоенным насадом скрытой втулкой и укороченными концами [10, с. 30]. В дальнейшем в течение первой половины I тыс. н. э. подобная форма насада стала использоваться в Минусинской котловине племенами таштыкской культуры [11, с. 45]. На территории Горного Алтая во второй четверти I тыс. н. э. такие стрелы стали применять носители кок-пашской культуры и айрыдашские кочевники [11, с. 45–47]. На территории Верхнего Приобья наконечники с раздвоенным насадом встречаются в комплексах верхнеобской культуры [5, с. 115]. В памятниках айрыдашского типа такие наконечники, помимо могильника Улуг-Чолтух, ранее были обнаружены в предметном комплексе памятника Айрыдаш I на Средней Катуні [12, с. 123]. В ходе предшествующих лет раскопок на могильнике Улуг-Чолтух в сопроводительном инвентаре мужских захоронений встречались стрелы с раздвоенным насадом с трехгранным и линзовидным в сечении пером вытянуто-прямоугольных очертаний [13, с. 86].

Втульчатые костяные наконечники со встроенной свистункой и скрытой втулкой встречаются в колчаных наборах центрально-азиатских кочевников достаточно редко. В культурах Горного Алтая такие стрелы выявлены в предметном комплексе памятников айрыдашского типа. Очень похожие наконечники с округлым в сечении пером и встроенной свистункой были обнаружены в составе колчаных наборов в мужских погребениях на памятнике Улуг-Чолтух в предшествующие годы [13, с. 84].

Близкие по форме наконечники с остроугольным острием, округлым в сечении пером и встроенной свистункой с отверстиями найдены на могильнике Айрыдаш I на Средней Катуні [12, с. 123]. Среди костяных стрел со встроенной свистункой, обнаруженных на этом памятнике, имелись наконечники с линзовидным в сечении пером, удлинено-треугольных очер-

таний и выступающими плечиками, а также стрелы с остроугольным острием, округлым в сечении пером и скрытой втулкой [12, с. 123].

Помимо памятников айрыдашского типа, в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона, подобные костяные наконечники стрел со встроенной свистункой встречаются достаточно редко. Близкие по очертаниям пера и свистунки стрелы применялись кочевниками бурхотуйской культуры, обитавшими на территории Восточного Забайкалья в середине и второй половине I тыс. н.э. [14, с. 110]. В материалах этой культуры имеются костяные втульчатые наконечники стрел с трехгранными и ромбическими в сечении наконечниками с шипами или плечиками со встроенными свистунками, которые имеют определенное сходство с айрыдашскими [15, с. 56].

Изучение костяных наконечников из мужских захоронений на могильнике Улуг-Чолтух, раскопанных в 2008 г., позволило уточнить состав набора подобных стрел, которые были помещены в колчаны некоторых воинов, погребенных на этом могильнике. Своеобразие форм наконечников существенным образом отличает спектр костяных стрел в памятниках айрыдашского типа от других культур хунно-сяньбийского времени в Саяно-Алтае. Поиск аналогий стрелам из памятников айрыдашского типа позволяет предполагать наличие культурных связей в сфере развития средств дистанционного поражения между горно-алтайскими номадами и центрально-азиатскими кочевниками во второй четверти I тыс. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2008 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008. Т. 14. С. 135–138.
2. Худяков Ю.С. Отчет о работе Южносибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН и НГУ в Чемальском районе Республики Алтай в полевом сезоне 2008 года. Новосибирск, 2008.
3. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
4. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.
5. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
6. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998.
7. Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. № 5. С. 37–48.
8. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002.
9. Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи : учеб. пособие. Новосибирск, 2006.
10. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. № 2. С. 28–37.
11. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов в II–V вв. н. э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 19–55.
12. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003.
13. Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 79–87.
14. Ковычев Е.В. Лук и стрелы восточнозabayкальских племен I тысячелетия н. э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 97–110.
15. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

Статья поступила
в редакцию 24.01.2014

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 94(47).046/053

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ АДАПТАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XVIII в.*

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

В статье рассмотрены практики рекрутирования аборигенов Сибири в экономическую систему Российского государства как один из механизмов реализации политико-правового оформления их подданства в конце XVI – начале XVIII в. На материалах источников этого периода доказываются, что царская администрация не придерживалась целенаправленной установки на использование труда аборигенов в хозяйственной сфере на регулярной основе. Показано, что доминировала ориентация на охват автохтонного населения края налогом (ясаком) в виде ценных мехов, имеющих спрос на европейских рынках. Царское правительство было заинтересовано в поддержании максимального числа плательщиков ясака. Однако часть коренного населения территорий, вошедших в состав Российского государства, вовлекалась в сферу хозяйственной жизни региона и использовалась в экстренных обстоятельствах. Так, при пожарах и наводнениях местные аборигены привлекались воеводскими властями для нормализации ситуаций. Коренные жители заготавливали лес, прочищали сухопутные и речные пути. Такая деятельность, в отличие от попыток использовать аборигенов на соляных промыслах, не вызывала негативных реакций, поскольку не отрывала людей от привычной природной среды. Кроме того, аборигенов зачастую использовали как проводников при прокладке дорог, учитывая их ориентирование на местности. В ходе процесса колонизации Сибири происходили военные конфликты между казачьими отрядами и автохтонами территорий, оказывающими сопротивление русским властям. В результате военных столкновений в сибирские города попадали пленные из числа коренных народов. Большинство пленных проходили обряд крещения и попадали в холопскую зависимость. Пленные, или ясыри, становились дворовыми людьми, т.е. принимали участие в хозяйственной жизни своих хозяев. В деревнях и на заимках бывших пленников активно использовали в сельскохозяйственных работах. Дальнейшие судьбы дворовых людей из числа аборигенов зависели от целого ряда обстоятельств: воли хозяев, гендерных факторов и т. п. В результате они сливались с крестьянским населением сельскохозяйственной округи.

Ключевые слова: коренные народы Сибири, Российское государство, подданство, хозяйственная деятельность, ясак.

На первых этапах освоения сибирского пространства Российское государство не стремилось к активному вовлечению коренных народов в хозяйственное освоение региона. Сделать из аборигенов налогоплательщиков являлось главной целью на первоначальном этапе освоения Зауралья.

Установить налог в форме пушнины (традиционной для охотничьего промысла сибирских народов) было самым простым и действенным решением проблемы. Сибирский мех (прежде всего соболи и черно-бурые лисицы) ценился на территории Европы необычайно дорого. Его продажа окупала расходы на

расширение территории государства и обустройство колонистов.

Отношение государственных структур к сбору ясака было очень серьезным. Малейшие отклонения от установленных норм сбора пушнины отслеживались и по возможности пресекались. От отрядов государственных служилых людей требовали обращаться с аборигенным населением «лаской, а не жесточью», чтобы не нарушать сложившегося равновесия. Однако миролюбивая стратегия исключалась в случаях отказа платить ясак. Такая двойственная политика по отношению к коренному населению региона существовала на протяжении длительного времени.

При доминирующей ориентации на сбор ясака уже в первые годы после похода Ермака Российским

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

государством и администрациями на местах предпринимались попытки использовать трудовые ресурсы коренных жителей для обустройства на новых территориях.

Организация поселений колонистов начиналась с расчистки участков под пашни, деревни и слободы. Администрация пыталась приобщить коренное население – например, табаринских татар и вогулов – к традиционному для русских крестьянскому труду еще в конце XVI в. Однако результат был отрицательным. В 1598 г. аборигенное население просило заменить предписанную им обязательную пашню ясаком. Документ 1601 г. свидетельствует:

А только деи с тех остяков, которые живут около острогу до Тагильсково устья и по устью Ницы реки, нашего собраново ясаку имати не велеть, а велеть тех остяков вводить пахать на нас пашню, а семена велеть им дати из наших житниц, и в тех де местах нам в пашне будет прибыльнее, потому что земли хлебородны. А в которых юртех поля пашенные, и тому к нам Федор послал чертеж [1, с. 393].

В этом же документе 1601 г., присланном в Туринск, предписывалось:

А буде тех юртов ясачные люди похотят в ясаку место пашню пахать, а пашня будет нам нашего ясаку прибыльнее... и семена им на до новых дал, смотря по тамошнему делу, из наших житниц... [Там же].

Попытки «окрестьянивания» аборигенов касались прежде всего территорий, пригодных для земледелия. Их развитие справедливо связывалось с расширением посевов зерновых культур, что позволило бы обходиться без привозного хлеба. Однако аборигены из среды татар, вогулов и остяков всячески противились предложенному им укладу жизни. Вынудить коренных жителей отказаться от привычных им занятий пушным промыслом смогли только преобразования в сфере природопользования.

На территории Западной Сибири аборигенное население, принявшее русское подданство, власти также пытались использовать на вспомогательных работах при обустройстве дорог, добыче соли, заготовке леса и ликвидации «аварийных» ситуаций: пожаров, наводнений и т. п. Часть из таких работ аборигены встречали «в штыки», а часть, наоборот, рассматривали для себя в качестве перспективных.

Наибольшее сопротивление аборигенов вызывали работы на соляных промыслах. Чтобы избежать длительных, затратных во всех отношениях поставок соли из европейской части страны, в Сибири начались разработки соляных копей. Была введена так называемая соляная повинность, которая оборачивалась для русских крестьян и аборигенов длительным отрывом от основной деятельности.

Естественно, подобные действия администрации вызывали недовольство. В 1600 г. появилась царская грамота Бориса Годунова, в которой указывался ряд мер по организации соляных промыслов на р. Негла. В тексте грамоты говорится:

К той соляной воде к пельымским в прибавку для варочного дела десять человек стрельцов, да к ним в прибавку па-

шенных людей и вогулич. По свидетельству верхотурского священника Леонтия в 1604 г. стало известно, что верхнесвинские вогулы намеревались «прийти с войною на Неглу, и твой государев соляной промысел сжечь, а деловых людей побить [2, с. 187].

Чтобы избежать недовольства, власти были вынуждены отказаться от использования на соляных работах местного аборигенного населения. Сибирская администрация пыталась использовать местное ясачное население для поддержания в надлежащем состоянии путей сообщения, как сухопутных, так и речных. Уже в 1598 г. грамотой Бориса Годунова предписывалось следить за состоянием речных дорог.

А где будет по рекам заломы по обе стороны, и те заломы остяком велети прочищать, чтоб и впредь на Пельым в судах ходить было лутче, и мешканья бы нигде не было [3, с. 29].

Работы такого рода не вызывали массового сопротивления среди аборигенной среды, поскольку они были понятны и привычны. Привлечение коренных жителей к строительству новых городов и острогов также не встречало активных протестов, по крайней мере они не зафиксированы. Известно, что ясачные аборигены работали на заготовке бревен при строительстве острогов и отдельных общественно значимых сооружений.

Очень часто сибирских ясачных использовали при ликвидации городских пожаров и их последствий. Например, после опустошительного пожара в Пельюме (1621 г.) местное вогульское население принимало самое активное участие в заготовке бревен.

А лес, государь, на божье милосердие на храм и на съезжую избу и анбары и да вагульскую избу готовили твои государевы ясачные люди Пельымскаго уезда вагуличи, с человека по 10-ти бревен; а о том, государь, лесу, что ясачные люди готовили, писал я холоп твой преже сего к тебе государю с пельымским стрельцом з Заворощкою Вискуновым, что велел я холоп твой пельымским твоим государевым ясачным людям привезти лесу для острожного ставленья [2, с. 183–184].

Работы по восстановлению города затягивались, и все это время местное коренное население принимало в них участие [2, с. 285].

Заготовка строительного леса в привычной природной среде, судя по всему, не вызывала сопротивления у вогул, тем более что в Пельюме отстраивали еще вогульский двор [2, с. 285].

Пример с Пельымским пожаром показателен, но не исключителен. В летнюю ночь 1705 г. пожар в Тюмени уничтожил митрополичий двор, девичий монастырь, приходские церкви, проезжие башни, острог, торговые лавки, таможенную избу, кружечный двор, богадельню и 729 дворов горожан [4, с. 276–277]. Более 3 тыс. горожан остались без крова. Для быстрого восстановления построек привлекали все возможные силы, в том числе и коренное население региона.

Похожие ситуации происходили при любых чрезвычайных событиях, например, при наводнениях. В 1630 г. к восстановлению Нарымского острога, пострадавшего от сильного наводнения, были

привлечены все слои местного населения, включая аборигенов, а также приезжих торговцев. В таких ситуациях местные аборигены выполняли работы, связанные с заготовкой строительного материала [2, с. 370–371]. Следует отметить, что во всех подобных случаях возникал импульс для дальнейшего культурного обмена.

С самого начала колонизационного процесса в Сибири мирное коренное население использовалось местными властями для разведывания путей сообщения. В 1602 г. власти Туринского острога пытались отыскать приемлемую дорогу до Верхотурья, так как ранее используемый путь их не устраивал: «Дорога крива и летом водяна и грязна». Было принято решение привлечь к поиску нового пути местных татар, выделив им определенное жалованье [1, с. 408.] Выявление мест, пригодных для прокладывания дорог, и минимальное обустройство путей сообщения играли в Сибири значительную роль, так как обеспечивалось не только успешное проведение военных операций, но и передача информации, налаживание связей между населенными пунктами, а также укрепление и расширение торговли. Местное аборигенное население хорошо ориентировалось на местности и знало все особенности ландшафтов. Известны факты привлечения местного коренного населения к ямской гоньбе, преимущественно это касалось татар и особенно практиковалось в первой половине XVII в. [2, с. 164].

Воеводские власти ценили знание аборигенами природной среды Сибири. Пользуясь слухами о наличии полезных ископаемых, они организовывали разведывательные операции в надежде отыскать ценные залежи. Примеров таких множество. Так, в 1630-е гг. в Верхотурье «ясачный вогулятин» принес «мелкого камени, чаёт в том камени руды какой». Местная администрация проявила заинтересованность, даже отправила людей измерить искомую местность и организовать расспросы жителей тех мест¹.

Любое использование аборигенного населения согласовывалось с московскими властями, хотя местные воеводы во многих случаях принимали самостоятельные решения. Путь до Москвы в среднем составлял три месяца. Еще месяц уходил на разбирательство в Сибирском приказе, и обратный путь также приближался к трем месяцам. Таким образом, ответ из Москвы сибирский воевода мог получить только спустя полгода [5, с. 31–32]. Поэтому большинство решений принимались «здесь и сейчас», а уже спустя некоторое время принимались или отклонялись в Москве.

Возвращаясь к оценке вклада аборигенов в экономическое развитие зауральского региона, нельзя обойти вниманием дворовых работников и бывших среди них пленных ясырей. Военные конфликты с коренным населением по разным поводам вспыхивали в разных регионах Сибири на протяжении всего XVII в. и осо-

бенно в первой его половине. В результате военных действий появлялись взятые в плен ясыри. Как правило, это были представители «немирных земель». Новые хозяева стремились их сразу покрестить и перепродать в качестве холопов.

В отписке сибирского архиепископа Макария 1632 г. туринскому воеводе по поводу калмыцкого полона предлагается:

...А тех бы, господине, ясырей велети держать у себя тем же людем, у кого они были, а крестить и продавать не велеть; а которые ясыри оглашены, имяна наречены и крещены, и тех ясырей впредь велети держать тем у себя в нашей православной христианской вере; а которые ясыри оглашены и имяна наречены и тех велети крестить, а в калмаки тех не отдавать [2, с. 302].

Документ, относящийся к 1632 г., также наглядно показывает попытки сибирских властей упорядочить действия служилого населения при захвате пленных. Пленников требовалось предъявлять в съезжей избе, запрещалось их утаивать, крестить и продавать. Перечисление всех этих мер свидетельствует, что подобные практики по отношению к «ясырю» широко применялись на всей территории Сибири, где происходили военные стычки с автохтонным населением. Попытки сибирских властей приостановить этот процесс, несомненно, его ограничивали, но принятые меры не всегда были действенными [2, с. 394].

Вопреки многочисленным церковным и правительственным указам, на протяжении длительного времени пленных продолжали крестить и продавать. Вполне естественно, что с урегулированием русско-аборигенных отношений количество ясырей сокращалось. Но многочисленные источники свидетельствуют о том, что эта практика сохранялась и в начале XVIII в. Так, в 1706 г. томский пеший казак Гаврило Безьязов продал в г. Томске «тобольскому жителю Василию Прокофьеву сыну Шаламову полонную свою девочку трех лет нынешнего киргызского погрому, новокрещенным именем Федосью Иванову дочь..., а взяла 4 рубли» [6, с. 92].

Судьбы таких «пленников» в городской среде могли складываться самым причудливым образом. Русские не отделяли «пленных детей» и растили их вместе со своими отпрысками. По стилю жизни и укладу бывшие ясыри со временем мало отличались от русских работников и также вносили свой вклад в хозяйственное освоение региона. Это явление было массовым, особенно в первой половине XVII в. Томско-Кузнецкий регион, например, насыщался пленными аборигенами из мест проживания енисейских кыргызов и калмаков [7, с. 54–73; 6, с. 86–109].

В 1649 г. в грамоте енисейскому воеводе указывалось – «полоняников», взятых при применении военных действий, не отправлять за пределы Сибири, а крещенных ясырей мужского пола верстать в службу «кто в какую пригодится». При этом предписывалось некрещенных татар и остяков строить в ясак, «женок и девок отдавать отцам, матерям и мужьям и роду и племени» [2, с. 493].

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Ст. 656. Л. 440.

Из цитируемых источников следует, что центральные власти препятствовали вывозу пленнх ясырей с территории Сибири. Но в некоторых случаях установленные правила нарушались. Хорошо известен факт, что киргизский пленный мальчик был вывезен в Москву, а впоследствии стал известен как сын боярский Иван Айканов, который являлся значимой фигурой в истории Красноярска XVII в. [8, с. 154–169].

Большинство пленников-аборигенов, попав в холопскую зависимость, работали на сельскохозяйственных угодьях. Отрывочный материал об этом явлении можно отыскать в переписной книге Красноярского уезда за 1671 г. На красноярских заимках работали енисейские кыргызы, братья (буряты) и монголы [9, с. 218–230].

В 1703 г. на заимках Томского уезда работало 210 дворовых из числа коренных народов Сибири, что составляло более 70 % от общего количества холопов. Эти цифры нельзя считать убедительными, поскольку они учитывают только хозяйства служилых людей. Известно при этом, что труд аборигенов использовался в хозяйствах и в XVIII в.

Справедливо встает вопрос, какова же дальнейшая судьба холопов из среды аборигенов в Сибири. Документально известно, что многие из них переходили в категорию вольноотпущенников, но это в большей мере касается городских жителей. Аборигены, работавшие на заимках, чаще всего заканчивали свой жизненный путь в статусе крестьян-батраков. Как известно, личная зависимость населения Сибири в количественном отношении не являлась достаточно значимой.

В заключение отметим, что, несомненно, на первом месте у царского правительства стояло использование коренного населения Сибири как поставщика ценных мехов. Однако это не исключало вовлечение автохтонов и в другие сферы хозяйственной деятельности. Ход исторического развития вносил неизбежные коррективы во взаимоотношения русских властей и коренного населения края.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. 610 с.
2. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. 640 с.
3. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в.: сб. док. М., 1982. 298 с.
4. Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Т. 1. 551 с.
5. *Люцидарская А.А.* Механизмы передачи информации в Сибири XVII – начала XVIII в. // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVII–XIX веков. Новосибирск, 2008. С. 27–32.
6. *Люцидарская А.А.* Категория населения – дворовые люди // Демографические процессы и общественно-политическая жизнь : сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. С. 86–109.
7. *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан, 1995. 232 с.
8. *Бахрушин С.В.* Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. История народов Сибири в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. 300 с.
9. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. 260 с.

Статья поступила
в редакцию 24.02.2014

УДК 391.7

И.Р. АТНАГУЛОВ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАГАЙБАКОВ

канд. ист. наук,
Магнитогорский государственный университет
e-mail: i.atnagulov@mail.ru

Статья посвящена этнодемографической характеристике одного из малочисленных народов России – нагайбаков в контексте их этнической истории. Начало формирования нагайбаков связано с императорским указом 11 февраля 1736 г., согласно которому их перевели из ясачных в казачье сословие. Основу нагайбаков составили крещенные татары Уфимской провинции. До 1842 г. они проживали в крепости Нагайбакской и нескольких деревнях. Как прослежено автором, по данным ревизских сказок, численность нагайбаков возрастала: в 1719 г. – 1500 чел., в 1744 г. – 1800, в 1762 г. – 2700, в 1795 г. – 2800 чел. Этнословный состав Нагайбакской крепости и округа включал в себя следующие группы: казаки, старокрещенные татары-казаки, крещенные казаки, татары-казаки. В 1842 г. казаки-нагайбаки были переселены в Новолинейный район укрепленных поселений, находящийся, главным образом, в Верхнеуральском уезде. Автором показано, что в течение второй половины XIX в. в демографической картине нагайбаков Верхнеуральского уезда наблюдалась общая положительная динамика. В 1844 г. их насчитывалось 2900, а в 1897 г. – 7812 чел. В 1926 г. нагайбаки впервые были зафиксированы как самостоятельный этнос. Небольшой прирост в первой четверти XX в. можно объяснить последствиями ряда войн, в которых казаки-нагайбаки принимали активное участие.

В материалах остальных переписей XX в. нагайбаки учитывались вместе с татарами. При незначительном количестве татар можно утверждать, что численность нагайбаков возрастала: в 1959 г. – около 8700, в 1979 г. – около 9700, в 1989 г. – примерно 12 тыс. чел. Данную демографическую тенденцию автор связывает с улучшением уровня жизни села. В материалах Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг.

нагайбаки вновь фиксируются как самостоятельный этнос. В 2002 и 2010 гг. их насчитывалось 9600 и 8148 чел. соответственно. Согласно современной статистике, в настоящее время отмечается отрицательная этнодемографическая динамика, что вполне соотносится с общей ситуацией в стране. Кроме того, современные демографические характеристики нагайбаков отражают сложные процессы самоидентификации этого народа.

Ключевые слова: нагайбаки, крещеные татары, казачество, этнодемография, Поволжье, Приуралье.

Формирование нагайбаков – сословной группы в составе кряшен – крещеных татар Поволжья и Приуралья происходило с момента подписания императрицей Анной Иоанновной указа от 11 февраля 1736 г., согласно которому группа уфимских новокрещеных, проживающих западнее Уфы, между Уфой и Мензелинском, была определена в казачье сословие и снята с ясака [1, с. 193]. Эти привилегии уфимские новокрещеные получили за то, что не участвовали в башкирских восстаниях 1735–1736 гг.

Какое число уфимских новокрещеных было поверстано в казачество и сколько их было вообще, точных данных не имеется. Д.М. Исхаковым были обнаружены некоторые демографические показатели, касающиеся новокрещеного населения Казанской дороги¹ Уфимской провинции. Велика вероятность, что именно это население явилось субстратом в процессе формирования нагайбаков. Обращаясь к архивным материалам, Д.М. Исхаков находит, что в 1726 г. кунгурский бургомистр Юхнев сообщает о том, что по Казанской «дороге» Уфимской провинции живут «новокрещеные двадцати пяти деревень» [2, с. 5]. По сообщению митрополита Сильвестра, в 1729 г. эти деревни с новокрещеным населением были расположены вперемешку с башкирскими селитями, а некоторая часть новокрещеных находилась и вместе с башкирами в одних селах [2, с. 5]. Переводчик Уфимской канцелярии К. Ураков примерно в то же время сообщает, что уфимских новокрещеных насчитывается около 1500 душ в разных деревнях с башкирами и татарами [2, с. 5].

С 1736 г., как уже было отмечено, часть уфимских новокрещеных входит в состав казачьего сословия. Процесс формирования нового казачьего населения сопровождался строительством крепостей вдоль так называемой Новой Закамской линии. По свидетельству П.И. Рычкова, уфимские новокрещеные казаки жили в крепости Нагайбакской, в одном селе с церковью и десяти деревнях численностью 1359 чел. муж. пола [3, с. 270]. Учитывая эти данные и ссылаясь на сведения Ф.М. Старикова, Д.М. Исхаков определяет названия этих десяти деревень: Большие Усы, Малые Усы, Дияшево, Новые Балыклы, Ахманово, Сарашлы, Килеево, Иликово, Костеево, Маты. По данным V ревизии он устанавливает численность казаков крепости Нагайбакской, с. Бакалы и десяти других деревень численностью около 2,8 тыс. чел. Д.М. Исхаков, по данным ревизских сказок, опубликовал динамику числен-

ности нагайбаков² в XVIII – первой четверти XIX в.: в 1719 г. – 1500, в 1744 г. – 1800, в 1762 г. – 2700, в 1795 – 2800 чел. [2; с. 16]. Даже притом, что цифры округлены, и, вероятнее всего в сторону увеличения, четко видна положительная динамика.

По документам конца XVIII – первой четверти XIX в. этносословный состав Нагайбакской крепости и округа включал следующие группы населения: казаки, старокрещеные татары-казаки, крещеные казаки, татары-казаки [2, с. 9]. Численность их в 1795 г. составляла: в Нагайбакской крепости – 261 чел. обоего пола; в селах: Бакалы – 308, Старое Костеево – 186, Шерашлы – 316, Балыклы – 123, Старые Маты – 134, Старое Килеево – 246, Старое Умерово – 183, Старое Зияшево – 412, Новое Юзеево – 141, Старые Усы – 57, Ахманово – 139, Старое Иликово – 266 чел. обоего пола. Всего казачьего населения – 2772 чел., из них мужчин – 1306, женщин – 1466 чел. (рассчитано нами по: [2, с. 9]).

Вместе с ними в тех же населенных пунктах проживали группы, не входившие в состав казачьего сословия: тептяри, ясачные тептяри, ясачные новокрещеные тептяри, ясачные татары, старокрещеные ясачные татары, ясачные новокрещеные татары, старокрещеные татары-тептяри, старокрещеные татары-бобыли, ясачные крестьяне и др. [2]. Численность их составляла: в Нагайбакской крепости – 296 чел. обоего пола; в селах: Бакалы – 122, Шерашлы – 121, Балыклы – 60, Старые Маты – 30, Новое Умерово – 231, Новое Юзеево – 233, Ахманово – 27 чел. обоего пола. Всего не казачьего населения – 1120 чел., из них мужчин – 591, женщин – 529 чел. (рассчитано нами по: [2, с. 9]). Таким образом, казачье население нагайбакской округи численно преобладало над остальным.

Накануне переселения в Южное Зауралье в 1823 г. численность казаков составляла: в Нагайбакской крепости – 109 чел. обоего пола; в селах: Бакалы – 111, Ахманово – 68, Балыклы – 59, Зияшево – 207, Иликово – 126, Костеево – 47, Килеево – 96, Старые Маты – 88, Старые Усы – 39, Шерашлы – 144 чел. обоего пола. Всего казачьего населения нагайбакской округи – 1094 чел. обоего пола (рассчитано нами по: [2, с. 14–15]).

В 1842 г. казаки-нагайбаки были переселены в составе подразделений Оренбургского казачьего войска в Новолинейный район укрепленных поселений, находящийся главным образом в Верхнеуральском уезде. До начала 1840-х гг. эта территория принадлежала казакам родовых подразделений кипчак (Средний Жуз) и жагалбайлы (Младший Жуз). Ос-

¹ В административном отношении Уфимская провинция делилась на дороги (*от монг.* «даруга» – политико-административный термин): Казанскую, Осинскую, Сибирскую и Ногайскую.

² Этноним «нагайбаки» известен не раньше середины XIX в., и всякое упоминание этой группы под данным названием в более раннее время носит условный характер.

новным населением вновь построенных новолинейных поселков были оренбургские казаки внутренних кантонов³, калмыки упраздненного Ставропольского казачьего войска и русское крестьянское население Верхнеуральского и Троицкого уездов, принудительно введенное в состав Оренбургского казачьего войска. Среди оренбургских казаков III и V кантонов были казаки-нагайбаки.

В 1842 г. они образовали еще две территориальные группы – троицкую (Троицкий уезд) и оренбургско-орскую (Оренбургский и Орский уезды). Верхнеуральская группа нагайбаков оказалась самой многочисленной и компактной. По данным 1842 г. [4, с. 34], нагайбаки Верхнеуральского уезда образовали пять поселков, которые в память о походе 1812 г. в Европу получили наименования: Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Трехбия [5, с. 359–361].

Населенные пункты казаков-нагайбаков на новом месте располагались вполне компактно, хотя и подчинялись разным административным центрам: Кассель и Остроленка – Верхнеуральскому, Фершампенуаз – Березинскому, Париж – Великопетровскому и Трехбия – Магнитному станичному юрту. Русские казаки селились отдельными станицами; калмыков расселяли дисперсно среди русских и нагайбаков [4].

Численность и этнический состав казаков нагайбакских станиц в 1842 г. выглядели следующим образом: нагайбаков в Касселе насчитывалось 200 чел., Остроленке – 200, Фершампенуазе, Париже – 300, Трехбии – 200 чел.; калмыков в Касселе – 29, Остроленке – 19, Париже – 32 чел. Таким образом, нагайбаков во всех перечисленных станицах насчитывалось 1250 чел., всего вместе с калмыками населения – 1330 чел. [4, с. 34]. В указанном источнике не отмечается состав населения по половому признаку, но у нас имеются достаточные основания считать, что здесь отражена только численность мужчин.

В течение второй половины XIX в. демографическая ситуация нагайбаков Верхнеуральского уезда отличалась положительной динамикой. При этом (согласно архивным источникам) не было разделения поселков по этническому признаку, хотя в течение всей второй половины XIX – первой четверти XX в. в нагайбакских станицах проживали калмыки. Но их было значительно меньше, чем нагайбаков. К тому же численность калмыков неуклонно уменьшалась. Например, в 1842 г. на земли Оренбургского войска было переселено казаков-калмыков в количестве 1743 чел. муж. пола [4, с. 4], а в 1897 г. по Оренбургской губернии в целом насчитывалось калмыков мужчин – 646, женщин – 537, всего – 1183 чел. [6, с. 57]. Учитывая этот фактор, численностью калмыков можно пренебречь.

Итак, динамика численности населения поселков верхнеуральских нагайбаков выглядела следующим образом. В 1844 г. в Остроленке: мужчин – 257, жен-

щин – 283, всего – 540 чел.; в Фершампенуазе: мужчин – 464, женщин – 457, всего – 921 чел.; в Париже: мужчин – 372, женщин – 399, всего – 771 чел.; в Трехбии: мужчин – 269, женщин – 399, всего – 668 чел.⁴ Всего мужчин – 1362, женщин – 1538, обою пола – 2900 чел. Даже при отсутствии данных по Касселю очевидно, что численность населения за два года увеличилась.

Имеются данные за 1853 и 1854 гг., которые отражают численность мужской части населения и также свидетельствуют о дальнейшей положительной динамике. В 1853 г. в Касселе насчитывалось в 69 дворах 241 чел., в Остроленке – в 93 дворах 283 чел., в Фершампенуазе – в 156 дворах 493 чел., в Париже – в 145 дворах 316 чел., в Трехбии – в 93 дворах 293 чел.⁵ Всего по пяти населенным пунктам – в 496 дворах 1626 чел. муж. пола. В 1854 г. в Касселе насчитывалось в 47 дворах 268 чел., в Остроленке – в 98 дворах 292 чел., в Фершампенуазе – в 156 дворах 517 чел., в Париже – в 146 дворах 405 чел., в Трехбии – в 94 дворах 299 чел.⁶ Всего по пяти населенным пунктам – в 541 дворе 1781 чел. муж. пола.

В 1866 г. насчитывалось: в Касселе в 118 дворах мужчин – 372, женщин – 282, всего – 654 чел.; в Остроленке в 116 дворах мужчин – 384, женщин – 370, всего – 754 чел.; в Фершампенуазе в 150 дворах мужчин – 504, женщин – 599, всего – 1103 чел.; в Париже в 150 дворах мужчин – 528, женщин – 529, всего – 1057; в Трехбии в 103 дворах мужчин – 358, женщин – 361, всего – 719 [7, с. 24, 33]. Общая численность мужчин – 2146, женщин – 2141, всего населения – 4287 чел.

По данным Всеобщей переписи населения 1897 г. численность населения нагайбакских поселков выглядела следующим образом: в Касселе в 139 дворах насчитывалось мужчин – 475, женщин – 472, всего – 947 чел.; в Остроленке в 196 дворах мужчин – 661, женщин – 687, всего – 1348 чел.; в Фершампенуазе в 243 дворах мужчин – 820, женщин – 870, всего – 1690 чел.; в Париже в 268 дворах мужчин – 918, женщин – 961, всего – 1879 чел.; в Трехбии в 189 дворах мужчин – 779, женщин – 712, всего – 1491 чел. [8].

В 1877 г. был основан пос. Астафьевский. Первыми жителями его были 13 семей, переселившиеся из Фершампенуаза, и 12 семей из Касселя общим числом 392 чел., в том числе мужчин – 201, женщин – 191 чел. В 1897 г. в 83 дворах их общее число составляло уже 457 чел. Всего жителей нагайбакских поселков в это время насчитывалось в 1118 дворах 7812 чел.

Таким образом, общая динамика численности населенных пунктов нагайбаков во второй половине XIX в. выглядит следующим образом: в 1842 г. – 1330 чел. муж. пола; в 1844 г. – 1362, всего – 2900 чел.; в 1853 г. – 1626 чел. муж. пола; в 1854 г. – 1781 чел. муж. пола; в 1866 г. – 2146, всего – 4287 чел.; в 1897 г. – 3653, всего – 7812 чел. муж. пола.

³ С 1798 г. казаки внутренних районов Оренбургской губернии были разделены на кантоны: 11 башкирских, 5 мешеряцких, 5 оренбургских и 2 кантона уральских казаков.

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1793. Л. 19 об. – 20.

⁵ Там же. Д. 1993. Л. 64 об. – 65.

⁶ Там же. Л. 107 об. – 109.

Другая часть казаков-нагайбаков переселилась в 1842 г. на территорию Троицкого уезда Оренбургской губ. (ныне Чебаркульский и Уйский районы Челябинской области). Эта группа оказалась несколько севернее верхнеуральской, и ареалы их были разделены территорией расселения русских. Троицкая группа, в отличие от верхнеуральской, селилась в одних и тех же населенных пунктах с русскими – в селах Попово, Варламово, Болотово, Ключевка Вторая, Краснокаменка. Эта группа в наибольшей степени подверглась воздействию русского влияния. По материалам последних двух переписей большая часть нагайбаков Чебаркульского района называла себя русскими.

Третья группа казаков-нагайбаков в 1842 г. переселилась в станицы Неженская, Ильинская, Подгорная, Гирьял и Аллабайтал Оренбургского и Орского уездов. Они заняли наиболее изолированное географическое положение по отношению к верхнеуральской и троицкой группам. Нагайбаки Орского и Оренбургского уездов, несмотря на то, что поселились в одних и тех же населенных пунктах вместе с русскими, вступали в контакты с татарами-мусульманами, которых было много в Оренбурге, Орске и окрестных селах. К началу XX в. оренбургско-орская группа нагайбаков оказалась полностью ассимилирована татарами-мусульманами.

Постановлением ВЦИК от 3 сентября 1919 г. на части территорий Оренбургской губернии и Тургайской области была создана Челябинская губерния. Первоначально нагайбакские населенные пункты вошли в состав Троицкого уезда вновь созданной губернии, затем – Верхнеуральского уезда.

В 1923 г. в соответствии с постановлением ЦК РКП(б) и III сессии ВЦИК 26 ноября была создана Уральская область с центром в г. Свердловске. С этого момента и по 1927 г. нагайбакские поселки входили в состав Троицкого и Челябинского округов Уральской области. 4 декабря 1927 г. в составе Троицкого округа Уральской области был образован Нагайбакский район. С образованием Челябинской области в 1934 г. Нагайбакский район становится субъектом новообразованной области. В настоящее время район расположен в южной части Челябинской области (примерно 53°17' – 53°45' с.ш., 59°20' – 60°45' в.д.) в бассейне р. Гумбейки (левый приток р. Урал). Общая площадь территории составляет 3022 км².

За год до образования Нагайбакского района, в 1926 г. была проведена Всесоюзная перепись населения, в которой впервые был учтен этнический состав населения страны, и нагайбаки не явились исключением. По материалам этой переписи всего нагайбаков на территории Челябинской обл. насчитывалось 10 277 чел. [9, 10]. Больше всего их было зафиксировано в Троицком округе – 8320 чел., где проживали в Нагайбакском (7722 чел.), Уйском (595 чел.) и Кочкарском (3 чел.) районах [9, с. 34, 38–42, 74]. Всего – 8320 чел. В Челябинском округе нагайбаки оказались на территории Варламовского района [10, с. 8–10] (1957 чел.) (рассчитано нами по: [10]).

В Нагайбакском районе оказались нагайбаки бывшего Верхнеуральского уезда, их численность распределялась по населенным пунктам следующим образом: в Касселе – 1284 чел., Остроленке – 1453, Фершампенуазе – 1384, Париже – 2329, Требии – 799, Астафьевском – 455 чел., остальные – 20 чел. по другим населенным пунктам. Всего по Нагайбакскому району – 7722 чел. В Уйском и Кочкарском районах Троицкого округа, а также Варламовском районе Челябинского округа проживали нагайбаки из бывшего Троицкого уезда. Численность их по населенным пунктам распределялась следующим образом: в Варламово – 303 чел., Попово – 862, Ключевке Второй – 488, Краснокаменке – 595 чел., остальные 307 чел. в других населенных пунктах [9, 10]. Всего – 2555 чел.

В материалах остальных переписей населения советского периода нагайбаки учитывались вместе с татарами. Принимая во внимание соотношение нагайбаков и татар Нагайбакского района в 1926 и 2002 гг., вполне можно представить, что в советский период демографическая ситуация здесь менялась незначительно.

Согласно похозяйственным книгам Нагайбакского района, татар-мусульман на протяжении всего XX в. насчитывалось лишь по несколько семей в каждом населенном пункте. В похозяйственных книгах с 1940-х гг. нагайбаки отмечаются как татары; но отличают их родовые фамилии и православно-христианские имена. В 1959 г. татар на территории Нагайбакского района насчитывалось 8784 чел., в 1979 г. – 9764 чел. По первичным материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., нагайбаков в нашей стране имелось около 11 200 чел.

В материалах Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. нагайбаки вновь фиксируются как самостоятельный этнос. Однако в материалах Всероссийской переписи 2002 г. указывалось не абсолютное число, а численно преобладающая национальность в процентах от общего числа жителей того или иного поселка.

В населенных пунктах Нагайбакского района зафиксирована следующая этнодемографическая картина: в Касселе насчитывалось всего 1224 чел. (из них нагайбаки составляли 75 %); в Остроленке – 2190 (из них нагайбаки – 74 %); Фершампенуазе – 4435 (из них нагайбаки – 35 %); Париже – 1995 (из них нагайбаки – 84 %); Требии – 321 (из них нагайбаки – 43 %); Астафьевском – 341 чел. (из них нагайбаки – 74 %).

Нагайбаки составляли заметную часть населения поселков Подгорный, Чернореченский и Кужебаевский. Всего нагайбаков по Нагайбакскому району насчитывалось 7394 чел. В населенных пунктах Чебаркульского и Уйского районов нагайбаки были в меньшинстве; численно преобладали в составе населения русские.

Согласно авторским изысканиям, среди этой группы нагайбаков были отмечены ассимиляционные процессы. В Варламово их насчитывалось 2026 чел. (из них русские – 88 %), в Попово – 742 (из них русские –

80 %), в Болотово – 410 (из них русские – 86 %), в Ключевке Второй – 394 (из них русские – 80 %), в Краснокаменке – 278 чел. (из них русские – 63 %). Всего в Челябинской обл. в 2002 г. было зафиксировано 9087 нагайбаков; всего по России – 9600. В 2010 г. нагайбаков по России насчитывалось 8148 чел., в Челябинской обл. – 7679 чел.⁷

Таким образом, динамика численности нагайбаков с 1842 по 2010 г. выглядит следующим образом: 1844 г. – 2900 чел.; 1866 г. – 4287 чел.; 1897 г. – 7812 чел.; 1926 г. – 7722 чел.; 1959 г. – около 8700 чел.; 1979 г. – около 9700 чел.; 1989 г. – около 12000 чел.; 2002 г. – 9600 чел.; 2010 г. – 8148 чел.

На протяжении второй половины XIX в. численность нагайбаков неуклонно росла, что говорит об их состоявшейся адаптации. Небольшой спад в первой четверти XX в. можно объяснить последствиями ряда войн, в которых казаки-нагайбаки принимали активное участие. Естественный прирост компенсировался потерями при боевых действиях. Увеличение численности наблюдается с 1926 по 1989 г., особенно оно очевидно в послевоенное время. Это связано со стабилизацией в экономике, улучшением уровня жизни села. Статистика 2002 и 2010 гг. демонстрирует отрицательную динамику численности населения, что вполне соотносится с общей демографической ситуацией в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по истории России: сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 годы / сост. А.И. Добросмыслов. Оренбург, 1900. Т. 2. 279 с.
2. *Исхаков Д.М.* Этнодемографическое развитие нагайбаков // Нагайбаки. Казань, 1995. С. 4–18.
3. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. 312 с.
4. Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. СПб., 1843. 47 с.
5. *Атнагулов И.Р.* Этнодемографическая характеристика населенных пунктов Нагайбакского района Челябинской области с 1842 по 1926 год // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2011. Вып. 2 (32). С. 357–369.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. 28: Оренбургская губерния. 173 с.
7. Списки населенных мест Российской империи / под ред. В. Зверинского. СПб., 1871. Т. 18: Оренбургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 г. 108 с.
8. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий по данным Всеобщей переписи населения 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. С. 127–133.
9. *Плешков А.М.* Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т. 13: Троицкий округ. С. 28–36, 72–79.
10. *Плешков А.М.* Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т. 15: Челябинский округ. С. 8–13.

Статья поступила
в редакцию 13.02.2014

УДК 391.7

Ю.В. ГЕЙБЕЛЬ

МЕННОНИТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

аспирант,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск
e-mail: julija-hld@mail.ru

В статье дается обзорная характеристика сообщества меннонитов в современном мире, включая российские общины. В основу исследования положена концепция этноконфессионального сообщества. Согласно данным Мировой ассоциации меннонитов (Mennonite world conference), учитывающей всех верующих анабаптистского толка, современное мировое меннонитское сообщество насчитывает 1,7 млн последователей в 83 странах. Меннонитские общины известны в России с XVIII в. Первые меннониты переселились из Пруссии в 1789 г. по приглашению правительства России и заселили Хортицкий округ Екатеринославской губернии. В настоящее время меннониты представлены на юге России, в Оренбуржье и в других регионах. Большинство меннонитских общин Сибири возникло в результате миграций конца XIX – начала XX в. Демографы отмечают постоянный рост численности меннонитов, связывая это с естественным приростом, а также с миграционными перемещениями.

На сегодняшний день действуют международные организации меннонитов, способствующие формированию всемирного сообщества меннонитов и организации взаимопомощи в его среде. Они действуют на основе пожертвований, главным образом от американских и канадских общин, и проводят благотворительные акции в развивающихся странах Африки, Азии, Латинской Америки. Влияние междуна-

⁷ Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002> (дата обращения: 10.02.2014); Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.02.2014).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00205.

родных структур на Россию не столь существенно. Однако и в нашей стране известны примеры благотворительности зарубежных меннонитов. Развивается транснациональное сотрудничество. Для меннонитов характерна активная миграция; на семейном и клановом уровнях поддерживаются прочные транснациональные связи. Доминирующей для сибирских меннонитов остается миграция в Германию. Существует глобальная конфессиональная сеть. Современные меннониты ведут активную, в том числе прозелитскую, деятельность в границах принимающих регионов и в масштабах мирового сообщества в целом.

В статье выделяются современные тенденции развития меннонитских общин. Делается вывод о том, что главным консолидирующим фактором меннонитов являются религиозные особенности и образ жизни.

Ключевые слова: меннониты России и мира, этноконфессиональное сообщество, транснациональное взаимодействие, глобализация.

Современное мировое сообщество во многом характеризуют процессы глобализации во всех сферах жизнедеятельности. В связи с этим возникают прогнозы тотальной унификации культуры и развития личного индивидуализма на фоне нивелировки этнических и конфессиональных факторов в жизни людей [1, с. 20]. Но одновременно в мире разворачиваются процессы, связанные со стремлением многих этнических и конфессиональных групп сохранить свою самобытность. Это явление получило название «этнического парадокса» современности, который противоречит прогнозам нивелировки различий в условиях глобальных процессов [1, с. 21].

Меннониты являют собой один из примеров устойчивости этноконфессиональных сообществ. Движение меннонитов ведет свое начало с деятельности Менно Симонса – голландского проповедника XVI в.¹ Вследствие гонений на меннонитов со стороны католиков, и протестантов, а также в связи с их отказом нести воинскую службу консолидация сообщества происходила главным образом за пределами территории исхода – Северной Европы.

Сегодня, согласно данным Мировой ассоциации меннонитов (Mennonite world conference), учитывающей всех верующих анабаптистского толка, мировое меннонитское сообщество насчитывает 1,7 млн последователей в 83 странах мира². Расселение меннонитов по континентам выглядит следующим образом: Африка – 38,3 %, Азия – 17,8, Европа – 3,6, Латинская Америка – 10,5, Северная Америка – 29,8 %. Странами с наиболее многочисленными меннонитскими общинами являются США (391 тыс. чел.) и Канада (136 тыс. чел.). В России, по данным Ассоциации, насчитывается 3 тыс. меннонитов³. При этом данные Ассоциации включают не только меннонитские церкви, но и другие анабаптистские объединения.

Исход меннонитов за пределы Голландии и Северной Европы начался в середине XVII в. Первые переселенцы-меннониты в США были зафиксированы в 1644 г. на Манхэттене и имели голландское происхождение. Постоянное меннонитское поселение по-

явилося в 1683 г. в штате Пенсильвания⁴. Основной поток миграции меннонитов в Пенсильванию отмечается в 1707–1756 гг. из Швейцарии⁵. Позже, к концу XIX в., европейский тренд себя исчерпал, и приток меннонитского населения в США обеспечивался за счет переселенцев из России⁶. В 2009 г. наиболее многочисленные меннонитские общины в США располагались в штатах Канзас, Калифорния, Индиана, Огайо, Пенсильвания, Вирджиния⁷.

Миграция меннонитов в Канаду происходила преимущественно из США (1786–1874 гг.) и России (1874–1950 гг.)⁸. Сегодня меннониты в Канаде в большинстве своем проживают в Онтарио и других западных провинциях. Согласно данным Переписи населения Канады в 1991 г., двумя наиболее многочисленными группами меннонитов были Церковь генеральной конференции (General conference Mennonite church) и меннониты генеральной конференции меннонитских братьев (Mennonite brethren)⁹. Кроме того, в Канаде были представлены немногочисленные группы меннонитов «старого порядка».

Существенным является присутствие меннонитов в Африке. В последнее время стала заметна тенденция их увеличения на континенте, особенно в Демократической Республике Конго и Эфиопии. Демографы связывают рост численности меннонитов с высоким уровнем рождаемости и повышением продолжительности жизни, а также миграционными перемещениями¹⁰.

Таблица 1 демонстрирует значительные изменения в численности меннонитских общин в основных странах проживания в 1984–2012 гг. Это свидетельствует об их устойчивости и активных перемещениях по всему миру.

На территорию России первые меннониты переселились из Пруссии в 1789 г. По приглашению правительства первые 228 семей заселили Хортицкий

⁴ Mennonites in United States. // Mennonite weekly review, October 19, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://media.mennoweekly.org/static/images/anabaptist_map.pdf (date accessed: 10.02.2014).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Mennonites in United States // Mennonite weekly review, October 19, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://media.mennoweekly.org/static/images/anabaptist_map.pdf (date accessed: 10.02.2014).

⁸ Multicultural Canada. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.multiculturalcanada.ca/Encyclopedia/A-Z/m6/2> (date accessed: 10.02.2014/)

⁹ Там же.

¹⁰ Global Anabaptist Mennonite encyclopedia online. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/D4482.html> (date accessed: 10.02.2014).

¹ Bender H.S. The Anabaptist vision (1944). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/A534.html> (date accessed: 10.02.2014).

² Всемирный справочник Мировой ассоциации меннонитов 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mwc-cmm.org/sites/default/files/website_files/mwc_world_directory_w_links_minus_cover.pdf (дата обращения: 10.02.2014).

³ Там же.

Динамика численности меннонитов в основных странах проживания в 1984–2012 гг., тыс. чел.*

Страна	Численность меннонитского населения		
	1984 г.	2003 г.	2012 г.
США	232	323	391
Канада	101	127	137
Россия / СНГ	55	5	3
Нидерланды	20	11	8
Германия	11	31	46
Мексика	31	19	32
Парагвай	13	27	33
Боливия	6	13	24
Индонезия	62	71	108
Индия	43	127	149
Демократическая Республика Конго	66	194	235
Эфиопия	7	98	224

* Mennonite World Conference map, 1984, 2005, 2013.

округ Екатеринославской губернии. Возник так называемый Первый (Хортицкий) меннонитский округ. В 1793–1796 гг. сюда прибыло еще 118 семей, часть из которых расселилась в уже существовавших колониях, а часть – в новообразованных. Каменистые почвы, суровый климат вызвали неурожай и падеж скота. Вследствие этого в 1800 г. правительством было принято решение переселить 150 семей в Молочные Воды Мелитопольского уезда Таврической губернии. Так был образован Второй (Молочанский) меннонитский округ. Следует отметить, что на первых этапах пребывания меннонитов на территории России произошел большой прирост населения колонистов, вследствие чего появилась необходимость в дополнительных земельных участках, и в 1855 г. был образован Третий (Мариупольский) меннонитский округ¹¹.

После заселения вышеперечисленных округов меннониты двинулись на территорию Поволжья и Кавказа, заселяя все новые территории и привлекая к их освоению все большее количество братьев по вере. Но уже в конце XIX в. началась первая эмиграция меннонитов из России в США и Канаду. Она стала результатом принятия Россией дискриминационного закона, ограничивающего права и свободы, гарантированные начальным договором между меннонитами и царским правительством в ходе их переселения в XVIII в. Тогда Россия потеряла почти пятую часть меннонитов.

Тогда же с конца XIX в. началось образование компактных поселений меннонитов в Сибири. Рост их числа в регионе приходится на время проведения столыпинских реформ. Миграционный поток составляли в основном добровольные переселенцы из Центральной России и Украины. Основными областями с

наибольшим количеством меннонитских поселений стали территории современных Новосибирской, Омской области и Алтайского края. Главными факторами, привлекающими переселенцев, были плодородные и неосвоенные земли.

В ходе революций и Гражданской войны начала XX в. возникла вторая волна эмиграции в Канаду и Южную Америку, по своим масштабам превзошедшая первую. До 1940-х гг. исчезли все меннонитские колонии в европейской части СССР. В ходе насильственного переселения в Сибирь, Казахстан, республики Средней Азии и мобилизации в трудовые лагеря численность меннонитов СССР сократилась наполовину [2, с. 123].

Несколько десятилетий меннониты в числе других групп российского населения находились в ситуации дискриминации. Изменения в их положении определил Декрет Верховного совета от 13 декабря 1955 г. «О прекращении ограничений в правах немцев и членов их семей, которые находятся на спецпоселении» (без возвращения конфискованного имущества).

Начался процесс переселения немцев в ФРГ, ГДР и Австрию. Первоначально он шел под лозунгом воссоединения разорванных в годы войны семей. Право на миграцию в первую очередь получили немцы Украины и бывших оккупированных областей СССР, имевшие близких родственников в Германии. Немцы Сибири, среди которых преобладали жители Поволжья, высланные в начале войны, такой возможности не получили [3, с. 180–181].

Одним из основных регионов расселения меннонитов России второй половины XX в. являлась Оренбургская область. Только в 1986 г. на территории области было зарегистрировано 25 общин. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. почти все меннониты, как и большинство немецкого населения, эмигрировали,

¹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 19, полутом 1. С. 94–96.

но уже к концу 1990-х гг. их место заняли меннониты из Казахстана и Средней Азии. В 1997 г. в области начала действовать организованная германскими и канадскими меннонитами миссия «Надежда». С ее помощью уже к 2001 г. в селах и небольших городах региона было организовано 7 общин. Эти общины создали Объединение меннонитских церквей Оренбуржья. В 2004 г. оно установило прочные связи с традиционной немецкой меннонитской общиной г. Новосибирска [4, с. 120].

Таким образом, меннониты в ходе социально-политических трансформаций в России адаптировались к происходящим изменениям, что обусловило их неоднократные перемещения как внутри страны, так и за ее пределы. К 2000-м гг. численность меннонитской общины в России существенно сократилась. При этом российские меннониты сохранили самосознание, основанное на исторической памяти и оценке собственной этноконфессиональной специфики.

Самосохранение меннонитов в стране сегодня опирается на широкие международные связи. Возникают прецеденты возвращения. По данным канадских источников, около 100 меннонитских семей из Мексики готовы вернуться в Татарстан в связи с трудностями в стране проживания.

На сегодняшний день действуют международные организации меннонитов, направленные на формирование всемирного сообщества меннонитов и взаимопомощь. Например, Меннонитский центральный комитет (Mennonite Central Committee) ведет активную международную деятельность. Организация действует на основе пожертвований, главным образом от американских и канадских общин, и проводит благотворительные акции в развивающихся странах Африки, Азии, Латинской Америки¹².

Влияние этих структур на Россию не столь существенно. Однако известны примеры благотворительности зарубежных меннонитов и в нашей стране. В 1990-е гг. в с. Неудачино Новосибирской области, которое было основано меннонитами еще в начале XX в., проживали представители Меннонитского центрального комитета – канадские меценаты. Этот факт взаимодействия был отмечен старейшим жителем села А.Я. Штеффеном, который в своих мемуарах вспоминал, что в качестве благотворительной помощи меннониты из Канады прислали оборудование для сыроварного завода. Помимо завода с участием меннонитов Канады были построены подсобные помещения и сауна с небольшим бассейном. Обучением работников завода занимался специалист, присланный из США. Дополнительно на заводе планировались переработка и выпуск мясной продукции. Автор отмечает, что для меннонитов с. Неудачино такое сотрудничество сыграло немаловажную роль. Появились дополнительные

рабочие места, жители смогли реализовать свой творческий и экономический потенциал¹³.

Транснациональное сотрудничество меннонитов опирается на активную миграцию. Она во многом имеет традиционный характер. Пацифизм как одна из основных характеристик меннонитов влечет за собой отказ от воинской службы, что тем самым делает их автономными по отношению к государству. И хотя многие общины, в том числе в России, приняли необходимость воинской службы, они сохранили ориентацию на традиционные установки. Доминирующей для сибирских меннонитов, например, остается миграция в Германию. Главным консолидирующим фактором в жизни меннонитов являются религиозные особенности и их образ жизни. В меннонитских селах Сибири можно услышать историю, подобную нижеприведенной:

Двоюродная сестра моей матери пошла в магазин в Германии и увидела одного человека и подумала: «Нет, это должен быть какой-то из Панкрацев!» Она подошла к нему и спросила: «Вы не Панкрац?»

– Он: «Да, моя фамилия Панкрац, а что Вы хотели?»

– Она говорит: «Ну, я знаю много Панкрацев, мы с ними родственники. Я Вам дам телефон, Вы позвоните».

Она дала телефон моей сестры, ну и они позвонили, и действительно выходит, что мы – родственники с ними, да. Вот так вот вышло. И вот они там в Германии познакомились. И они даже специально собрались в одном месте в молитвенном доме, и они собрали вот этих родственников. Они периодически там собираются, встречи делают двоюродных, троюродных... Последний раз они собрались, наверное, в 2008 г. Народу было очень много. Даже фотографии прислали, конечно. Записали, всех-всех записали, которые на тот момент были¹⁴.

Этот пример иллюстрирует прочные (в том числе транснациональные) связи, сохраняющиеся в меннонитских общинах на семейном, клановом уровне. Эти связи являются основой существования глобальной сети этноконфессиональных отношений. Современные меннониты не являются замкнутым сообществом; они ведут активную, в том числе прозелитскую, деятельность в границах принимающих регионов и в масштабах мирового сообщества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003.
2. Брейзе А.А., Колоткин М.Н. Немецкая диаспора Сибири: 1920–1930-е годы. Новосибирск, 1997.
3. Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул, 1996. 186 с.
4. Атлас современной религиозной жизни России. М.; СПб., 2009. Т. 3 / отв. ред. М. Бурдо, С. Филагов.

Статья поступила
в редакцию 21.02.2014

¹² Ежегодный доклад Меннонитского центрального комитета 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mcc.org/system/files/MCC_US_AnnualReport_Eng_2012.pdf (дата обращения: 10.02.2014).

¹³ Полевые материалы автора. 2011 г. с. Неудачино, Татарский район, Новосибирская область.

¹⁴ Полевые материалы автора. 2012 г. с. Неудачино, Татарский район, Новосибирская область.

УДК 391.7

Л.В. ГОРБАТОВ

КАТЕГОРИЯ ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ХАКАСОВ

научный сотрудник,
муниципальный музей «Хуртуях-Тас»,
Республика Хакасия
e-mail: gorbatovl@mail.ru

Статья посвящена характеристике практик врачевания в хакасской народной медицине. Первые заметки о традиционных практиках врачевания хакасов появились в XIX – начале XX в. Системного описания традиций врачевания у хакасов не предпринималось, между тем эта категория сакральных лиц занимала значимое место в мифоритуальных и лечебных практиках хакасов. Статья основана на полевых, ранее не публиковавшихся материалах. Даны классификация и характеристика основных категорий врачевателей в традиционной культуре хакасов. В хакасском языке слово *имчи* (*имчил*) – «знахарь, врачеватель, целитель», происходит от слова *им* – «лекарство». На основе полевых материалов автор делает вывод, что традиционно знахари, в отличие от шаманов, не проходили через «шаманскую болезнь» и не получали «посвящения» от горных духов. Однако иногда знахарей открывали шаманы и представляли их горным духам. Знахарство было наследуемым занятием, предполагавшим посвящение. Перед началом лечения обязательно обращались к духам предков.

Среди хакасов известны различные категории знахарей: знатоки лекарственных трав и лечебных снадобий; повитухи; специалисты, вправлявшие животы; вправлявшие кости; заговаривавшие ячмень на глазах; люди, лечившие поглаживанием и теплом своих рук, и др.

Автор воссоздает личные истории наиболее известных знахарей Хакасии. Приводит описания их инструментария и методов диагностики и лечения. Большое место в статье занимает описание традиционных лечебных практик хакасов, в которых сочетались рациональные и магические аспекты. Автор приходит к выводу, что в современной Хакасии в контексте последних общественных трансформаций происходит редукция и упрощение обрядов и лечебных действий.

Ключевые слова: хакасы, народная медицина, лечебные методы, лекарственные и магические средства.

Первые заметки о традиционных практиках врачевания хакасов появились в XIX – начале XX в. В 1908 г. К. Ельницкий писал: «Болезни у них (енисейских татар. – *Авт.*) лечат знахари и шаманы. Первые запасают травы и другие лечебные вещества и продают их больным, при чем наставляют, как их употреблять; вторые же лекарств не дают, а только шаманят» [1, с. 92]. Краткие сообщения не давали представления о традициях народной хакасской медицины. Шаманское мировоззрение и яркие обряды, в том числе лечебные, привлекали гораздо большее внимание ученых и находили отражение в этнографических работах. О знахарях было написано очень мало, тогда как эта категория сакральных лиц занимала значимое место в мифоритуальных и лечебных практиках хакасов [2, 3, 4].

В хакасском языке слово *имчи* (*имчил*) – «знахарь, врачеватель, целитель», происходит от слова *им* – «лекарство» (8). В народе знахарей чаще называют: *пiлiгчи* – «знающий», или *нiмe пiлiр* – «[тот] кто знает»; также *пiлчeн кiзi* – «знающий человек», и иногда *имчил кiзi* – «человек знахарь».

Традиционно знахари, в отличие от шаманов, не подвергались «шаманской болезни» и не получали «посвящения» от горных духов; они не имели и служебных *тёсей* – духов-помощников. Знахарство было семейным занятием, передающимся от предков. Посвящения в профессию проводились тайно и

крайне редко передавались человеку другого рода. После того как старый знахарь начинал понимать, что он теряет силу, необходимую для его деятельности, начинали отбор претендентов. Выбор легче было проводить среди своих, поскольку знахарь знал и особенности характера претендента, и его физические качества. Если данные выбранного человека оказывались подходящими и у него было желание заниматься целительством, начинался процесс обучения, включающий диагностику по пульсу, знание трав, некоторых практических приемов. С этого момента все процедуры учитель и ученик проводили вместе. Старший знахарь направлял руки младшего до тех пор, пока не наступала уверенность, что тот приобрел необходимые навыки и может работать самостоятельно. Перед началом лечения обязательно обращались к духам-предков. Порой знахарь специально постился, чтобы быть сильнее¹.

Иногда знахарей открывали шаманы, представляя их горным духам. Некоторые люди начинали лечить только после того, как их испытали горные духи на предрасположенность к шаманству. Важной позицией «отборочного теста» было определение наличия лишней кости у шамана-неофита. Если она отсутствовала, но горные духи не желали оставлять в покое избран-

¹ Полевые материалы автора.

ного, они обращали внимание на другие его качества, в том числе на смелость и любознательность.

Хакасы полагали, что если по каким-либо причинам горные духи находили человека негодным, то лишали его ума либо жизни. Избранных же наделяли умениями править животы, головы, складывать и вправлять кости или принимать роды. Считали, что с горными духами связаны такие специализации знахарей, как: *отчы* – знаток лекарственных трав и других лечебных снадобий; *пала таптрычан кизи* – повитуха; *кин кисчен орекен* – мастер перерезания пуповины (повитуха либо ее помощник); *ысты тутчан* – вправляющий животы; *сөөк тутчан* – вправляющий кости; *сөөк чыгчан* – собирающий кости; *тырсык имнечен кизи* – человек, заговаривающий ячмень на глазах; *сыйбан имнечен кизи* – человек, лечащий поглаживанием и теплом своих рук и др.²

Приведем несколько рассказов о том, как люди становились знахарями. В начале 1980-х гг. в районе с. Печин жила знахарка и повитуха Матык Токоякова (1919–1989). Она рассказывала, что когда была маленькой, к ней в юрту пришли высокие черные люди. Это были горные духи. Они говорили о том, что должны выбрать шамана и вроде бы эта девочка с кривой ногой может им стать. Ни страдания, ни испуга девочка не проявила, даже когда ее стали мучить, проверять на наличие лишней кости и просеивать ее тело сквозь сито. Не найдя кости, духи оценили смелость девочки и взяли ее под свое покровительство, велев быть *имчил кизи*. Бабушка Матык всегда старалась ходить пешком, даже когда ее хотели подвезти, в крайнем случае просила коня. «Железной техники» она боялась и избегала³.

В с. Таштып жила знахарка по прозвищу Хазынка (1903–1974). Так ее прозвали из-за пятнистой заячьей шубы, похожей издали на черно-белый ствол березы (*хазын*). Она еще в детстве видела черных людей, ростом до облаков, которые читали книги и каждому определяли судьбу. Ей определили помогать людям, лечить их. Вначале она не знала, как это делать, и тогда ее руками управляли те высокие черные люди без бровей, умевшие читать книги. Хазынка славилась тем, что могла лечить многие заболевания и править животы женщинам, которые не могли родить. Из-за постоянного наплыва страждущих муж, не выдержав, прогнал ее из дома. Хазынка вырыла землянку на берегу р. Таштып и там принимала людей. Так до старости и занималась лечением⁴.

Среди знахарей особенно выделялась категория *сыбырагчы* – «шептуны, колдуны», от *сыбыраг* – «колдовство, нашептывание». Это были люди, как и *пилигчи*, не получившие шаманского посвящения; их сила могла как помочь, так и навредить человеку. Они знали и использовали в своей практике какие-то молитвы, которые могли слышать от шаманов. *Пилигчи* и

сыбырагчы делились на тех, кто помогал людям, или действовал во вред («по-черному»): наговаривал на еду, воду или одежду. Таких называли *харгагчы* – «проклинатель»⁵.

Старейшая хакасская шаманка Сарго Майнагашева (1922–2010) из рода Томнар рассказывала, что когда горные духи определяли ее способности, ей предлагали бутылку с кровью. Она отказалась, поскольку знала, что это кровь ее родных. Если бы она приняла эту бутылку, то она могла бы стать *сыбырагчы сайбагчы* – «колдуном – разрушителем», и тогда от ее слов могло бы погибнуть много людей. Но она выбрала чистую воду, и с тех пор она и помогала людям лечением. А в старости, когда лечить уже не смогла, стала *хам көригчи* – ясновидящей, начала смотреть по воде и определять, к какому шаману следует обратиться страждущему⁶.

Знахари для оказания помощи больному или роженнице использовали разнообразные приемы. Общаясь с больным, знахарь задавал вопросы, выясняя симптомы заболевания, спрашивая: когда и от чего ухудшилось самочувствие, был ли жар, какой аппетит, где болит, какой характер болей и т.п. При необходимости производился внимательный осмотр кожи больного, прослушивался пульс, ощупывались суставы, кости. Иногда знахарь мог отправить больного к шаману.

В распоряжении знахаря находился широкий набор средств и предметов. В дорожной сумке вышеупомянутой знахарки Матык можно было обнаружить большой арсенал средств:

- «чистый» нож (*арыг пычах*), сделанный из метеоритного железа, его применяли только в лечебных целях, никому не давали в руки; лечили им колики, совершая над больным местом крестообразные движения;

- металлическая широкая ложка (*чалбах сомнах*), служившая для разогревания над огнем воска, который использовали для заливания ран; воск также выливали на воду для гадания и освящения;

- огниво (*отых*), использовавшееся для лечения пиодермита, который в народе называют *хамчо* – «летучий огонь»; избавиться от болячек на теле и на лице могли, высекая над ними искры;

- шило серебряное (*сис насчан нис*), служившее для прокалывания нарывов;

- веревка из конопли (*киндір пагы*), применявшаяся для лечения головных болей и болей суставов;

- веревка из крапивы (*сагчан оттын чибі*) красного цвета, которую использовали при рожистых воспалениях;

- шерстяная нитка (*тук чибі*), которую завязывали на запястье при проблемах с суставами – *хобыхпарган* («сустав сбился»);

- змеиный выползок (*чылан кибі*), которым пугали рожающую женщину, чтобы она скорее разродилась; считалось, что если выползок бросить поперек живота, то плод встанет в нужном направлении и женщина сможет родить самостоятельно;

² Полевые материалы автора.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Полевые материалы автора.

– осколки стекла (*сулейке*), применявшиеся для перерезания сосудов и вен; стекло должно быть с неровными краями, поскольку разрез стеклом с ровными краями трудно заживает;

– черемуховые палочки (*нымырт агазынын салаазы*) – тонкую палочку с тряпочкой, намотанной на конце, использовали для простукивания (вид массажа) живота и болезненных мест; ею же раскрывали зажатый рот при эпилептическом припадке; палочку потолще с тряпочкой, намотанной посередине, давали прикусить больному при острой боли, например, при прокалывании нарыва;

– сосновая щепка (*харагай узагы*) с острыми краями, которые использовали для перерезания пуповины, следуя поверью, запрещавшему прикасаться к ней металлом, иначе родившийся человек станет жестким и неуспешным;

– ости колосков (*чычыр сiгiненiн, хый сархи*), ими счищали (срезали) бельмо на глазу;

– пучок травы душичника (*колей чайы*) – душица обыкновенная (*Origanum vulgare L.*), использовалась для приготовления настоя; он принимался внутрь и считался первым успокаивающим средством;

– чабрец (*ирбен*), применявшийся для очистительного обряда «алас», что позволяло не только изгнать болезнетворных духов, но и успокаивающе подействовать на присутствующих при обряде;

– можжевелник (*арчын*), использовавшийся так же, как и чабрец;

– гипс или мел (*ах тобырах*), применявшийся для присыпания ран и их высушивания⁷.

Знахари широко использовали различные массажные приемы, в том числе «висцеральную остеопатию», представляющую собой глубокий массаж внутренних органов живота. Метод был эффективен для нормализации работы печени и кишечника, устранения гинекологических проблем и хронических заболеваний мочеполовой системы.

Приведу рассказ о лечении у знахарки молодой замужней женщины (*чиит хыс* – «молодуха»), которая никак не могла забеременеть:

Лечение проходило в 1998 г. в деревне Торт-гас у *имчил* Ксении Боргояковой (1923 г. рождения). Она хорошо правила животы и надсады (опущения внутренних органов от подъема тяжестей). У Ксении в небольшом деревянном доме было две комнаты, одна спальная, чистая, она никого туда не пускала, и кухня, где возле входа стоял не то топчан со спинкой, не то кровать. Когда мы зашли в дом и объяснили причину приезда, то она властным голосом приказала нашей молодой лечь и открыть живот, а мужчин выпроводила во двор. Вымыла начисто руки и намылила живот молодой. Вначале простукала его, как настоящий врач, и сказала, что править можно. Строго спросила, обедала ли? Услышав, что нет, приступила к массажу живота. Надавив большим пальцем на пупок, Ксения предположила, что опущение внутренних органов и печени у молодой произошло, скорее всего, из-за постоянного переноса тяжестей. Именно поэто-

му, сказала она, женщина и не может родить. По хакасским поверьям *паар* – печень имеет важное значение в процессе вынашивания ребенка. *Паар алтында одырар, чурегин, ни наньнан, истип одырар*. – «Под печенью ребенок ляжет и поясницей своей будет сердце материнское слушать», – сказала она. Печень матери – *паар* всегда «оберегает» ребенка. Даже если он будет на чужбине или где-то далеко и с ним что-то приключится, то печень матери даст знать, что с ребенком нехорошо.

Определив проблему, Ксения начинала мять молодухе живот. Вначале она разглаживала его в разные стороны, затем стала двигать намыленными руками по ходу толстой кишки и сказала, что выгонит газы, доведя до уровня под пупом. Затем аккуратно надавила на живот и кишечные газы отошли сами по себе. После этого стала давить на так называемые *мирсы* – лимфоузлы. Сказала, что их в животе сильно много, и с большим усердием раздавливала их, разминая пальцами. Жалобы на болезненность не принимала, объясняла, что следует потерпеть. Затем, опять намылив руки, она приступила к подтягиванию живота – брала кожу возле пупа и тянула вверх, спрашивая при этом об ощущениях. «Я чувствую, как все внутри подтягивается», – сказала молодуха. Ксения дала ей выпить отвар душицы, который она использовала вместо чая, и продолжила разминать живот, тщательно обходя правое подреберье. Здесь, она объяснила, мять сильно не рекомендуется, потому что в этом месте находится *паар*.

Она рассказала, что давным-давно одна *имчил* из соседнего поселения лечила женщину и правила ей живот, сильно нажав правую сторону так, что женщина на глазах пожелтела и через некоторое время умерла. Поэтому не все могут править живот, поскольку это может быть небезопасно. А сама она научилась от своей бабушки по матери, которая тоже была *имчил*. Бабушка направляла мне руки и говорила, что делать. Так что я даже без глаз, просто положив руку свою на живот, могу определить, что там произошло. Ксения закончила лечение тем, что опять положила большой палец на пупок и стала слушать биение пульса, который теперь стал четким и сильным. Это означало, что живот выправился и теперь можно ожидать беременности. Ксения обтерла полотенцем живот молодой и велела одеваться. Затем еще раз напоила ее отваром душицы и велела приехать еще, если за два месяца та не забеременеет. Однако повторного раза не понадобилось, молодуха вскоре понесла. Ксения гордилась тем, что она не хуже шаманов давала возможность родить бездетным парам⁸.

Традиции рода, в котором было не одно поколение шаманов или знахарей, часто подталкивают людей к похожей деятельности, как бы они не пытались изменить свою судьбу. Рассказывают:

Был такой случай в 1991 г. Маша из деревни Усть-Киндырла, чьи деды были хорошим костоправами, но знаний не передали, решила пойти учиться на водителя троллейбуса. К счастью, она посоветовалась с местной *нилегчи* Клавой Ооржаковой, которая дала ей ясно понять, что она ломает себе жизнь, если пойдет по этому пути, а не станет учиться на массажиста. В итоге Маша стала отличным специалистом,

⁷ Полевые материалы автора

⁸ Полевые материалы автора.

потому что имела наследственную предрасположенность к массажу и вправлению костей. Можно сказать, что это счастливый случай»⁹.

Известны примеры, когда одаренные молодые люди, испытывая унаследованную от предков потребность к занятию духовно-медицинскими практиками, под влиянием современных веяний превращается в «городских шаманов», ориентируясь на экстрасенсорнику и оккультные практики.

Для современной Хакасии остро стоит проблема сохранения народных медицинских знаний. В настоящее время многие потомственные шаманы и знахари, родившиеся в 1920–1930-е гг., ушли из жизни. Не все они успели передать свои практики потомкам или поведать свои истории ученым. Отдельные знахари еще продолжают старинную целительскую традицию, но лечение не является их повседневным занятием. Чаще всего это товароведы, бухгалтеры, библиотекари. Шаманов единицы, и особенно сильных среди них нет. При этом в народе сохранилось много воспоминаний о том, как лечила бабушка, что применял дедушка в тех или иных ситуациях. Эти простые, часто легко выполнимые практические действия нередко снова становятся востребованными вследствие низкого уровня современного медицинского обслуживания и неоправданно дорогих лекарственных препаратов.

В Хакасии (в отличие от соседней Тувы) нет шаманских центров, куда мог бы обратиться каждый желающий. Вышедший в ноябре 2012 г. приказ Министерства здравоохранения Республики Хакасия «О порядке занятия народной медициной...» регламен-

тирует условия получения права на занятие народной медициной. В нем говорится: «... народная медицина – [это] методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. К народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов ...»¹⁰.

Предлагая так называемую альтернативную медицину, закон ставит под сомнение традиционный синкретизм целительских практик, соединивших в единое целое сакральные, мистические и рациональные знания. В контексте современных общественных трансформаций происходят редукция и упрощение обрядов и лечебных действий. При смене поколений знания утрачиваются. Однако вновь и вновь «открываются» люди, наделенные наследственным даром целительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ельницкий К.* Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. СПб., 1908. 136 с.
2. *Бутанаев В.Я.* Лечебная практика // Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан. 2006. С. 138–146.
3. *Бутанаев В.Я.* Хакасская народная медицина // Народная медицина Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995. С. 8–24.
4. *Чанкова Е.* Феномен народной медицины (на примере хакасской медицины) // Сборник статей. По результатам Международной 64-й науч. студ. конф. им. Н.И. Пирогова (27–29 апреля 2005 г). Томск, 2005. С. 349–351.

Статья поступила
в редакцию 11.02.2014

УДК 391.7+745.04

М.В. МОСКВИНА

УКРАШЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ СВАДЕБНОМ ДАРООБМЕНЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: marg.moskvina@gmail.ru

Статья посвящена феномену символического обмена в традиционной свадебной практике тюрко-монгольских народов Центральной Азии (северных и южных алтайцев, хакасов, бурятов, якутов, казахов). В центре внимания автора – анализ практик ритуального использования женских украшений.

Показано, что в ритуалах свадебного цикла тюрко-монгольских народов Центральной Азии женские украшения использовались в сложной системе обменов, маркируя установление отношений разного уровня – от личных отношений новобрачных до отношений между объединяющими семьями и родами.

⁹ Там же.

¹⁰ О порядке занятия народной медициной на территории Республики Хакасия. Министерство здравоохранения Республики Хакасия: приказ от 8 ноября 2012 г. №873. // Региональное законодательство. [Электронный ресурс] URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2153497> (дата обращения: 10.02.2014).

Брак в традиционном обществе рассматривался как ритуал общественного значения, поэтому в нем участвовали родственники из обоих родов, обмениваясь дарами, в том числе украшениями. В ритуальных действиях использовались все составные элементы традиционного женского комплекта украшений – серьги, наконечники и нагрудные украшения, кольца, браслеты, пояса, а также бусины и серебряные монеты. Свадебные дары невесте рассматривались не только как выкуп за нее, они также обозначали ее переход в следующую социально-возрастную группу. Прослеживается семантическая нагруженность украшений при ритуальном обмене: серьги были связаны с образом невесты и замужней женщины; перстни и наконечники символизировали объединение двух родов; кольца и бусины – будущих детей; серебро, из которого изготавливались украшения, отражало пожелания благополучного брака. Кроме того, отмечено, что дополнительно украшения несли благожелательные, охранительные и репродуктивные смыслы, были воплощением женской красоты, здоровья и благополучия. В ходе свадебных церемоний в обмене украшениями принимали участие не только новобрачные и их родственники, но и все гости, которые также могли приобщиться к счастью и плодородию новой семьи. Особенно активно в этих действиях участвовали молодые незамужние девушки, таким образом воспринимая «репродуктивную» магию украшений.

В статье делается вывод, что процесс подношения украшений в традиционной свадебной практике тюрко-монгольских народов Центральной Азии является частью взаимных одариваний двух родов, объединяющихся в новую семью; он сопровождает и символизирует основной обмен – передачу невесты из рода в род.

Ключевые слова: женские украшения, Центральная Азия, символический дарообмен, свадьба, ритуал.

В этнографической науке ритуал рассматривается как символическая процедура или система символических действий. Ритуалы способствуют социальной интеграции, поддерживают сплоченность, усиливают чувство единения, предоставляют средства для культурного взаимообмена [1, с. 19–20]. Универсально задействованные в ритуалах вещи обладают высокой степенью знаковости.

В ряду прочих знаково акцентированных элементов традиционной культуры особое место занимают украшения. По определению А.К. Байбурина, они являются предметами с постоянно высоким семиотическим статусом наряду с масками, амулетами и т. п., «вещность» которых стремится к нулю, в то время как знаковость выражается максимально. Такие вещи органично включаются в ритуальную культуру [2, с. 63–88], при этом используются не столько с точки зрения своей материальной ценности (которая достаточна высока), сколько с учетом их высокой знаковости.

Большую роль украшения традиционно играли в свадебных циклах тюрко-монгольских народов Центральной Азии, связанных общностью кочевой культуры и истории. Украшения, маркирующие возрастную и социальный статус владелиц, включались в сложную систему ритуальных обменов, предполагающих установление не только интимных отношений, но также межсемейных и межродовых связей, определяющих содержание традиционного брака.

На языках Саяно-Алтая невесту называли *сыргалык* / *сыргалу*, что значит «имеющая серьги», «с серьгами», в отличие от *сырмалу* – девочки с наконечными украшениями *сырмал*, которые носят до замужества [3, с. 121]. Становясь обязательной частью комплекта украшений, серьги выступали символическим заместителем своей владелицы. Часто в эпосе подруга героя для того, чтобы он мог взять ее с собой, превращалась в серьгу или кольцо [4, с. 173].

Во время хакасского обряда сватовства малолетних детей – в «браке / свадьбе по чести», – когда детям исполнялось по пять лет, при втором (осеннем) приезде сватов, устраивали застолье, которое называли «вино с серьгами» (*ызыргалыг арага*). В подарок родители мальчика привозили коралловые сережки, которые тут же вдевались девочке-невесте в уши. Таким об-

разом отмечали, что она просватана. Родители девочки после этого обряда были обязаны выдать дочь замуж за оговоренного жениха при достижении ею брачного возраста [5, с. 180].

У тюркских народов Саяно-Алтая символически закреплял обещание вступить в брак обмен кольцами или браслетами. Среди алтайцев было заведено: если парень находил себе невесту, то мог подарить ей кольцо; когда девушка принимала этот подарок, она выражала свое желание выйти замуж. Далее следовало умыкание невесты по предварительному сговору [4, с. 173]. Среди хакасов «любовным посланием» служил браслет [6, с. 44, 89]. Оба эти предмета – кольцо и браслет, являясь универсальными символами соединения, выступали в качестве символических залогов обладания партнером; они закрепляли возможность оформления новых семейно-родственных отношений.

В дальнейшем кольца становились обязательной частью образа замужней женщины. У алтайцев считалось, что с кольцами связано представление о благополучии детей; поэтому их нельзя снимать – чтобы «не выпустить» детей из материнских рук.

Предбайкальские буряты при сватовстве делали обязательный подарок невесте – *бэлэг бариха*. Обычно в таком качестве выступало украшение *хоолобшо* в виде серебряной или золотой монеты на цепочке. Без этого сватовство считалось недействительным. *Хоолобшо* старались подарить высокого достоинства, ведь при отказе невесты его принять сватовство расстраивалось. Приняв же подарок, невеста становилась нареченной и отдаривалась от сватов поднесением им чарок с вином. Дополнительно сватовство закреплялось обменом поясами между отцами сосватанных – *бэкэ андалдаха*. С этого момента уже нельзя было расторгнуть брачный договор. Иногда сваты обменивались трубками и кисетами с огнивом или ножами. Брачный договор с обменом кушаками (*хадаг*) считался юридическим актом, и в случае его расстройтва виновная сторона выплачивала штраф в размере одной или двух голов крупного рогатого скота [7, с. 77].

Во время сговора при равном материальном положении семей у казахов проводилась церемония *кумис кадау* («пришивание серебра»), когда невесте дарилась нагрудное украшение, кольца и браслеты. Это

подношение воспринималось как дань / сбор – *алым* [8, с. 122].

Заключение брака у тюркских и монгольских народов Центральной Азии рассматривалось как ритуал общественный, с привлечением многочисленных родственников – членов обоих объединяющихся родов. В ходе свадьбы обмен дарами вообще и украшениями в частности выступал в качестве основы для образования новых социальных связей. Ответный дар рассматривался как обязательство второй стороны выполнять договор, который определял продолжение отношений [8, с. 61].

По казахскому обычаю жених должен был привезти на свадьбу много подарков *кеде* для того, чтобы женщины из аула невесты пропустили его. Обычай дарить такие подарки имел очень большое значение, что отразилось в поговорке: «свадьба может состояться скорее без калыма, чем без подарка». Если подарки не устраивали женщин, казались им слишком ничтожными, то они не допускали жениха даже до пожатия руки невесты. Поэтому *кеде* придавали большое значение – укладывали специальную переметную суму *коржин*, наполняли ее тканями, серебряными монетами, кольцами, серьгами, платками. Эту суму общими силами собирали женщины рода жениха для женщин рода невесты. Дарили *кеде* как на предсвадебных встречах жениха и невесты, так и в процессе самой свадебной церемонии [8, с. 128–129].

В рассматриваемом обряде украшения или серебра как материальные и магические ценности выступали в качестве платы за невесту, с одной стороны, а с другой – соглашаясь с семантическими смыслами серебра, выражали светлое и чистое начало благополучного, счастливого брака [9, с. 272, 271].

Массивные перстни на два пальца – «кольца свах» обычно дарили родители невесты будущей свекрови за предполагаемое покровительство и хорошее отношение к их дочери. Такие кольца символизировали соединение двух начал и двух семей [9, с. 280].

Во время церемонии «одевания серег» / *сырга тагар* обозначалась смена статуса девушки; одновременно серьги служили ее охранительным амулетом [8, с. 122]. Чрезвычайно большое значение в казахской свадьбе придавалось головному убору невесты – *саукеле*. За его презентацию во время сватовства – *саукеле кигизу* (букв. *саукеле* – головной убор невесты, *кигизу* – одевать) сторона жениха делала особые подарки стороне невесты [8, с. 137.]

Украшения были желанным свадебным подарком. У тюрков Центральной Азии эта практика имела древние корни. Известно, что в свадебном ритуале древних тюрков существовал обряд надевания невесте накануне брачной ночи ожерелья *ВОУМАҚ*, которое, возможно, имело апотропейное значение и было маркером перехода в социально-возрастную группу замужних [8, с. 121.]

Уже с момента просватанья девушка начинала носить украшения, врученные ей родственниками жениха или самим женихом. Это был знак ее будущей

принадлежности к роду мужа и одновременно своеобразный выкуп [10, с. 97]. В ходе свадьбы и последующего рождения детей комплект женских украшений становился все более сложным и вариативным.

Подношения украшений сопровождали свадебные церемонии тюрко-монгольских народов на всем их протяжении. Одним из смыслов ритуальных одариваний было обеспечение благополучия молодых. В ряду церемоний с символикой благопожеланий находились обряды плетения кос невесты со сменой накосных украшений. Как пожелание длительной и счастливой жизни волосы опрыскивали водой. Тубалары использовали молоко, считавшееся оплодотворяющей жидкостью, содержащей зародыш души ребенка [11, с. 384]. Расплетание кос при начале алтайской свадьбы проводили две родственницы со стороны жениха и невесты. Косу с правой стороны заплетала родственница девушки со словами «я даю ее», с левой – родственница жениха, произнося «я беру ее» [10, с. 98].

Если в девичьем комплекте преобладали шумящие накосные подвески, то у замужних женщин их стиль и смысл менялся. Косы замужней женщины у телеутов скрепляли круглой подвеской *тана* (в виде серебряной монеты или перламутровой бляхи); ее крепили на тесемки, вплетавшиеся в косы. Косы, соединенные концами и скрепленные *тана*, прятали под платье, саму же подвеску выпускали из разреза ворота на грудь. *Тана* являлась символом единения супругов; ее снимали только в случае смерти мужа. Вдовы не могли носить этого украшения.

Охранительные функции женских украшений усиливались в ходе церемоний их передачи при проведении свадебных торжеств. При подношении украшений казахи обычно произносили благопожелания. Если это было украшение для кос, то говорили, чтобы волосы были густыми и длинными; при дарении колец и браслетов желали искусности рукам; красивые серьги вдевали в уши со словами «чтобы не болели и плохое не слышали, чтобы лицо было прекрасным», вручая пояс, желали, чтобы девушка была изящной в талии. Все украшения расценивались с точки зрения придания их владелице женственности, привлекательности и обаяния. Их серебряный звон становился одной из характеристик женщины [9, с. 265].

Украшения были универсальным воплощением красоты, здоровья, благополучия. Они заключали в себе символику плодородия. Неслучайно украшения невестки раздаривались родственникам мужа у многих тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Это было своего рода магическим приобщением всех девушек на выданье к счастью, богатству и благополучию молодых.

В ходе свадебной церемонии хакасов часть девичьих украшений невесты раздавались незамужним родственницам жениха, которые расплетали ее косы. Когда невеста только заходила в дом, то бросала горсть бус, показывая уважение к дому. При этом девушки старались поймать их подолом своего платья. Так невеста, по поверью, делилась своим счастьем.

Бусины понимались как овеществленное выражение будущего семейного благополучия. Полагают, что бусины вместе с раковинами каури также были символами богини Умай – подательницы душ-зародышей детей [4, с. 174]. «Бросаю тебе девять бусин, пусть будет полноценной жизнь!», – так звучит благопожелание на кызыльской свадьбе при разбрасывании бусин в юрте [6, с. 63].

Во время свадебного торжества у якутов проводился обряд вынимания из сумы (*хааһах хостооһууа*) приданого невесты и подарков (*эһньэ-бэлэх*). Вещи вынимали две женщины, но сначала из четырех углов сундука или сумы доставали мелкие бусины и горстями разбрасывали их по всему дому. Присутствующие в доме женщины и дети бросались собирать бусины. После этого из сундука доставали вещи, каждую из них показывали присутствующим и аккуратно откладывали в сторону [9, с. 109].

На следующий день после свадьбы у алтайцев невестка, стоя на пороге своего первого семейного жилища, одаривала всех присутствующих медными кольцами, что считалось символическим приобщением участников торжества к плодородию нового брака [10, с. 112]. Так же поступала и казахская невеста. На следующий день после свадьбы, проснувшись раньше всех, она подвязывала один или несколько перстней к свисающей с купольного отверстия юрты веревке. Эти перстни предназначались в дар родственникам мужа. Невеста могла повторить такое дарение и в других юртах родственников мужа [9, с. 278].

Свадебный ритуал в логике дарообмена представлял собой цепь взаимных обменов, которые сопровождали передачу невесты из рода в род [11, с. 170]. Брачный обмен украшениями был прежде всего обменом ценностями. Кроме того, он нес на себе социальный смысл объединения двух родов через обмен их имуществом для создания доверительных отношений и сотрудничества. Дарение украшений выражало чувства почтения. Украшения, включенные в цепь ритуальных свадебных обменов, приобретали смысл и значение благопожеланий. Их символическая роль в свадебном дарообмене была велика, так как они акцентировали и

визуально обозначали обрядовые действия, имеющие полисемантическую природу: несущие характер платы, награды, социального единения, перехода в новый возрастной и социальный статус, благопожелания и магической защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамбетова А.И. Семиотика ювелирных украшений в традиционной культуре Казахстана: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2005.
2. Байбурун А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 5–13.
3. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX в. (историко-этнографическое исследование). Новосибирск, 2001. 172 с.
4. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. 225 с.
5. Бутанаев В.Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренного населения народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 179–193.
6. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.
7. Фролова Г.Д. Бурятские народные песни. Песни хонгодоров. Улан-Удэ, 2002. 116 с.
8. Сураганова З.К. Обмен дарами в казахской традиционной культуре. Астана, 2009. 188 с.
9. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы, 2005. 474 с.
10. Михайлова Е.А. Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб., 2005. (Сб. МАЭ. Т. LI). С. 12–120.
11. Николаев В.В. Институт дарения в традиционной свадебной обрядности коренного населения предгорий Северного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Новосибирск, 2012. Т. XVI. С. 382–386.
9. Петрова С.И. Одежда в традиционных свадебных ритуалах якутов (XIX–XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 106–110.
10. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований. М., 1993. 269 с.
11. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. 209 с.

Статья поступила
в редакцию 24.02.2014

УДК 394 (512.145):

З.А. МАХМУТОВ¹, Г.Ш. ФАЙЗУЛЛИНА²**СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ ТАТАР КАЗАХСТАНА:
ФУНУЦИИ, СПЕЦИФИКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ***¹канд. ист. наук,
Института истории АН РТ
e-mail: zufar@inbox.ru²канд. ист. наук,
руководитель проектов Общественного
фонда «Almadeniet» (Алматы)
e-mail: galiaf2@yandex.kz

Настоящая статья посвящена характеристике современной кухни татар Казахстана. По данным Общеказахстанской переписи 2009 г., в республике проживают 204 229 татар. Авторы подчеркивают, что современное татарское сообщество Казахстана представляет собой конгломерат различных групп, образовавшийся в результате интенсивных процессов миграции. В 1950–1960-е гг. на юге и юго-востоке Казахстана сформировалась группа так называемых «китайских» татар, репатриированных в 1950-е гг. в Советский Союз из Китайской Народной Республики. В годы Гражданской войны татары покинули Россию и, прожив в Китае более 30 лет, по их собственному мнению, приобрели особую идентичность и ряд культурных отличий, проявляющихся в том числе в области кулинарии.

На примере кулинарных традиций и новаций авторы статьи выявляют основные тенденции этнокультурного развития одного из этнических меньшинств республики. Особое внимание уделяется инокультурным заимствованиям. В ходе исследования делается попытка определить важнейшие функции этнической кухни в полиэтничном сообществе Казахстана начала XXI в.

В ходе исследования авторы приходят к выводу, что в целом современная кухня татар Казахстана является результатом их адаптации к различным природным условиям и этнокультурной ситуации в республике. Адаптация определяла вариативность различных блюд татарского населения по сравнению с традициями основного этнического массива. На специфику пищи татар Казахстана оказывают большое влияние соседствующие культуры. При всех инновациях кулинария татар Казахстана остается наиболее устойчивой сферой культуры. Особенности традиционной пищи часто воспринимаются как маркеры этнической, локальной и религиозной идентичности.

Ключевые слова: татарское население Казахстана, культура пищи, традиции и новации, этническая идентичность, миграции, маркеры идентичности.

Татарское население Казахстана относится к малым исторически сложившимся этническим группам республики. По данным Общеказахстанской переписи 2009 г., в республике проживают 204 229 татар [1, с. 5]. Татарское сообщество Казахстана представляет собой конгломерат нескольких групп татар (касимовских, казанских, татар-мишар, сибирских татар), образовавшийся в регионе в результате интенсивных процессов миграции. В 1950–1960-е гг. на юге и юго-востоке Казахстана сформировалась группа так называемых «китайских» татар: они были репатриированы в 1950-е гг. в Советский Союз из Китайской Народной Республики. Покинув Россию в годы Гражданской войны и прожив в Китае более 30 лет, татары, по их мнению, приобрели особую идентичность и ряд культурных отличий, проявляющихся в том числе в области кулинарии.

Принято считать, что в условиях современных процессов глобализации пища, с одной стороны, бо-

лее других элементов материальной культуры сохраняет этноспецифические черты, с другой – легче других поддается заимствованиям [2, с. 10]. Данные особенности актуализируют проблематику изучения кухни этнических меньшинств, таких, к примеру, как татары Казахстана.

Самым популярным напитком местных татар XIX в., по описанию современника, являлся широко распространенный также среди казахов, сибирских татар и башкир кисломолочный напиток из кобыльего молока – кумыс, который местные татары использовали и для лечебных целей [3, с. 9].

Для традиционной кухни татар Казахстана характерно широкое распространение жидких горячих блюд – супов (*шурпа*). Популярностью пользуются мучные изделия – из пресного или дрожжевого теста. На празднества печеные изделия с несладкой начинкой (*пэрэмьчи, эчпочмаки, губадия*) подаются часто вместо второго блюда или с бульоном.

Описывая население Северного Казахстана во второй половине XIX в., местный врач Ц.А. Белиловский подчеркивал своеобразие национальной кухни

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 07-01-18015е, 10-01-18034е.

татар региона: «Забравши под себя ноги по-восточному, вы усаживаетесь за приземистый стол и обязательно должны отведать с каждого блюда. Стол накрыт скатертью и устлан множеством блюд и различными сладостями: чикчаги (приготовлены из муки, меду, масла – очень вкусно), пирожки с малиной, хворост, мармелад, урюк, конфеты, монпансье, фисташки, орехи, фрукты, варенье и т. п. От такого количества сладостей татары часто страдают зубной болью и болезнью десен» [3, с. 9].

Любовь к сладостям среди татар Казахстана продолжает оставаться такой же стойкой, как и сто лет назад. Самым распространенным блюдом, согласно опросам, является традиционное татарское лакомство – *чак-чак*, о чем заявили более 30 % опрошенных респондентов.

Следует констатировать в целом высокую осведомленность татар Казахстана о своей национальной кухне. Более 90 % респондентов без труда назвали одно, а иногда и несколько любимых национальных кушаний. Наиболее компетентные в своей национальной кухне татары проживают в Алматинской обл., где данный показатель достигает 97 %. При этом нужно констатировать значительное сокращение ассортимента национальных блюд. Если представители старшего поколения без труда назвали более тридцати блюд, то среди молодежи данный показатель не достигает и двадцати. Выходят из употребления традиционные татарские названия кушаний: *кыймак* все чаще называют татарскими оладьями, *токмач* – татарской лапшой, *бэлиши* – татарским пирогом, *дучмак* – татарскими вагрушками.

В наименованиях кушаний нельзя не обратить внимание на некоторые расхождения в понимании татарами отдельных блюд. Так, *бэлишом* татары Северо-Казахстанской области называют прежде всего сладкие пироги с начинкой из смеси кураги, чернослива, черной смородины. В Татарстане же под *бэлишом* подразумевают главным образом пирог с начинкой из мяса и картофеля. Обязательным ингредиентом *бэлиша* «китайских» татар на юге Казахстана является рис.

На специфику пищи татар Казахстана оказывают большое влияние соседствующие культуры. Жизнь в соседстве с казахами предопределила широкое распространение среди татар Казахстана конины, которая, согласно нормативным предписаниям ислама, относится к категории «макрух» – не запрещаемое, но и не одобряемое [4, с. 9]. В некоторых районах Казахстана конина в повседневном рационе преобладает над всеми другими видами мяса:

Настоящий бешбармак должен, безусловно, быть именно из конины. Даже само название происходит, не как все считают от пяти пальцев, которыми едят, а от пяти видов мяса конины: жал (сала из-под гривы), жая (засоленного особым образом мяса с жиром), қазы (ребра с полоской мяса и жира с брюшины), қарта (конская кишка), бауыр (печень) или шұжық (колбаса из конины). В татарском бешбармаке есть все виды мяса лошади. Все, что в лошади есть, крошится кубиками и отваривается. Каждый вид мяса в отдельную

чашку. Кубики перемешиваются, потом делается тесто, поэтому это занятие достаточно кропотливое и отнимающее очень много времени (информант, муж. 1960 г.р., с. Аулеколь Костанайской обл.).

Стоит подчеркнуть, что бешбармак татарами Поволжья не готовится, хотя это блюдо известно ряду приуральских локальных групп и татарам Среднего Прииртышья [5, с. 140], что, видимо, объясняется также влиянием кухни казахской степи. *Бешбармак* в татарском приготовлении отличается от казахского наличием, кроме мяса и теста, картофеля. Таким образом, картофель служит в блюде своеобразным «национальным штрихом», который придает блюду некую специфичность.

В разных районах Казахстана в повседневный рацион входят такие блюда казахского застолья, как: *куырдак*, *куырма-самса* (жареные пирожки из пресного теста), *кыякча*:

Куырдак у нас почти повседневная пища. Раз в две недели обязательно готовлю. Готовится он очень просто. Сперва наливаешь масло в казан, потом туда мясо и лука немного. Все это жарится. Потом докладывается лук, перец болгарский, морковь, затем томат (информант, жен. 1987 г.р., г. Талдыкорган);

Я очень люблю куырма-самсу. Еще в детстве, когда я жила в Лепсинске, мама всегда их делала после того, как забивали гусей зимой. В качестве начинки использовалась печень (информант, жен. 1975 г.р., Алматы);

Люблю кыякчу, мы ее у казахов взяли. Тесто раскатывается, потом разрезается на треугольники и ромбики, потом обжаривается в масле. То же самое, что баурсаки из того же теста, только фигурки другие (информант, муж. 1953 г.р., с. Аулеколь. Кустанайская обл.).

Осваивая казахскую кухню, татары адаптировали ее к своим кулинарным технологиям:

Татарские баурсаки отличаются от казахских даже внешне, они обычно бывают круглой формы, казахские – квадратные и достаточно крупные. Тесто для них готовится с добавлением молока или топленого масла, в результате чего они дольше хранятся и не портятся (информант, жен. 1951 г.р., Алматы).

Баурсаки есть у нас и татарские: добавляются сахар и соль, и они такие хрустящие и вкусные, к чаю. Но я обычно люблю готовить казахские баурсаки. Они готовятся из пресного или дрожжевого теста, без добавления яиц. Обжаривается это все в масле и используется вместо хлеба (информант, жен. 1963 г.р., Караганда).

Специфическая кулинария Средней Азии привнесла в кухню татар Южного Казахстана множество специй, пряных трав и овощей. Салаты стали неотъемлемой составляющей татарского застолья:

Посиделки у нас бывают от 3 до 7 раз в месяц. Это могут быть поминки или похороны, праздники, а также просто приезд родственников. Как-то так повелось, что на подобные посиделки обязательно должен быть стандартный набор блюд. В нем обязательное наличие салатов. Практически всегда есть лянсэй (салат из мучной лапши или крахмальной – фунчозы и жареными овощами и мясом)... (информант, жен. 1936 г.р., г. Алматы);

Некоторое время жила в Казани, сейчас вернулась. Для них в диковинку были салаты из спаржи, из фунчозы... (информант, жен. 1954 г.р., г. Алматы).

Разнообразен список любимых блюд татар южных областей, куда входят и *манпар* (клецки по-уйгурски), *лагман* (уйгурский суп), *санза* (сладость из киргизской кухни), *унаш* (туркменский суп из фасоли с лапшой) и т. д. При этом многие блюда в рамках татарской кухни частично меняют свою рецептуру:

Татарский лагман, в отличие от уйгурского, более разварен и нередко содержит картошку (информант, жен. 1963 г. р., г. Шымкент).

Если на юге в кулинарии татар можно проследить заимствования узбекской, уйгурской, киргизской, а также туркменской кухни, то у татар Северного и Восточного Казахстана фиксируется влияние русской культуры. Некоторые татары в Костанайской обл. называют своим любимым «национальным блюдом» – *бориц*, в Павлодарской обл. – *шаньги* (вид печеных булочек, широко распространенный у русских Сибири и у сибирских татар) [5, с. 121].

В ритуалах подачи пищи казахстанских татар также можно проследить ряд заимствований. Так, *чай-ашы* татары г. Алматы на свадьбах и на похоронах подают, выкладывая снедь на подносы: как правило, один поднос на двух человек, что, безусловно, свидетельствует об уйгурском влиянии. Чаем, согласно среднеазиатским традициям, во многих татарских семьях, как на юге, так и на севере Казахстана, принято наполнять лишь половину пиалы, что демонстрирует особое уважение к гостю и желание хозяев, чтобы он попросил добавки и задержался подольше.

Активно осваивая заимствования, татары все же придерживаются традиций. Часто детали рецептов выполняют функции «этнокультурных границ» в сознании респондентов. Подобное явление неоднократно описывалось исследователями на разных примерах России и стран СНГ [6, с. 28]. Очевидно, что в условиях поликультурной среды для татар Казахстана маркеры в области кухни становятся особенно актуальными:

Мы часто ходим с соседями друг к другу в гости. Когда зовем с мужем к себе, я обязательно готовлю татарские блюда, чтобы гости знали, что они побывали на ужине именно в татарской семье (информант, жен. 1976 г. р., г. Петропавловск);

Учу свою дочку готовить татарские блюда. Начали с эчпочмаков. Не знает национального языка, пусть хоть готовить умеет. Говорю ей, приготовишь мужу чак-чак, хоть будет знать, что на хорошей татарке женился (информант, жен. 1963 г.р., г. Караганда).

Здесь в Казахстане татарка...означает то, что женщина хорошо печет (информант, жен. 1959 г.р., г. Алматы).

Среди множества кулинарных изысков, которыми славятся татары Казахстана, особое место занимает сладость – *чак-чак*. Для многих она стала своеобразным маркером этничности.

Современные татарские молодежные мероприятия (не только в Казахстане) носят название *Чак-чак*

пати. В ходе их проведения, помимо дискотеки, устраиваются конкурсы на приготовление этого лакомства. Наиболее известными мероприятиями такого рода в Казахстане стали несколько акций, проведенных татарским этнокультурным центром в г. Павлодаре. На них молодые татарские активисты из разных городов республики обсуждают планы на ближайшее будущее. В ходе *Чак-чак – акций* проходят встречи с людьми старшего поколения, а в завершение организуется танцевально-развлекательная программа, где татарское лакомство выступает главным призом. На свадьбе *чак-чак* занимает место центрального угощения, подчеркивая ее национальный характер: жених с невестой сами разрезают и раздают его перед чайной церемонией.

Особенности в приготовлении *чак-чака* также используются для поддержания локальной идентичности. Многие «китайские» татары Казахстана настаивают, что рецептура их *чак-чака* отличается от рецептуры других групп татар:

У нас, у китайских татар, чак-чак тает во рту, а не жуется и долго не черствеет. Для придания формы чак-чаку бабушка использовала «калып» (формочку). Чак-чак раньше на стол подавали горой или трапецией (сейчас сразу на куски нарезают и по столам раскладывают (информант, жен. 1936 г.р., Алматы);

Самое яркое отличие в кухне «китайских» татар – это туш (чак-чак). Кульджинские татары его изготавливают по особому рецепту, и это доступно не каждой хозяйке. Наш туш получается воздушным, белым. У каждой хозяйки свой набор любимых блюд, и у каждой они получаются разными, тесто – очень капризный продукт и чувствительно к настроению хозяйки, к ингредиентам и т. д. (информант, муж. 1960 г.р., Алматы);

Вспоминая, как происходило раньше приготовление различных блюд, представители старшего поколения отмечают, что хозяйки часто предпочитали запретиться на кухне, чтобы их никто не отвлекал и «тесто не падало». Локальные отличия в кулинарии татар отчетливо фиксировались и в других рецептах:

Если «токаш» больших размеров, то они были изготовлены китайскими татарами, выходцами из китайского города Чугучак, если маленькие – то китайскими татарами из г. Кульдже (информант, муж. 1960 г.р., г. Алматы).

При характеристике традиционной пищи татары большое значение придавали не только ее вкусу, но и красоте:

Одно из самых важных отличий кухни наших китайских татар – это «вкус», секрет которого как у того еврея из анекдота: «Не жалейте заварки» (продуктов). Видимо, это связано с тем, что в Китае с продуктами было лучше, особенно в Великую Отечественную войну. Поэтому и пекли, и гостей встречали постоянно. Наши (китайские татары) придавали особое значение красоте изделий. По наследству передавались всякие формочки для печений, кулинарные шприцы для украшения тортов. Кривые печенья – брак, «скармливались» детям. Гостям преподносилась все ровное и красивое (информант, жен. 1959 г.р., Алматы).

Большое место в кухне татар занимает религиозный и обрядовый фактор:

Я мусульманин. У меня, к сожалению, не хватает времени ходить в мечеть, максимум бываю там один раз в год, не удается держать Уразу, но я, например, никогда не буду есть свинину (информант, муж. 1986 г.р., г. Астана).

Пища татар Казахстана продолжает выполнять и ритуальные функции. Щербет, сладкий напиток из сахара, иногда с добавлением меда, обязательно подают молодоженам во время *никах* (обряд религиозного бракосочетания). Ритуальные функции этот напиток сохраняет у ряда мусульманских народов: например, у таджиков [7, с. 172], белуджей [8, с. 198–199]. У казанских татар он применялся в свадебных обрядах [9, с. 345].

К кушаньям, выполняющим свадебную обрядность среди татар Казахстана, также можно отнести мед и масло – их подают родители молодоженам при входе в дом, а в настоящее время – в ресторан, где отмечается свадьба. Считается, что это будет залогом крепкого и удачного брака.

Обязательными угощениями в ходе обрядов, связанных с детским (родильным) циклом татар Казахстана, являются *ирис* и *элбэ*.

Ирис представляет собой лакомство, которое получается в результате продолжительной варки смеси молока и сахара:

Ирис научила маму готовить ее аби, мама жила у нее в Киргизии в детстве около полугода. Готовила моя прабабушка его очень редко: на день рождения мамы и на свой. Мама все обещается его приготовить, но никак руки не доходят (информант, жен. 1989 г.р., Алматы).

Готовится у нас ирис испокон веков и считается национальным блюдом. Я научилась готовить у мамы, а та – у своей. Раньше, правда, молоко было более жирное и сахар свекольный, а сейчас тростниковый. Поэтому чувствуется, сейчас он уже и по вкусу немного отличается. Обычно готовят его на «родины», чтобы жизнь новорожденных была такая же сладкая, как и блюдо. Сейчас нередко носят его на коран-аш (поминки) (информант, жен. 1931 г.р., г. Петропавловск).

Элбэ – блюдо, которое традиционно у татар имело ритуальное значение. У татар Казахстана его приносят гости на родины, у некоторых других групп татар ставили на поминки.

У татарского населения южных регионов Казахстана особую ритуальную роль играли *челпеки*. Использование *челпеков* в обрядовой практике было достаточно распространено у народов Средней Азии: узбеки и таджики готовили их на поминки, туркмены по случаю рождения ребенка и на свадьбу [10, с. 27]. Ранее *челпеки* были известны и казанским татарам, но в настоящее время они практически не готовятся. *Челпеки* у татар Казахстана подаются на стол по поводу разных событий:

Челпеки обязательно делают как на праздники, так и на похороны и поминки (на 7 дней). Готовят их и тогда, когда снятся родственники, которых уже нет, обязательно в пят-

ницу делают 7 лепешек и раздают обычно детям на улице. Челпеки бабушка в разных местах стола кладет именно по 7 штук, потому что это священное число для мусульман (информант, жен. 1988 г.р., г. Талдыкорган).

Готовятся *челпеки* и на Гаит (торжество у мусульман в ознаменование праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам):

На Гаит обязательно должно быть что-то жареное: перемьяч, баурсак или челпеки, на горячее – куллама, шурпа или мелкие пельмени, к чаю – открытый пирог с курагой или закрытый с яблоками (информант, жен. 1940 г.р., Алматы).

На сам праздник с давних времен было принято раздавать детям конфеты, а взрослым – мясо. Раздача мяса и сейчас практикуется некоторыми татарами, несмотря на городские условия:

У нас своего хозяйства нет, поэтому с утра еду на базар, покупаю мясо и еду раздавать многодетным соседям (информант, муж. 1959 г.р., Караганда).

Татары приглашают гостей на *ауызашар* – первый прием пищи во время Уразы. Застолье имеет большое значение в их культуре. Татары накрывают стол в честь приехавшего родственника. Среди «китайских» татар сохраняются женские чайные посиделки *ауляги* (женский девичник); тогда как *каз өмесе* (праздник ошипывания гусей) в Казахстане в настоящее время уже практически не проводится.

Проведение застолья предполагает соблюдение правил по расположению гостей и рядом ограниченный в поведении:

У нас в детстве была достаточно большая семья – 6 человек. Бабушка так приучала нас, чтобы мы, сев за стол, не могли начинать есть, пока это не сделает наш отец. Самые лучшие куски мяса она всегда отдавала ему. После смерти бабушки, конечно, это уже соблюдать перестали (информант, жен. 1955 г.р., г. Шымкент).

До сих пор среди татар Казахстана сохраняются запреты на прием пищи в доме, где находится умерший. Данное правило, как полагают исследователи, может быть связано как с влиянием ислама, так и с более ранними верованиями [11, с. 25].

После застолья проводится *сарқыт* – раздача продуктов со стола – чаще всего сладостей, для детей и внуков. Иногда в южных районах Казахстана сладости на стол вообще не подаются, они полностью уходят на *сарқыт*. Татарский *сарқыт* в Казахстане отличается тем, что он практически полностью состоит из сладостей, в то время как казахский – из мясных блюд.

В целом современная кухня татар Казахстана является результатом их адаптации к различным природным условиям и этнокультурной ситуации в республике. Адаптация определяет вариативность различных блюд татарского населения в сравнении с традициями основного этнического массива. При всех инновациях кулинария татар Казахстана остается наиболее устойчивой сферой культуры. Особенности традиционной пищи часто воспринимаются как маркеры этнической, локальной и религиозной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Астана, 2010.
2. Артюнов С.А. Основные пищевые модели и их заимствования // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 10–18.
3. Белолюбовский Ц.А. Медико-статистический очерк города Петропавловска Акмолинской области. Годичный отчет за 1886 год. Томск, 1887.
4. Смолянский Б.Л., Григоров Ю.Г. Религия и питание. Киев, 1995.
5. Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. Омск, 2006.
6. Гуляева Е.Ю. Культурные практики и этничность (по материалам наблюдений и интервью с армянами Петербурга) // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 24–40.
7. Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973.
8. Гафферберг Э.Г. Белуджи Туркменской ССР: Очерки хозяйства, материальной культуры и быта. Л., 1969.
9. Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань, 1953.
10. Васильева Г.П. Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана // Этнографическое обозрение. 1979. №3. С. 18–30.
11. Толубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX–XX вв.). Алматы, 1991.

*Статья поступила
в редакцию 11.02.2014*

УДК 314.122.62

И.В. ОКТЯБРЬСКАЯ¹, Е.В. САМУШКИНА²

ИСТОРИЯ И ФОЛЬКЛОР В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АЛТАЯ 1930-х гг.*

¹д-р ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: siem405@yandex.ru
²канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: Khakassie@yahoo.com

Статья посвящена проблеме формирования этнонациональной идентичности автохтонного населения Алтая. На материалах центральной и региональной прессы, архивных и фольклорных источников анализируется советский этнополитический дискурс. Рассматривается процесс формирования коллективной памяти и структурирования самосознания алтайского народа в ходе советского строительства. Особое внимание уделяется фольклорным текстам, трактующим революционные события и социально-политические преобразования в крае. На основе анализа советского этнополитического дискурса выделяются следующие идеологемы: мотив жертвы, колониационная парадигма в отношении автохтонного тюркоязычного населения с Российским государством, акцент на классовом расслоении внутри этнической группы, критика родового строя алтайцев и традиционных форм хозяйствования, образ семьи, дружба советских народов, конструирование образа политического лидера с использованием фольклорных мотивов. Делается вывод о том, что в официальной прессе 1930-х гг. конструируется разрыв с этническим прошлым, традициями, традиционными социальными институтами. Важнейшей функцией советской соционормативной культуры становится сплочение людей на социально-классовой основе. Показано изменение культурной парадигмы: ставка делается на «нового» человека, не связанного с прошлым, устремленного в будущее и, по сути, лишённого этнических корней. Одной из центральных категорий, используемых для описания периода революции и Гражданской войны, становится трудящийся народ. На первый план при рассмотрении различных сфер жизни выходит представление о преобразующей деятельности, в том числе в области фольклора и истории. Происходит конструирование новой реальности, в том числе и образов прошлого.

Ключевые слова: Алтай, этничность, модернизация, образы прошлого, этнонациональный дискурс, культурная память, фольклор, советская национальная политика.

Одной из важных проблем современного этнологического дискурса является анализ механизмов формирования исторической памяти этнополитических сообществ. На множестве примеров доказано, что в момент революционных переходов от одного типа об-

щества к другому наблюдается активизация символических практик и происходит формирование символических систем, составляющие которых презентуют социально значимые представления [1; 2].

Начало XX в. в России ознаменовалось революциями и Гражданской войной, которые «перевернули» окраины бывшей Российской империи. Основой построения советской национальной политики стало

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 12-31-01223а2, № 14-21-17005.

признание государством права всех наций на самоопределение. Декларация прав народов России была издана 2 ноября 1917 г. Летом 1917 г. в Бийске открылся съезд представителей инородческих волостей Алтая.

На волне перемен был провозглашен Каракорумский Алтайский округ. Его существование началось с территориального конфликта с Бийским советом. В ходе развернувшейся Гражданской войны лидеры Каракорума выступили против советской власти и потерпели поражение. Деятельность Каракорумской-Алтайской управы была прекращена в 1919 г. Каракорумский уезд был вновь подчинен Бийскому уездному революционному комитету, а в апреле 1920 г. переименован в Горно-Алтайский. Постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. была образована Ойротская автономная область [3, с. 107].

Как и всякое преобразование, создание новых политических структур привело к активизации «семиотического», по определению Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, поведения. При этом само противостояние старого и нового строя приобрело мифологизированный характер [4, с. 145].

В контексте противостояния старого и нового мира осуществлялась реинтерпретация истории. Редактор журнала «Революция и национальность» С.М. Диманштейн, возглавлявший Институт национальностей при ЦИК СССР, так определял значение исторической науки в тот период:

Исторический материализм показал со всей очевидностью тесную связь между настоящим и прошлым в борьбе и победах человеческого общества. Марксизм осмыслил, оживил исторические события, сделал их историю боевым оружием в руках пролетариата... Для науки самое важное заключается в том, чтобы на основании конкретных исторических фактов дать правильную оценку прошлому историческому процессу, показать его основные тенденции и направление, куда он привел и куда мог привести при меняющихся обстоятельствах. История – это наука, обобщающая факты из действительности прошлого для определения на этом основании задач настоящего [5, с. 15].

Наряду с общей концепцией истории СССР создавались ее региональные версии – истории краев и областей. Задача заключалась в том, чтобы сформировать у молодого поколения национальных окраин единое видение исторического процесса, выделив его реперные точки, к которым были отнесены выступления против царизма и «помещичье-буржуазной верхушки» и братские взаимоотношения между трудящимися различных национальностей.

Особенно ярко в новом прочтении истории предполагалось показывать образы Ленина и Сталина «как организаторов и создателей СССР – великого союза народов, идущего крепкими шагами вперед, к построению бесклассового социалистического общества» [5, с. 25].

Сквозь призму такого подхода дореволюционная история Ойротии виделась временем упадка и деградации. Темному безвременью эпохи царизма противопоставлялась революция, открывавшая двери в светлое

будущее. Согласно публицистике тех лет, алтайский народ оказался на грани гибели в результате царской колонизации. Эта тема стала лейтмотивом выступления на ноябрьском пленуме обкома ВКП(б) 1936 г. секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе. В своей речи он подверг критике не только царизм, но «старорежимные» институты родового уклада алтайцев.

С позиций марксизма-ленинизма Р.И. Эйхе размышляет о классовом расслоении в регионе, подчиненном положению автохтонного населения:

Тот, кто рисует прошлое Ойротии как какую-то сельскую идиллию, как национальное согласие, как равенство и единство интересов трудящихся и баев в прежней Ойротии, – тот враг трудящихся Ойротии. Он лжет, чтобы прикрыть врагов, чтобы спрятать притаившихся баев и зайсанов, чтобы посеять рознь между рабочими, колхозниками-ойротами и колхозниками и рабочими русскими. Эти басенки – специальная дымовая завеса, чтобы спрятать от трудящихся звериное лицо эксплуататоров. Каждый, кто хоть немного интересуется экономическим и политическим прошлым Ойротии, найдет богатейший материал о неслыханной эксплуатации, которую испытывали на своей спине трудящиеся Ойротии, о классовом расслоении среди алтайцев¹.

На фоне тотальной политизации и советизации региональной прессы в 1930-е гг. появились тексты, посвященные трансформации культуры автохтонного населения; в них описывался переход от старой жизни язычника-алтайца, влачившего свое существование в темноте в прямом и переносном смыслах, к новой жизни в советском обществе:

Все дальше и дальше – к белкам – уходят дымные юрты, чтоб уйти, наконец, в предание... В цветисто-горланную речь все чаще и чаще вплетается крепкое, русское слово... Все больше меж юрт голубелось крестов. А теперь, когда зык красный звенит над Алтаем, когда воюют красное знамя с бубном шаманьим – скоро, скоро это время будет, когда из нежно-горланных песен навсегда уйдут азиатская лень и безысходная тоска. Не закачаемся под хрип топшура в конусной юрте, где старый алтаец тянет всю ночь ветхую сказку. Тянет длинную, мшалу юрту легенд. Скоро, скоро то время будет, когда не увидим мы чамного тоя, не взглянем в глаза лошади, полные боли и слез глаза, раздираемой в жертву Эрлику. Это время – близко. Ибо, как же могут ужиться трактор с шаманом?... Алтай умрет. И на месте его будет другой, новый, с новым ритмом, новыми мыслями, желаниями. И вот для этого нового – старое надо запомнить! Ради нового надо бросить на бумагу и богов, заплесневевших, как старые сосны, и пьяные песни свадеб, и многое другое [6, с. 53].

Пережитком прошлого на уровне общественного и академического дискурса и теории, и практики советского строя пытались представить традиционные социальные институты Ойротии. Сознывая реальную конкуренцию со стороны института родовых старейшин, новая власть и ангажированные ею ученые и журналисты пытались дискредитировать его, рассмотрев

¹ *Эйхе Р.И.* Невозвратно ушло в прошлое двойное рабство трудящихся Ойротии // Красная Ойротия. 1936. 23 янв.

через призму классовой теории. На страницах прессы и в исторических исследованиях родовые старейшины – зайсаны – представляли проводниками царской колониальной политики, угнетателями народных масс.

Участвующий в дискуссии 1930-х гг. впоследствии известный, а тогда еще начинающий этнограф Л.П. Потапов писал:

Именно зайсаны и баи внедряли в сознание алтайцев родовую солидарность, так как последняя задерживала развитие классового самосознания эксплуатируемых алтайцев и тормозила классовую борьбу или направляла ее в сторону национального антагонизма, сводя к борьбе между русскими «вообще» и алтайцами «вообще»... Теория родового строя у алтайцев чревата и политическими последствиями. Усвоив эту псевдонаучную теорию из этнографической литературы об алтайцах, некоторые партийные работники Ойротии объясняли, например, успехи коллективизации в Ойротии не результатами упорной длительной работы коммунистической партии, а тем, что алтайцы до революции жили «родовым строем» и имели навыки к коллективному труду и быту. Отсюда отрицание кулака в Ойротии правуюклонистами, которые не прочь были признать алтайского бая за «невинного» члена первобытно коммунистической общины [7, с. 10, 12].

Наряду с институтом рода, как явление уходящего мира, был поставлен под сомнение и дискредитирован с позиций цивилизационной парадигмы кочевой образ жизни народов Ойротии. В журнале «Революция и национальности» за 1932 г. появилась программная статья «Оседание – важнейший этап ликвидации национального неравенства». По мнению ее автора, переход от кочевой жизни к оседлой должен стать важнейшим этапом национального строительства во многих регионах, показателем эффективности ленинско-сталинской политики в области ликвидации неравенства. Выступая с критикой тезиса националистов об особом хозяйственно-бытовом укладе кочевых народов, публицист подчеркивал его контрреволюционный характер, направленный на сохранение социального неравенства, против прогрессивного развития этнических культур:

Местные националисты относятся враждебно к происходящему процессу оседания, ибо это в корне подрывает те особые формы хозяйства, которые были им на руку как в материальном отношении, так и в идеологическом; для них все то, что они считали особенностью своей нации, исчезает вместе с оседанием. От казакского националиста, например, услышишь, что осевший казак превращается в узбека. Националисты хотят выставить дело так, что у кочующей массы нет никакого стремления к оседанию, а все это навязывается сверху, идет из Москвы и ведет к русификации, ибо в дальнейшем хозяйственные формы народов востока совпадают с русскими. Теперь делается совершенно ясным, что настоящий социалистический аул с его благоустройством, со значительным количеством сельско-хозяйственного инвентаря, с рациональным скотоводческим хозяйством, базирующимся на кормовых запасах, на травосеянии, на концентрированных кормах с хорошими зимними стойлами, ветеринарным обслуживанием и т. п. В этом социалистическом ауле кроет-

ся окончательная смерть родовых отношений и их пережитков [8, с. 33–39].

Седентаризация в условиях ликвидации родовых пережитков определяла перспективы развития Ойротии, обозначенные в 1930-е гг. Окончательно концепция этноисторического своеобразия автономии была сформулирована к 1940-м гг. В сборнике «Историческое прошлое Ойротии», опубликованном к 25-летию создания автономии, были представлены очерки, рассматривающие историю региона с древнейших времен до Октябрьской революции. Один из авторов сборника – лектор Ойротского обкома ВКП(б) Г.А. Коронский писал:

С давних пор живет здесь маленький алтайский народ. Безотрадным и тяжёлым было до победы Великого Октября историческое прошлое алтайского народа. Ойротия с давних пор была объектом нападения со стороны многочисленных завоевателей. По территории, населенной алтайцами, прошли огнем и мечом войска многочисленных союзов племени орд VI–XII столетий [9, с. 15].

Опровергая образ «золотого века» алтайцев, описанный в преданиях об Ойрот-хане, Г.А. Коронский утверждает идею о двойном рабстве ойротов: с одной стороны, зайсанов – «местных феодалов», а с другой – различных колонизаторов [9, с. 15]. При этом отмечается, что родовая знать – зайсаны, демичи – являлись проводниками колонизаторской политики царской власти, сознательно препятствовали просвещению ойротов со стороны представителей русского народа. Бурханизм рассматривался Г.А. Коронским как буржуазно-националистическое движение; к началу XX в. коренное население по уровню своего экономического, политического и культурного развития не было готово вступить в освободительную борьбу с целью получения автономии. Выдвинув лозунги «Земля и вода Алтая для алтайцев», алтайская этнонациональная элита попыталась дистанцироваться от русской культуры, используя тюркоязычное население для получения политической власти [9, с. 28].

Основой новой версии истории Ойротии стал тезис о самобытности и древности алтайского народа. При этом дореволюционные авторы, настаивавшие на том же утверждении, подвергались критике за тезис, что коренное тюркоязычное население – «племя, едва вышедшее из первобытного состояния, не имеющее истории, кроме немногих красивых легенд».

Историческое значение, по Г.А. Коронскому, имело включение алтайцев в состав Российского государства. Именно это событие позволило местному населению познакомиться со «стоящим на более высокой ступени исторического развития русским народом» [9, с. 17]. В том же контексте была оценена деятельность Алтайской духовной миссии. Несмотря на реакционный характер, она сыграла культуртрегерскую роль среди коренного тюркоязычного населения: способствовала распространению грамотности, внедрению технологий обработки земли и проч. [9, с. 21].

Переломным моментом в истории алтайцев явилась Октябрьская революция, когда началось стро-

ительство новой свободной жизни. Источником же побед над внутренними и внешними врагами стала дружба народов, проживавших на территории государства [9, с. 54].

В контексте социальных перемен и утверждения новых ценностей прошлое изображалось как своего рода безвременье, застой. Настоящее же выступало в качестве времени процветания. В 1920–1930-е гг. в Ойротии записывались новые тексты, посвященные истории края и оригинально трактующие события присоединения к России, события развития региона и т. д.

В газете «Красная Ойротия» в 1933–1937 гг. неоднократно печатались нарративы – рассказы «простых алтайцев». Содержание этих текстов было практически идентично. Начиналось повествование с описания тяжелой, полной лишений жизни дедов и отцов и самого автора, затем шли размышления о счастливой жизни советского алтайского села, полной трудовых свершений, надежд на светлое будущее; монолог заканчивался выражением готовности защищать сложившийся строй от внутренних и внешних врагов.

Приведем пример подобной исповеди:

Я – колхозник из сельхозартели «Путь партизана», Шибалинского аймака. В Ойрот Тура нахожусь временно, работаю в музее... Бедная, тусклая, как темная ночь, была раньше жизнь бедняков алтайцев. Моего деда – охотника крестили насильно. Дед поверил краснобаю миссионеру, надеялся на лучшую жизнь, да так и не дождалшись ее, умер в лохмотьях. Отец батрачил на баев и кулаков. Больной, надорванный медленно умирал в моей полу-юрте, полу-избе. Чем я мог помочь старику, когда сам бился в нужде, как рыба об лед? Износился человек – умирай. Помощи не жди ниоткуда. Таков звериный закон зайсана, баев и кулаков. На них не мало мы положили силы.

Любят человека, заботятся о нем только при нашей родной советской власти... Мне 60 лет, но я чувствую себя бодрим. Обо мне заботится партия и правительство. Участь моего бедняка-отца никогда меня не постигнет. Наша жизнь теперь похожа на яркий солнечный день. У меня хорошая семья. Сын работает учителем в эдиганской школе, дочь учится в педтехникуме. Это моя сила и поддержка. Детей моих воспитала и выучила советская власть. Мог ли раньше бедняк-алтаец мечтать о такой жизни? За нее, за великие права, охраняющие мою старость, – сердечная благодарность партии и правительству, вождю народов товарищу СТАЛИНУ. КАРДАМОНОВ Г.И. г. Ойрот-Тура².

Согласно политической советской риторике, захлестнувшей прессу и беллетристику Сибири, проведение в жизнь ленинско-сталинской политики в национальных регионах, «всколыхнуло» их творческие силы. Бурное развитие народной культуры происходило в форме художественной самодеятельности, музейного строительства, становления профессионального искусства. Гармоничное развитие этнических традиций, поддержанное советской властью в

публицистике Алтая 1930-х гг., противопоставлялось лицемерной политике Каракорумской думы, которая с опорой на зайсанов и баев-националистов пыталась столкнуть алтайский и русский народы, в реальности ориентируясь на ассимиляционные практики.

Отрицая прошлое, советская власть пыталась создать собственные ритуалы и символы. Подтверждение своей легитимности она искала в традициях, освященных временем. Доказывая закономерность утверждения советского строя, новые лидеры поддерживали старые формы – активно обращались к фольклорному наследию народов СССР.

На Первом совещании писателей и фольклористов, проходившем в 1933 г., советским государством был обозначен политический интерес к фольклору и фольклористам. Выступая с докладом «Современное состояние фольклора в СССР и советская фольклористика», Ю.М. Соколов подчеркнул, что фольклор является одним из орудий классовой борьбы, агитации и пропаганды. Подойдя с социологической точки зрения к данному жанру литературы, он сделал акцент на политических настроениях масс, которые отражает их творчество. В этой связи были названы следующие первоочередные задачи: «...современная советская фольклористика должна: а) развернуть во всю ширь собирание фольклора, как старого так и нового; б) заполнить пробелы, образовавшиеся в прежней собирательской работе (фольклор рабочий, отражающий крестьянское революционное движение, фольклор борьбы с помещиками и церковью); в) органически связать работу фольклористов с практическими задачами, выдвинутыми социалистическим строительством и культурной революцией; г) включиться в литературные работы по истории гражданской войны и истории фабрик и заводов» [10, с. 204].

В рамках совещания впервые была сформулирована концепция творческого преобразования фольклора. Поставив под сомнение дворянско-романтические и буржуазно-народнические теории «дореволюционных ученых» с их постулатом «неприкосновенности» народного творчества, теоретики и практики новой волны обозначили необходимость для ученых и литераторов влиять на содержание фольклорных произведений.

В программных документах совещания говорилось о задаче «активно вмешаться в фольклорный процесс, заострить борьбу против всего враждебного социалистическому строительству, против кулацкого, блатного и мешанского фольклора, поддержать ростки здоровой, пролетарской и колхозной устной поэзии» [10, с. 204].

Предлагалось издание книг и проверенных советской цензурой массовых песенников; распространение фольклора с помощью радиовещания, массового грамофонного производства; организация массовых фольклорных выступлений; тиражирование фольклора; издание различных программ и инструкций для его собирателей [10, с. 205].

На призыв властей сразу откликнулись советские писатели. Выступая на Первом Всесоюзном съезде писателей 17 августа 1934 г., М. Горький подчеркнул:

² Кардамонов Г.И. Прошлое – темная ночь, настоящее – солнечный день // Красная Ойротия. 1935. 5 сент.

Я снова обращаю ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа.

...Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... С глубиной древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами [11, с. 327].

Творчески восприняв чаяния политиков, лидер советских писателей обозначил конструктивистскую парадигму современной литературы. Он говорил о том, что на заре нового строя представители всех народов должны приступить к «творчеству новой истории» и социалистической культуры. К этому делу предполагалось привлечь сотни писателей: «Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса – Ленина – Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях, – трудом, который организует, которым руководит новая сила истории – воля и разум пролетариата Союза Социалистических Республик» [11, с. 330].

С помощью фольклора, по мысли М. Горького, можно было выработать революционное отношение к действительности, выделив смысл из части реальности, а затем воплотив его в образ, добавив желаемое и возможное. Особенно продуктивным, с точки зрения литератора, было использование фольклорного материала для интерпретации образов революционных вождей как мифических героев, подобных героям древности. Эти практики символизации позволяли бы обеспечить эффективное воспитание революционного самосознания у пролетариата и широких масс в стране победившей революции [11].

Дальновидным суждениям пролетарского писателя суждено было воплотиться в жизнь. Вскоре в Москве был проведен слет сказителей; он проходил во Всесоюзном доме народного творчества. Участники слета обратились к мастерам фольклора различных народов с призывом:

Товарищи сказители, кобзари и лирники, ашуги, акыны, бахши, голосистые певцы нашей родины, к вам обращено наше слово!... Мы зовем вас – приложите свою мудрость ко всему, что видят ваши глаза и слышат ваши уши. Метким словом позорьте лодырей и бездельников, корыстных любителей колхозного добра, избличайте в песнях и сказках тайных недругов и явных врагов, выкуривайте их из всех щелей. Искореняйте пережитки старого времени, боритесь с поповской брехней, как боролись с ней сказители всех веков и народов. В песнях и сказках славьте многоградостную жизнь нашего советского народа, восхваляйте всех знаменитых людей... Пойте о славе нашей родимой земли, о силе ее оружия, о храбрости ее воинов... Мы, сказители, должны еще выше нести свое песенное слово, слагать новые легенды, песни, сказки, побывальщины, – на службу и на радость всему народу. Пусть наши песни еще больше возвеличат нашу

родину и понесут века славу нашего времени...³

С начала 1930-х гг. фольклор стал активно привлекаться для утверждения ценностей советского строя на всем пространстве СССР. История народов творилась в форме былин и сказок.

В те годы на страницах «Красной Ойротии» не раз звучали суждения о том, что именно фольклор презентует истинное представление народа о своем прошлом. Перед ойротской литературой и фольклорным творчеством ставились задачи борьбы с пережитками прошлого и родовыми институтами и утверждения новых принципов советского патриотизма. В этой связи необходимым признавалось создание новых песен, сказок, легенд, отражающих советскую действительность⁴.

На смену старым образам приходили новые. Героями неофольклора становились советские политические деятели – В.И. Ленин, И.В. Сталин и др. Алтайским писателем и общественным деятелем П.А. Чагат-Строевым в 1930-е гг. была создана поэма «Ойгор батыр» («Мудрый богатырь»), посвященная В.И. Ленину. В ней революционный вождь представлялся великим воином-богатырем, спасающим мир, отцом-покровителем всех поработенных народов Азии. В финале произведения (написанного в жанре сказания) мудрый богатырь уничтожает змей всего мира. Один из канонических (змееборческих) сюжетов приобретает аллегорическую трактовку в духе политической борьбы с классом помещиков и капиталистов.

Как отмечал автор, эта сказка написана была для алтайцев для того, чтобы объяснить могущество идей вождя пролетариата [12, с. 2–3]. Фольклор приобретал характер матрицы, с помощью которой социально-политические ценности советского общества адаптировались к этнокультурным реалиям периферийных регионов советского государства. В «Красной Ойротии» вновь и вновь появлялись поэмы, посвященные В.И. Ленину, которые, согласно фольклорным канонам, представляли его в образе космического героя, креатора и культуртрегера.

Ярким примером советского мифотворчества стала поэма «Сталин», написанная народным сказителем Ойротии Н. Улагашевым. Произведение это вышло в «Красной Ойротии» в 1936 г. В нем Ленин и Сталин также изображались в образе богатырей-заступников: они освободили народ Алтая от страданий и указали дорогу в светлое будущее – «коммунистический рай», сконструированный по образцу эпических утопий тюркского фольклора. Подобные тексты, созданные по образцу фольклорных, переносили актуальные политические реалии в область традиции, авторитет которой, подтвержденный временем, был абсолютным.

Конструирование по схеме фольклоризации в 1930-е гг. советская власть использовала для презентации и легитимизации ценностей и символов новой

³ ГА РФ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 276. Л. 153–155 об.

⁴ Коптелов А. Песни алтайского народа // Красная Ойротия. 1936. 18 окт.

действительности. Эти практики совпадали с общественными и академическими практиками редактирования истории. Интегрированные в коллективную, сохраненную фольклором память, новые символы корректировали версии прошлого. Но одновременно фольклор, признанный на уровне государства, продолжал воспроизводиться и в традиционных форматах. В них, вопреки всем преобразованиям, сохранялись традиционные ценности, формирующие этнокультурный ландшафт. Много десятилетий спустя эти ценности (воспроизводящиеся в виде фольклорной эпической матрицы) стали основой обращения к традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клеберг Л. Язык символов революции во Франции и в России // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 140–50.
2. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуоимеж, М. Винок. СПб., 1999. 327 с.
3. Тотышев С.М. К проблеме образования некоторых тюркских народов Южной Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 3. С. 105–109.
4. Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 284. С. 144–166.
5. Диманштейн С.М. История народов СССР и положение на фронте исторической науки // Революция и национальности. 1936. № 3. С. 13–25.
6. Хмелевский В. Легенды племени Туба // Сиб. огни. 1927. № 2. С. 53.
7. Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии: алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933. 203 с.
8. С. М. Оседание – важнейший этап ликвидации национального неравенства // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 33–39.
9. Коронский Г.А. Историческое прошлое Ойротии // Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области. Ойрот-Тура, 1947. С. 3–28.
10. Соколов Ю.М. Первое совещание писателей и фольклористов // Сов. этнография. 1934. № 1–2. С. 204–206.
11. Горький М. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 27: Статьи, доклады, речи, приветственные статьи. 1933–1936. С. 298–333.
12. Чагатов Строев П.А. Ойгор Батыр: В.И. Ленин (Ульянов). Улала, 1926. 31 с.

Статья поступила
в редакцию 17.02.2014

УДК 395+397+398.4+398.41

В.А. БУРНАКОВ

ОБРАЗ ДРЕВНИХ МОГИЛЬНИКОВ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ХАКАСОВ (конец XIX–XX в.)*

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск;
Новосибирский государственный университет
e-mail: venariy@ngs.ru

В статье на основе архивных, фольклорных и литературных сведений рассматривается комплекс традиционных мифологических представлений хакасов о таких историко-культурных памятниках, как курганы. Хакасия – территория с древнейшей и самобытной историей. В течение тысячелетий эта земля была одним из значимых культурных центров Евразии. В наши дни его историческое достояние представлено множеством разнообразных курганов, повсеместно встречаемых на обширных лесостепных пространствах. Важнейшим, структурообразующим элементом этих древнейших могильных сооружений выступает камень. Он является естественной и неотъемлемой частью окружающей природы. Общедоступность и специфические свойства камня способствовали тому, что он закономерным образом вошел в жизнь, быт и культуру народа. С помощью камня и в его обработке реализовывался творческий, интеллектуальный потенциал человека. Камень и его образ в мировоззрении хакасов наделяется широким семантическим полем. Он в качестве отражения состояний человеческой жизни сопутствовал человеку от рождения и до смерти. Считалось, что камень неотделим от самого бытия человека. Верили, что от него зависит рождение новых человеческих жизней, а конец жизни и по сию пору отмечается могильным камнем. Камень нередко выступает в качестве распространенного магического предмета. В хакасской культуре он воспринимается в качестве сакрального объекта – воплощения и транслятора священных сил природы. С камнем был связан комплекс архаических представлений, касающихся культа гор, духов-хозяев местности и почитания предков. Верили, что покровительство каменных божеств обеспечивало плодородие, процветание и успех в жизнедеятельности людей, проживавших на территории их локализации. В связи с этим люди обожествляли как сам камень, так и место, где он располагался, поклоняясь всему сакрализованному пространству. В мифологическом сознании хакасов отмечается устойчивое сопоставление курганов с образами их легендарных предков. Эти археологические объекты выступают в качестве неотъемлемой части этнокультурного ландшафта и одного из ярких этнокультурных символов хакасов.

Ключевые слова: хакасы, традиция, мифы, фольклор, обряды, предки, курганы.

*Работа выполнена по проектам: РФНФ № 12-01-00199а и Президиума РАН «Традиции дарообмена в истории и культуре народов Сибири в XVII–XXI вв.»

В культуре хакасов основополагающим является мифоритуальный комплекс, связанный с окружающим пространством. Значительное место в нем занимают представления о древнейших захоронениях – курганах и могильниках, относящихся к разным историческим эпохам. Местные жители обозначают эти археологические памятники, как: *күрген, толадай, обаа, көзее* [1, с. 328; 2, с. 193, 217, 290, 641].

Традиционными являются суждения хакасов о курганах как захоронениях их далеких предков. Впервые они были зафиксированы еще в XVIII в. известным исследователем, путешественником-натуралистом И.Г. Гмелиным. Он сообщал:

Татары (хакасы. – В.Б.) испытывают чувство священного благоговения по отношению к умершим, а в особенности – к своим прародителям. Хотя им и известно, что в разграбленных могилах их предков найдено множество сокровищ, все же не было слышно, чтобы у кого-то из них возникло желание обогатиться таким образом. И это несмотря на то, что у них для этого имеются наилучшие возможности, ибо они живут рядом с этими погребениями <...> Когда их склоняют к какой-нибудь религии, они указывают на могилы своих предков и говорят: грабежи этих могил доказали всем, какие знатные и богатые люди были их предки, и как временами у них все шло как нельзя лучше. Все это было при той вере, которая от этих предков передалась по наследству к ним [3, с. 127–128].

О широкой распространенности среди хакасов подобных взглядов на эти археологические памятники в ту же эпоху сообщал И.Г. Георги:

В стране качинцев попадаются разные признаки горных работ и плавильных заводов древних людей, также множество старинных, отчасти богатых, могил, или курганов <...> Могилы присваивают качинцы своим предкам и столько имеют к ним почтения, что для отыскания сокровищ ни единой не разрывают. Но русские люди инако о том думали, и потому ныне редко где попадает богатая неразрытая могила [4, с. 255].

Уровень исторических знаний XVIII в. о Сибири и ее обитателях не позволял точно идентифицировать эти археологические памятники. Вместе с тем был важен зафиксированный факт включенности этих историко-культурных объектов в мифологическую систему хакасов, в том числе в культ предков.

В 1840-х гг. известный финский ученый М.А. Кастрен в поисках прародины финно-угров посетил Хакасию. Проводя исследования среди тюркоязычных койбалов, он отмечал: «Что же касается наконец до койбалов, о которых так много спорили, то они считают себя, вместе с облеченной в мифический мрак Чудью древнейшими обитателями этой страны» (цит. по: [5, с. 70]). Исследователь обратил внимание и на тот факт, что они «поклонялись в старину также высоким скалам, святость которых обозначалась намалеванными или высеченными фигурами, и могильным курганам, и <...> каменным истуканам» [6, с. 221].

В устном народном творчестве хакасов древнейшие каменные могильные сооружения часто связываются с представлениями об их непосредственных предках. Интересна в этой связи легенда «Великий стрелок». Согласно сюжету главный герой отправляется на состязание богатырей. По пути он проезжает местность, покрытую курганами:

Долго ли, коротко ли ехал, наконец, достиг земли Большого хана. Выехал на высокую гору и оттуда увидел всю его землю. Под этими курганами лежат кости его предков, подумал Сирота из Сирот, может и ему придется навсегда остаться в этой земле [7, с. 10].

Представление о кургане – обители предков часто встречается в эпических сказаниях. Так, богатырка по имени *Хызыл Түлгү* ('Красная Лисица') со своим супругом *Алтын Хус'ом* в одноименном произведении находят свое упокоение на кургане [8, с. 72–73].

Образ кургана используется и в «Легенде о призвании певца», где *Таг ээзи* – дух-хозяин горы, осмысляемый хакасами в качестве одного из предков, за провинность посылает сказителю Аголу смерть, которая настигает его у кургана:

Валом повалил народ со всех сторон к кургану. Расселись вокруг камня. И стал Агол, напрягая последние силы, петь песни о родной земле, о жизни и мужестве, о призвании певца и его тяжелой доле. Пел он, печально сострадая горю людскому. Пел до тех пор, пока не отлетело его последнее дыхание [9, с. 47].

Мотив смерти человека у кургана представлен в фольклорном произведении «Арап и змея». Согласно сюжету, змея заманивает человека к кургану и делает попытку умертвить его [10, с. 81–82].

В мировоззрении хакасов курганные камни нередко представляют собой вместилища душ богатырей. Так, например, в сказании «Три сестры многострадальные» в одном из камней находилась душа богатыря Ай Маныса – с разламыванием камня погибает и сам герой [11, с. 182]. В легенде «Похта Кіріс» в курганных камнях *обаа* была воплощена сила богатырей [12, с. 36, 38].

На территории Хакасии помимо курганов тагарской эпохи представлены могильники, называемые *чаа тас* – букв. 'камень войны'. Они относятся к археологической культуре VI–IX вв. н.э.; свое название получили из-за большого количества вертикальных каменных плит, врытых вокруг курганов. По древним хакасским легендам, они олицетворяли врезавшиеся в землю скальные обломки, которые кыргызские богатыри бросали в неприятеля [13, с. 167].

В этнографической литературе на дифференциацию многочисленных курганов и связанных с ними исторических преданий у хакасов одним из первых в конце XIX в. обратил внимание Н.Ф. Катанов, писавший:

Курганы некоторые принадлежали киргизам, а некоторые принадлежали чудскому народу. Впоследствии, когда пришел

неприятель и прогнал киргизский народ, 1–2 человека (из этого народа), скрывшись на скалах, остались в горах, а часть осталась на степи. Теперь кость Киргиз живет и между качинцами и сагайцами [14, с. 96].

Необходимо подчеркнуть, что порой в народе не всегда четко идентифицировались данные историко-культурные объекты. В глазах местных жителей внешнее сходство этих могильников – главным образом выступающие на поверхности земли камни различной величины – вносило путаницу в их идентификацию.

Так, о неоднозначности суждений хакасов о курганах в XIX в. сообщал М.А. Кастрен:

В степях я записал много, часто, впрочем, противоречащих, преданий о древней чуди. По одному весьма распространенному между татарами преданию, этот мифический народ, называемый многими стариками аккараком (белоглазым), был первым обитателем этой страны, но оставил ее задолго еще до прибытия киргизов; и все древнейшие, повсюду рассеянные по степям могильные курганы – его произведения. Но этому преданию противоречат многие другие <...> Ясно, что первое предание смешивает чуди с киргизами и приписывает древнейшие курганы собственно сим последним. И действительно, есть много такого, что говорит в пользу их киргизского происхождения [6, с. 203–204].

Следует констатировать, что и в настоящее время среди современных хакасов эти памятники не всегда четко различаются. При этом в общественном сознании образ кургана в целом ассоциируется с захоронением далеких пращуров [15, с. 37, 134, 152–153, 182]. Это, по всей видимости, связано с тем, что в прошлом хакасы нередко устраивали свои кладбища среди этих древнейших могильников. Данную традицию у хакасов отмечал М.А. Кастрен. Он подчеркивал, что «есть обычай хоронить мертвых в старых курганах, если нет поблизости возвышенностей. Это напоминало предание, существующее в Томской губернии, о том, что чудские надгробные холмы от того так необыкновенно высоки, что мертвых хоронили одного над другим» [6, с. 239].

Расположение погребений хакасов среди древних курганов наблюдал П.Е. Островских:

Кладбища имеют оригинальный вид: в большинстве еле заброшенные могилки с высуновшимися из-под земли колодинами или ящичками, кусками бересты, а в старых могилах даже с обнаруживающейся из-под гнилушек одеждой покойника, ютятся среди громадных древних курганов, могучих, долговечных [16, с. 346].

По материалам В.Я. Бутанаева, хакасы хоронили умерших грудных детей на деревьях, в гротах гор и в насыпях древних курганов [17, с. 140].

В традиционном сознании хакасов с курганами, относящимися к тагарской археологической культуре (VII–III вв. до н.э.), чаще связывалось представление о мифическом народе *ax xarax* – белоглазые, более известном в литературе по названию «чуди белоглазой» (вариант. хак. – *чүт / чот чоны*) [6, с. 203–204; 14, с. 56; 15, с. 133, 138, 140; 18, с. 124; 19, с. 30; 20, с. 145; 21, с. 19–20; 22, с. 135–136; 23, с. 20–21].

Один из вариантов данного мифа был обнаружен в ходе авторских изысканий в архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (АМАЭ РАН / Кунсткамера). Текст записан у хакасов в 1930-х гг. известным тюркологом Н.П. Дырнковой.

Согласно зафиксированному ею повествованию, на земле в каменных домах (*тас иб*) жил народ *чот* (*чот чоны*). Среди них был шаман с девятью бубнами (*тогыс түүрлыг хам*). Однажды эти люди спросили кама о том, «вырастет ли на их земле береза, будет ли стоять на их земле Белый царь (*Ах хан*)»? Шаман стал камлать и предрек: «Белый царь встал, белая береза выросла!». Это означало, что они потеряют свою независимость и подпадут под власть Белого царя. Народ *чот* тогда сказал: *Паза ниске кун чогыл* – «Больше нам солнца / жизни не будет». Гордые и свободолюбивые люди, не желая подчиняться власти Белого царя, заживо погребли себя в своих же каменных жилищах. «Оставшиеся» на их месте камни с тех пор называют *чот күрген* – «курган / жилище народа *чот*» или *чот чоның чуртан чирі* – «земля / место, где жил народ *чот*».

В мировоззрении хакасов также устойчивым остается представление о курганах как о древних жилищах или поселениях. Подобные ассоциации обнаруживаются в типических народных выражениях, например: *толадайлар – иргі тустагы чурттар* – «курганы – древнейшие жилища (остатки древних жилищ)»; *көзөлер, толадайлар кизек аалар чили турча* – «курганы, камни, древние могилы рассыпались, точно небольшие села» [2, с. 641].

Представление о камне как первом универсальном строительном материале часто встречается в хакасском фольклоре. До сих пор бытуют рассказы о том, что в незапамятные времена камень был мягким, а дерево – твердым, из-за чего древние люди строили свои жилища исключительно из камня. Впоследствии они погибли в результате стихийного бедствия. Согласно легендарной традиции, однажды поднялся ураганный ветер и заживо завалил древних людей вместе с их каменными жилищами. Лишь после этих событий якобы дерево и камень приобрели характерные для них качества [15, с. 134, 135, 138, 140].

Стоит отметить, что в подобных повествованиях «древние люди» не всегда идентифицируются с «чудью белоглазой». Более того, имеется вариант мифа, согласно которому курганы принадлежали народу *чода*. При этом они осознавались не только в качестве жилищ, но связывались с погребальной обрядностью:

В давние времена жил народ, у которого вся нога состояла из чода – голени. Эти люди были высокими и сильными. Когда они хоронили членов своего рода, то сооружали курганы, ставили вокруг них көзее – менгиры. Курганы являлись их домами, там же находилась их хуйах – жизненная сила (защита). [Считается, что] когда переносишь көзее в другое место, то вместе с ним переходят и [их] духи [15, с. 134].

Упомянутый в мифе этноним *чода* созвучен названию хакасского и тувинского *сөök'а* (рода). Не исключая того, что данный вариант мифа, вероятно, является более поздней трансформацией повествования о народе *ax*

харах / чүт (чот), все же стоит отметить стремление хакасов воспринимать эти сооружения в качестве объектов, имеющих отношение к предкам. Согласно фольклору, далекие пращуры сооружали зимнее жилище под соответствующим названием – *күрген*. Оно возводилось из дерна и камня, дверь в нем пробивалась низко, как бы уходила под землю [24, с. 129; 25, с. 443]. О данном типе жилища имеются упоминания в героической эпике хакасов, например:

<p>Аралап килген ікі алып, Ах пайзаң ибнің алнында Аттарын тохтаптааннар, Ікі ибнің кистіне Ибір килеедір ікі алып. Анаң көр турзалар, Күрген пір дее чох полған – Хайда-хайда күрген турчададыр, Күргеннің ортызынаң Түдүн тосхалап турадыр. Айланып, ибіріліп, ікі алып, Аттаң түзіп, пас килгеннер. Ир чахсылары көрзеелер, Изік чир алтында турчадыр, Пазып кірер чирін Прай киртіктеп салғаннар</p>	<p>Ехали два богатыря. Перед белыми дворцами Своих коней не осадили, Сзади к двум дворцам Подъехали два богатыря. Смотрят: [там, где раньше] Ни одного кургена не было, Огромный курген стоит, Сверху из отверстия кургена Дым поднимается. Объехали [вокруг] два богатыря, С коней сошли, [к кургену] приблизились, Смотрят благородные мужи: Дверь под землю ведет, Чтобы можно было войти, Ступеньки вырублены [в земле]</p>
--	---

[26, с. 152–153, 394];

Следует отметить, что по традиционным хакасским представлениям обитатели Нижнего мира, в том числе и души умерших людей – предков, жили в многоугольных каменных жилищах [17, с. 131; 27]. Эти образы могли быть связаны с архаичными жилищами – *күрген'ами*. Отождествление образов могильника и жилища находит подтверждение и в археологических исследованиях. Известно, что предки хакасов, сооружая курганы, самой его структурой и внутренней планировкой воспроизводили образ жилища [28, с. 200]. Данный факт нашел отражение и в героической эпике хакасов. Так, в богатырском сказании «Сарыг Чанывар» представлен сюжет, согласно которому по воле *Чалгыс Чайаан'а* – «Верховного божества» тело богатыря Алтын-хана с сакральной целью погребается в кургане, который своим видом воссоздает образ жилища:

Волею Единственного Бога
Должен схоронить я Алтын-хана,
Чтобы наш род с лица земли не стерся,
Чтобы кость росла-ветвилась наша.
Взяли мы со всадником камень,
Обложили тело Алтын-хана –
Будто стены дома получились;
Каменными плитами покрыли
Золотое тело Алтын-хана –
Будто дом из камня получился

[29, с. 80–81].

Таким образом, в религиозно-мифологическом сознании хакасов древнейшие могильники и кладбища воспринимались в качестве пространства, имеющего определенное отношение к предкам. При этом большинство из них наделялось признаками сакральной чистоты – *арыг чир*. В этой связи до сих пор в народе распространены убеждения в том, что людей на кладбищах оберегает мистическая сила их предков. У хакасов вполне типичным является выражение *сыырат – арыг, ээн тура – айналыг* – «кладбище – чистое [место], а заброшенный дом – с чертями» [30, с. 130]. Среди верующих бытуют традиционные суждения о том, что «лучше заночевать на могилках, чем в пустующем жилище» [31, с. 42–43; 15, с. 72–73].

В ходе своих исследований М.А. Кастрен выявил у хакасов устойчивые взгляды на курганы, согласно которым любое изменение изначальной целостности этих сооружений расценивалось как нарушение покоя далеких предков. Верили, что подобные действия вызывали гнев духов, что в свою очередь могло обернуться крупными бедствиями. Например, хакасы были убеждены в том, что археологические исследования древнейших могильников, проведенные П.С. Палласом в Хакасии в 1770-е гг., принесли им большие несчастья. По мнению хакасов, случившаяся у них эпизоотия вызвана «Палласом не чародейством, а раскапыванием древних могильных курганов» [6, с. 225]. Верующие полагали, что проклятье со стороны духов неизбежно настигает тех, кто не-

посредственно занимается грабежом этих исторических памятников. Считалось, что за подобное святотатство они могли лишиться зрения [32, с. 629–630] или заболеть тяжелыми болезнями. Так, по рассказам местных жителей, у пресловутого бугровщика Селенги, который на протяжении более трех десятков лет успел разграбить множество могильников, под старость отсохла рука [13, с. 168].

В мифологическом мышлении хакасов выявляется их твердая уверенность в том, что погребенные в курганах предки были прославленными воинами. Нередко образ предков ассоциируется и с горными духами. Весьма показательны в этом отношении былички, согласно которым отдельным людям эти сверхъестественные существа показываются в виде древних воинов в доспехах. При этом встречи с ними якобы происходят и около курганов, через которые часто проходят «дороги духов» [15, с. 152–153]. Фольклорно-мифологический образ воителя-предка, захороненного в кургане, на протяжении веков широко транслировался среди хакасов. Так, минусинский окружной начальник Н.А. Костров, описывая культуру и быт местного населения, привел весьма показательный пример из их обыденной жизни, точно передающий их ментальные и поведенческие стереотипы. Автор писал о том, что «возвращаясь из гостей, конечно подгуляв, кизилец (хакас. – В.Б.) встречает один из тех курганов, которыми во множестве усеяны их владения. Увидя его, он начинает петь о том, какой великий богатырь похоронен в нем и какие подвиги этот богатырь совершил в жизни. Далее по пути ему встречается лес или река; он начинает воспевать и их» [33, с. 5]. В приведенном материале четко выявляется традиционный уровень восприятия хакасами курганов. Они осознаются не только как монументальные захоронения легендарных витязей, но еще рассматриваются как естественный и неотъемлемый элемент их природного и культурного ландшафта. Курганы, наряду с их родной землей, горами, растительностью, водными источниками и т.п., одухотворяются и закономерно воспринимаются в качестве почитаемых и восхваляемых объектов.

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов образ кургана занимал видное место. Об этом свидетельствует обширный фонд фольклорного материала, посвященный теме древних захоронений. В мифологическом сознании хакасов отмечается устойчивая ассоциация курганов с образами их легендарных предков. Священные камни и курганы обозначают сакрализованные пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутанаев В.Я. Русско-хакасский словарь (ок. 15 тыс. слов). Петропавловск, 2011.
2. Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006.
3. Гмелин И.Г. Тюрки Красноярского уезда и их шаманы // На-ука из первых рук. 2004. № 0. С. 124–129.
4. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007.
5. Боргойков М.И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981.
6. Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. Тюмень, 1999.
7. Великий стрелок // Золотая чаша: хакасские народные сказки и предания. Красноярск, 1975. С. 7–15.
8. Красная лисица. Сказание. Абакан, 1960.
9. Легенда о призвании певца // Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. Красноярск, 1975. С. 43–47.
10. Арап и змея // Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. Красноярск, 1975. С. 81–84.
11. Три сестры многострадальные // Трояков П.А. Героический эпос хакасов и проблемы изучения. Абакан, 1991. С. 165–193.
12. Похта Кіріс // АтыгФы оол. Хакас чонның нымыхтары (Волшебный стрелок. Хакасские народные сказки). Абакан, 1969. С. 30–57.
13. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан, 2008.
14. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897.
15. Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск, 2006.
16. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина, 1895. Вып. III–IV. С. 297–348.
17. Бутанаев В.Я. Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. Астана, 2011.
18. Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 1.
19. Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. 1884. Т. XX, вып. 6. С. 6–33.
20. Орфеев Н. Предания о курганах у инородцев Минусинского округа // Енисейские епархиальные ведомости, 1888. № 11. С. 145–147.
21. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор. Абакан, 2001.
22. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. Абакан, 2008.
23. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан, 2010.
24. Бутанаев В.Я. Хакасские народные названия исторических памятников // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 127–135.
25. Майногашева В.Е. Комментарии к переводу // Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск, 1997. С. 430–448.
26. Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988.
27. Бурнаков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107–114.
28. Кызласов И.Л. Ряд особенностей археологического изучения тюркских народов в России // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 198–207.
29. Сарыг-Чанывар. Хакасское сказание // Сибирские сказания. М., 1991. С. 40–124.
30. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999.
31. Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Изв. ИРГО. 1884. Т. XX, вып. 6. С. 34–48.
32. Корнилов И. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин земледелия и путешествий. М., 1854. Т. 3. С. 605–644.
33. Костров Н.А. Кизильские татары. Казань, 1908.

Статья поступила
в редакцию 14.02.2014

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 94(47)+070

Л.В. КОТОВИЧ

«НАРОД САМ ПОРУЧИТ ДЕЛО СВОЕЙ РЕФОРМЫ ЛЮДЯМ, КОТОРЫМ ОН ВЕРИТ»: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА О ВЫБОРАХ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ*

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: Lida.Kotovich@yandex.ru

Тематика статьи находится на пересечении проблемных полей истории журналистики и социокультурной истории. В статье рассматривается, как журнал «Сибирские отголоски» и газета «Почта и телеграф» освещали вопросы, связанные с подготовкой к выборам и началом деятельности I Государственной думы. «Сибирские отголоски» – еженедельный иллюстрированный политический, общественный и литературный журнал, выходивший в г. Томске (1906–1907 гг.). «Почта и телеграф» (1906 г.) – первая газета в Минусинском уезде Енисейской губернии. Автор подчеркивает, что журнал «Сибирские отголоски» по форме представления материалов читателям был весьма близок газете, особенно при обсуждении актуальных для современников общественно-политических вопросов. Эти издания сближала и позиция их редакторов-издателей В.А. Долгорукова и В.В. Федорова. В статье анализируется корреспонденция из газеты и журнала, посвященная Государственной думе, что позволяет проследить позицию избирателей и властей. Корреспонденции этих изданий свидетельствуют о внимании сибирского общества к Государственной думе, к участию крестьян в предвыборной кампании, подтверждая, что в начале XX в. периодика превратилась в мощный рупор настроений самых широких масс.

Ключевые слова: еженедельный иллюстрированный журнал, ежедневная газета, общественные настроения, выборы в I Государственную думу.

Современные исследователи часто обращаются к материалам русской журнальной прессы для рассмотрения широкого круга вопросов. Сегодня в поле зрения оказываются не только «толстые» журналы, но еженедельные иллюстрированные издания [1, с. 85] и газеты [2, с. 3]. В целом они обращались к максимально широкой в социальном и образовательном смысле аудитории [3, с. 16], по подсчетам А. Рейтблата, суммарная аудитория еженедельников составляла в начале XX в. около полумиллиона человек [4, с. 94]). В статье рассматривается такой сюжет, как освещение в сибирской печати вопросов, связанных с подготовкой к выборам и началом работы I Государственной думы. В качестве источников избраны журнал «Сибирские отголоски» и газета «Почта и телеграф». Выбор изданий определялся автором по трем основаниям. Во-первых, еженедельный журнал – своего рода компромисс

между двумя прежними основными типами журналистики: ежедневной газетой и «толстым» ежемесячным журналом, с преобладанием быстроты реакции на злобу дня, которая характерна для газеты. При этом газеты не всегда были ежедневными («Почта и телеграф» выходила один раз в месяц). Сплошной просмотр публикаций этих изданий позволяет сделать вывод о их близости, особенно при обсуждении актуальных для современников общественно-политических вопросов. Во-вторых, «Сибирские отголоски» и «Почту и телеграф» сближала и позиция их редакторов-издателей В.А. Долгорукова и В.В. Федорова, которые, несмотря на трудности, не оставляли своей издательской деятельности.

Журнал «Сибирские отголоски» – еженедельный иллюстрированный политический, общественный и литературный журнал – имел очень короткую, но довольно интересную историю. Его редактором-издателем был В.А. Долгоруков, начавший свою деятельность на этом поприще в 1899 г. с издания журнала

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-0100258.

«Дорожник по Сибири и Азиатской России», которого сменил «Сибирский наблюдатель», а его – «Сибирские отголоски». Обстоятельства издания журнала были связаны с ситуацией в годы Первой русской революции. Редакция журнала «Сибирский наблюдатель» в 1906 г. сообщала: «Встретив в восьмой год существования “Сибирского наблюдателя”, в текущем году мы решили преобразовать его в еженедельный журнал “Сибирские отголоски”, появляясь теперь с первым номером преобразованного бывшего ежемесячного издания, мы считаем нужным оговориться, что выход его совпал с тем временем, когда в Томске объявлено военное положение, когда не только печатать, но и, вообще, вся местная жизнь поставлена в особые рамки, которыми надо всем руководствоваться и из которых нельзя выходить. Поэтому мы делаем, что можем»¹.

В Минусинске издательской деятельностью энергично занимался купец 2-й гильдии В.В. Федоров, открывший в 1888 г. первую в городе типографию. Первым периодическим изданием, которое выпускалось в его типографии, были ежедневные «Телеграммы Северного телеграфного агентства», а 27 апреля 1906 г. вышла газета «Почта и телеграф». Газета издавалась один раз в месяц, основное внимание уделяя событиям в стране. Через три выпуска она была закрыта властями, а на В.В. Федорова был наложен Красноярским окружным судом штраф, некоторое время он находился под арестом, но уже в ноябре 1906 г. начал выпускать новую ежедневную газету «Телеграфный листок» [5, с. 41]. Первый номер «Сибирских отголосков» вышел 28 февраля 1906 г.

В разделах журнала «Сибирские отголоски», «По Сибири», «Местная хроника» и «Томская хроника» печатались материалы, посвященные Государственной думе. В них представлены позиции избирателей и властей через деятельность конкретных участников событий. Прежде всего, корреспонденты журнала писали о ходе предвыборной кампании. В «Сибирских отголосках» сообщалось о начале предвыборной агитации в городах Сибири и Приморья – Томске, Тобольске, Омске, Красноярске, Владивостоке, а также в областях и уездах региона по выборам в I Государственную думу и Государственный Совет. Так, читатели журнала информировались о том, что тобольскими кандидатами предполагается выдвинуть И.И. Корнилова, А.А. Лещинского, Н.Л. Скалозубова. В то же время отмечалось: «В Приморском крае население почти не реагирует на предвыборную кампанию»². Городские жители стремились иметь собственных представителей в Государственной думе. С ходатайством такого рода томичи обратились в Министерство внутренних дел, которое, по сведениям «Сибирских отголосков», было отклонено³. Журнал представлял состав уездных избирательных комиссий по выборам в Государственную думу.

Материалы еженедельника дают представление о том, как проводились предвыборные собрания, на примере г. Томска. Инициатива их проведения принадлежала выборщикам от Томской губернии – проф. М.Н. Соболеву, проф. Н.В. Некрасову и Г.Н. Потанину: «Они устроили встречу в зале общественного собрания, на котором присутствовали 70–80 человек, большей частью крестьяне». Корреспондент «Сибирских отголосков» сообщал, что председателем избрали А.И. Макушина, сразу предложившего обсудить аграрный вопрос, решение которого председатель и поддержавшее его большинство присутствующих связывали с конфискацией земель за выкуп⁴. Было проведено собрание выборщиков от крестьян. Автор этой корреспонденции писал, что «собрание шло около часа, и настроение у присутствующих было приподнятое. Все говорили, что выбирать нужно непременно из крестьян, потому что им ближе знакомы народные нужды»⁵. «Сибирские отголоски» сообщали, что в число депутатов был включен крестьянин с. Шушенское Симон Афанасьевич Ермолаев. Среди сибирских депутатов I Государственной думы С.А. Ермолаев был единственным крестьянином. По этому поводу газета «Телеграф и почта» писала:

Мы только что пережили событие огромной исторической важности. Мы видели среди нас первого члена Госдумы, избранного из среды крестьян нашего уезда. Мы приветствовали первого избранника трудовой крестьянской сермяжной Сибири. В лице С.А. Ермолаева и всех подобных ему прошедших из деревни членов Госдумы крестьянская Русь свершила такой огромный шаг, который недавно ей и не снился. Из своей жалкой лачуги мужик шагнул в пышный Таврический дворец, из крошечной, политой его потом полосы земли, перешел к работе над всероссийской нивой народной, от сохи к кормилу, управляющему жизнью всего обширного нашего Отечества⁶.

Читателям представлялась картина грядущих времен:

Крестьянин Симон Ермолаев, которого еще недавно любое начальство могло гноить в каталажке, будет теперь в лицо выражать свое доверие или недоверие к министрам. Крестьянин Симон Ермолаев, которого еще недавно за недостаточно быструю езду или недостаточно почтительное снятие шляпы мелкие власти могли колотить по шее, ругать отборной руганью, садить в темную – этот крестьянин теперь неприкосновенен для самих министров и царедворцев. Крестьянин С. Ермолаев, который будет участвовать в составлении законов, которым обязаны будут подчиняться не только урядники и жандармы, но и губернаторы, генералы, министры⁷.

Торжественные проводы С.А. Ермолаева и Н.Ф. Николаевского прошли в Минусинске и Красноярске. А «Сибирские отголоски» поместили со-

⁴ Предварительные собрания выборщиков от Томской губернии // Сиб. отголоски. 1906. № 13. С. 14–6.

⁵ Ал. В-в. Собрания выборщиков от крестьян // Сиб. отголоски. 1906. № 13. С. 16–17.

⁶ Минусинск 1 июля // Почта и телеграф. 1906. 1 июля.

⁷ Там же.

¹ Сиб. отголоски. 1906. № 1. С. 1–2.

² По Сибири (по сведениям газет и собственных корреспондентов) // Сиб. отголоски. 1907. № 1. С. 10–11.

³ Сиб. отголоски. 1906. № 7. С. 14–15.

общение об увольнении енисейского губернатора В.Ф. Давыдова, «позволившего депутату Государственной думы Николаевскому устраивать собрания с речами».

Из Красноярска С.А. Ермолаев выехал в столицу поездом 26 июня. Уже 29 июня он отправил из Кургана в Минусинск телеграмму: «Переваливаю рубеж Азиатской России, приветствую всех граждан за единомыслие. Дух мой крепнет. Надеюсь на Вас»⁸.

Освещая предвыборную кампанию, «Сибирские отголоски» сообщали о торжественных проводах депутатов Государственной думы не только от Енисейской губернии, а также от Семипалатинской и Акмолинской областей⁹, от Тобольска, Владивостока¹⁰, Омска¹¹.

Корреспонденты журнала писали о том, что проходили торжества по случаю открытия I Государственной думы, С.А. Муромцеву – председателю I Государственной думы – направлялись приветственные телеграммы городскими думами, различными обществами, частыми лицами. Так, в «Сибирских отголосках» была напечатана телеграмма С.А. Муромцеву с сообщением о пожертвовании фирмой Кулаевых средств на устройство 20 начальных школ в Сибири по случаю открытия работы I Государственной думы [6, с. 9]. Вместе с тем журнал сообщал об отказе военного генерал-губернатора утвердить постановление Читинской городской думы о приветственной телеграмме Государственной думе¹².

Наконец, в корреспонденциях «Сибирских отголосков» показана реакция сибиряков на деятельность депутатов Государственной думы. Крестьяне

с. Подсосненского (Енисейская губерния) собрались у волостного правления, прося прочитать телеграммы о Государственной думе. Особенное впечатление на них произвели речи крестьянских депутатов Аладьина, Аникина и Заболотного: «По адресу депутатов полились восклицания: “Ай, да молодцы!”, “Вот головушки-то”, “Есть, значит, умники и среди крестьян”»¹³.

В название статьи вынесены слова П.Н. Миллюкова – «народ сам поручит дело своей реформы людям, которым он верит» [6, с. 78]. Газеты и журналы знакомили своих читателей с такими людьми, помещая материалы о I Государственной думе, представляя не только депутатский корпус и политически активную часть «электората», но и широкие слои сибирского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI вв. Новосибирск, 2013.
2. *Гольдфарб С.* Газетное дело в Сибири: первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002.
3. *Воронкевич А.С.* Иллюстрированные еженедельники в России (1808–1904): Метод. указ. к спецсеминару. М., 1985.
4. *Рейтлат А.И.* От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991.
5. Минусинск в XVIII – начале XX в. // Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск, 2008. С. 40–49.
6. *Миллюков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907.

Статья поступила
в редакцию 13.01.2014

УДК 94(5)+393

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

КОММЕМОРАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАССОВЫХ ПОХОРОН ЖЕРТВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ГУБЕРНСКИХ ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный
технический университет,
e-mail: katrina97@yandex.ru

Цель статьи состоит в характеристике массовых похорон «жертв колчаковщины» в губернских городах Западной Сибири (Омск, Новониколаевск, Томск и Барнаул) как коммемораций – способов формирования коллективной памяти сибиряков о недавно завершившейся Гражданской войне. Исследование расширяет представление о советской исторической политике, о тенденциях формирования коллективной памяти россиян в первой трети XX в. и о культуре памяти этого периода. Похороны, как и другие коммеморации, служили власти для

⁸ Листая хронику // Почта и телеграф. 1906. 1 июля.

⁹ По Сибири // Сиб. отголоски. 1906. № 18. С. 5–6.

¹⁰ Там же. № 17. С. 9–10.

¹¹ Там же. 1907. № 11. С. 6–7.

¹² Там же. № 11. С. 9.

¹³ Там же. 1906. № 15. С. 10–12.

сознательной передачи современникам и потомкам мировоззренчески значимой информации с помощью увековечивания памяти об определенных лицах и событиях. Автор выявляет истоки ритуала похорон жертв Гражданской войны, среди которых выделяет христианские традиции, похоронные практики парижских коммунаров, литературные похороны России XIX в. Подчеркнуто, что по форме эти обряды напоминали традиционные православные похороны членов царской семьи Романовых, политических и других деятелей. Однако на таких похоронах использовалась атрибутика, имеющая революционное значение. При этом некоторые традиционные элементы ритуала подменялись элементами, характерными для «красных похорон»: использовались не иконы, а красные знамена и транспаранты, вместо религиозной панихиды устраивался гражданский митинг, вместо молитв звучали революционные песни. Автор также уделяет внимание эмоциональному фону этих похорон, проблеме моральных чувств, которые, по мнению большевиков, должны были испытывать обыватели. В статье объясняется идеологическое значение ритуала «красных похорон», их роль в осуществлении большевистской политики памяти, которая предполагала определенное видение событий Гражданской войны. Автор приходит к заключению о том, что похороны были нацелены на дискредитацию режима А.В. Колчака в общественном мнении жителей Сибири начала 1920-х гг., преувеличение героизма людей, погибших по вине «колчаковцев», на политическую социализацию населения и легитимацию власти.

Ключевые слова: Западная Сибирь, губернский город, политическая культура, коллективная память, похороны, политика памяти.

Теме массовых политических похорон неоднократно уделяли внимание историки, краеведы и этнографы (см., напр.: [1; 2]). Эта проблема нашла отражение и в британской историографии (см., напр.: [3, с. 125–153; 4]). Но, по нашему мнению, целесообразно еще раз вернуться к проблеме торжественных похорон «жертв колчаковщины», которые устраивались в губернских городах Западной Сибири зимой 1920 г. Историками до сих пор не осмыслено их значение в процессах формирования коллективной памяти населения о «колчаковщине» и о тех людях, кого считали героями сопротивления этому режиму. Недостаточно изучено и то, с помощью каких именно средств новая власть пыталась сформировать в коллективной памяти выгодные для нее образы, связанные с недавним военно-революционным прошлым. Цель исследования состоит в характеристике массовых похорон «жертв колчаковщины» в губернских городах Западной Сибири как коммемораций. Для этого предстоит решить следующие задачи: во-первых, выявить общие традиционные черты ритуала похорон «жертв колчаковщины», а также указать на нововведения, характерные именно для «красных» похорон, и пояснить их происхождение; во-вторых, интерпретировать основные смыслы большевистской политики памяти, отраженной в похоронном ритуале и направленной на закрепление в коллективной памяти населения определенных образов недавнего прошлого.

Массовые похороны мы рассматриваем, прежде всего, как вид коммемораций, под которыми подразумеваются сознательные акты передачи мировоззренчески значимой информации путем увековечения определенных лиц и событий, как введение образов прошлого в пласт современной культуры [5, с. 3]. Эти похороны, служившие, прежде всего, идеологическим целям, вписывались в общий контекст советской политики памяти изучаемого периода, т. е. способов и самого процесса идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов [6, с. 41].

«Освобождение от колчаковщины» губернских городов Западной Сибири завершились в конце 1919 г. Сибирские историки советского времени писали, что при отступлении на восток колчаковцы жестоко расправлялись с политическими заключенными из числа

подпольщиков, партизан, красноармейцев и подобного им контингента, заточенного в тюрьмы. Изувеченные жертвы этих расправ подчас оставались брошенными на морозе под открытым небом. Торжественные похороны «жертв колчаковщины» зимой 1919/20 г. были организованы советской властью в каждом западносибирском губернском городе. В Омске жертвы расправы с заключенными были преданы земле в сквере у Дома Республики, в Новониколаевске – на Базарной площади, переименованной в Красную площадь, в Барнауле жертв партизанского сопротивления «колчаковщине» хоронили на проспекте Ленина.

К моменту восстановления советской власти в западносибирских городах уже имелись братские могилы жертв боев и восстаний 1918–1919 гг., не отмеченные памятными знаками, но ценные для тех, кто непосредственно сражался с «колчаковщиной», и необходимые власти с точки зрения целей пропаганды. В 1920 г. также торжественно перезахоранивали останки людей, похоронившихся в этих могилах. Примером может послужить перезахоронение жертв неудачного Томского восстания в марте 1919 г. против режима А.В. Колчака.

Многие тела, преданные земле в этот период, не были опознаны. Однако официальная пропаганда сообщала, что они принадлежали большевикам и их сторонникам. Горожане не могли не знать, что в братских могилах покоились не только герои подполья. Даже политизированные рукописи, собранные Истпартом в 1930-х гг., сообщали о том, что контингент людей, похоронившихся в братских могилах, был различным¹. Однако широко подобная информация не распространялась. Лишь в постсоветские годы сибирские историки восстановили справедливость, доказав и широко растиражировав посредством популярных изданий сведения о том, что в тех могилах покоились также многочисленные солдаты из белой армии Колчака, эсеры, меньшевики, а также люди, не имевшие прямого отношения к политике² [1, с. 19].

Зимой 1919/20 г. на массовые похороны жертв «колчаковщины» собирались огромные толпы, о чем

¹ Исторический архив Омской области. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 344. Л. 47.

² Шиловский М.В. Вопрос о городе // Новосибирск-Метро. 2007. 8 авг.

подробно сообщали местные газеты, являющиеся основным источником нашего исследования³. Из имеющихся описаний заметно, что ритуал этих похорон, с одной стороны, отталкивался от религиозной традиции, а с другой – содержал политически обусловленные нововведения. Образцом для них служили французские коммеморативные практики времен Парижской коммуны. Именно из революционной Франции 1870-х гг. в Россию пришла сама форма многолюдных гражданских похорон-демонстраций (манифестаций) и такие элементы ритуала, как пение революционных гимнов («Марсельеза», «Интернационал»), несение красных знамен, торжественные клятвы на могилах героев – мстить врагам и до последней капли крови защищать идеалы революции. Эти ритуальные особенности были усвоены еще русскими революционерами – участниками и очевидцами французских событий [7, с. 183].

В России практика гражданских похорон распространилась по стране в революционно настроенных кругах уже в начале XX в. Этнограф Н.С. Полищук связывает происхождение их ритуала с образцами русских «литературных» похорон середины XIX в. Похороны тех, кто чтился как герои, являлись одновременно демонстрациями, их назначение заключалось не только в выражении скорби, но и в показе готовности общества продолжать дело павших героев, а также в выражении политической солидарности. Уже в 1905 г. в России на «красных» похоронах появились знамена и алые ленты, украшавшие венки, началось хоровое пение революционных гимнов [8].

Гражданские «красные» похороны практиковались также в Сибири с 1905 г. Из числа многочисленных примеров приведем один: похороны И.Е. Кононова – «первого героя революции 1905 г.», погибшего во время антиправительственной демонстрации в Томске. Мемуаристы 1920-х гг. сообщали, что в этих похоронах приняло участие до 6 тыс. чел.⁴ Молодежь несла красные флаги, на кладбище началось хоровое исполнение песни «Замучен тяжелой неволей» и других революционных произведений, которое продолжалось до темноты⁵. В годы Гражданской войны политизированные похороны устраивались сторонниками разных политических сил. Торжественные похороны колчаковцев – «героев сопротивления большевизму» оставались религиозными, но на них в целях политической пропаганды устраивалась политизированная панихида, участники которой призывали мстить «красным». Жертв городских восстаний колчаковские каратели старались закапывать в землю безо всяких почестей и памятных знаков. В отдельных случаях родным разрешалось забрать тела казненных и «замученных». Но при этом

³ См., напр.: Похороны жертв контрреволюции // Сиб. коммунист. 1920. 24 янв.; Похороны // Красное знамя. 1920. 22 янв.; Похороны жертв колчаковского произвола // Сов. Сибирь. 1919. 2 дек.; и др.

⁴ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 295. Л. 3.

⁵ Там же. Оп. 4. Д. 67. Л. 2–3.

похороны происходили под контролем надзирателей. Любые элементы торжественности и политизации запрещались⁶. Теперь большевики перезахоранивали останки людей, погребенных без почестей, провозглашая вечную славу побежденным, дело которых не умерло, а успешно продолжалось их товарищами.

На похороны-демонстрации, как и на все особенно торжественные массовые мероприятия, народ по обыкновению собирался на центральных площадях городов. Тех, кого признали героями, хоронили не на кладбищах, подчеркивая их исключительность. Еще до революции сложилась практика похорон выдающихся людей, имевших перед городом особые заслуги, вблизи церквей или учреждений, основанных ими. Заслуги героев сопротивления «колчаковщине» рассматривались как исключительные. Поэтому их хоронили в наиболее людных местах с тем, чтобы память о них актуализировалась постоянно в сознании большинства горожан. Братские могилы зачастую фактически соседствовали с православными храмами. Это соседство внешне выглядит традиционным, однако, в сущности, братские могилы как новые сакральные места «конкурировали» с храмами, которые в дальнейшем «вытеснялись» строившимися революционными монументами.

Очевидно, что на выборе мест для братских могил и на ритуале похорон сказался опыт погребения «борцов за свободу» на Марсовом поле в Петрограде в марте 1917 г. Это место избрали для погребения героев, поскольку планировалось, что именно здесь будет располагаться здание Учредительного собрания. Братская могила «под окнами» правительства должна была вечно напоминать об ответственности и верности идеалам революции. Эти похороны были задуманы как всенародные, общегражданские. Гробы обивались красной тканью, украшались еловыми ветками. Опускание гробов в могилы сопровождалось стрельбой из пушки в Петропавловской крепости [9, с. 76–82].

В сценарии похорон героев и жертв «колчаковщины» традиционное богослужение заменяли митингом; иконы, которые на православных похоронах несли участники траурного шествия, – черными и красными транспарантами с революционными лозунгами. Демонстранты несли также красные знамена. Если в период революции 1905 г. красное знамя бросало вызов царской власти [8, с. 29–30], то теперь оно олицетворяло единство сторонников революции и победившей советской власти, словно наглядно доказывая, что жертвы контрреволюции не были напрасными. Символическому значению знамен уделяет особое внимание историк В.С. Тяжелникова, согласно выводам которой, знамена олицетворяли суд в раннехристианском смысле, выявляя верных идее и указывая на них [10, с. 420–421]. Знамена символически идейно объединяли участников похорон, маркируя их политические взгляды и указывая на политический характер самого похоронного действия. Красной тканью, как уже отмечалось, обтягивались и гробы, чем подчеркивались

⁶ Там же. Д. 1715. Л. 17.

жертвенность героев и их верность «правому делу» до смерти. Гробы могли быть и обычными, тесанными, но украшенными красными лентами (в Омске).

До революции пышные похороны, как правило, сопровождал хор церковных певчих. На «красных» похоронах исполняли похоронный марш («Вы жертвою пали...»), «Интернационал» и «Марсельезу». Массовое шествие со знаменами под музыку по форме могло напоминать обывателям хорошо известный им крестный ход. Значение музыкального сопровождения прощания с усопшим на традиционных и на гражданских похоронах было схожим: в первом случае певчие напоминали убитым горем близким покойного о бессмертии души, во втором случае – об эпохальном значении дела, которому отдали жизнь погибшие, чей подвиг бессмертен.

На гробы возлагали хвойные венки, путь до могил тоже усеивался хвоей. На религиозных похоронах аналогичным образом обычно использовали живые цветы – символ рая. Однако хвойные (кипарисовые) венки, символизировавшие заслуги усопшего, были присущи декору русских надгробий эпохи классицизма, к символике которой происходило обращение в военно-революционный период. Траурные венки украшали красные ленты, как со вполне традиционными для христианской культуры формулировками («Вечная память павшим товарищам»), так и с сугубо политическими («Революционный дух ни в тюрьме, ни в земле не сгниет»; «Железная рука пролетариата отомстит за вас»⁷).

Порядок шествия демонстрантов в разных городах мог быть различным, но логика построения оставалась общей, в целом сходной с традиционной. Сравнение построения этих процессий с траурными процессиями на похоронах великих князей начала XX в.⁸ позволяет выявить некоторые общие черты. На религиозных похоронах высокопоставленных особ шествие возглавляли люди с иконами и цветами. На массовых похоронах «жертв колчаковщины» впереди гробов шли люди с черными траурными транспарантами. За гробом следовали члены губернского революционного комитета (в Новониколаевске) или местная организация коммунистической партии (в Томске) со своими знаменами, состав губернских или уездных ЧК. В традиционном варианте за гробом должны были также следовать не только представители власти, но и родные усопших. Родственникам отвели почетное место «за гробом» в процессии только на похоронах «жертв колчаковского произвола» в Омске. Далее, как и на традиционных похоронах именитых лиц дореволюционной поры, шли войсковые подразделения, хор, оркестр, частная публика. Особо отмечалось место профсоюзов – нового звена в процессии. До революции церемониалы подобных торжественных шествий четко прописывали специальные правительственные комиссии. Этот опыт был учтен и использован советской властью.

⁷ Похороны жертв контрреволюции // Сиб. коммунист. 1920. 24 янв.

⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 473. Оп. 3. Д. 884.

На месте погребения устраивался митинг, заменивший в сценарии похорон традиционную панихиду. Речи, звучащие на томском митинге, если верить газете, преимущественно призывали собравшихся совместно поклясться оставаться верными делу, за которое погибли герои. Аналогичные клятвы звучали и на других массовых похоронах. Клятвы на могилах соответствовали религиозной традиции, но особенно этот элемент ритуала был развит в культуре романтизма, образы и смыслы которой также актуализировались в военно-революционный период.

Заметно, что от участников «красных» похорон ожидалось не традиционное слезное переживание горя, а злость и агрессия, адресованные классовым врагам. Слезы родных и близких воспринимались как естественное явление, но от прочих товарищей ожидалась стойкость, сдержанность, соответствовавшие восприятию смерти в контексте культуры классицизма, ассоциировавшейся с эпохой Великой французской революции, а также и злоба, без которой нет эмоциональной мотивации к дальнейшей борьбе⁹.

Описанные нами коммеморации имели сугубо политические цели. В самом общем смысле они служили политической социализации. Историк Б.И. Колоницкий подчеркивает, что именно политическая символика и подобные массовые действия служили первичными средствами «обучения политике»¹⁰. Символическое выражение политических идей было нацелено на эмоциональное восприятие политики и на ее переживание. Конкретное же политическое значение этих похорон выразила, в частности, «Советская Сибирь»: «Сегодня в день похорон павших товарищей рабочие и крестьяне... должны окончательно похоронить всякую мысль о каком-либо соглашении с буржуазией. Буржуазия уходит с исторической сцены, оставляя за собой кошмарный кровавый след»¹¹. Еще не закончилась Гражданская война, однако важно было создать видимость финальной победы над врагами. Массовые похороны в этом смысле должны были вызывать в народном сознании ощущение поставленной точки в войне. Между тем многие жители губернских центров не были солидарны с советской властью. Поэтому массовые торжественные похороны жертв «колчаковщины» были призваны «разоблачить палачей», продемонстрировать народу наглядно масштабы их «зверств» (реально преувеличенные) и удостоить почестей борцов, павших в ходе сопротивления врагам (героизм тоже гиперболизировался и романтизировался). Пропаганда всячески подчеркивала особую жестокость белых, а также стойкость и бесстрашие истинных большевиков, сознательно отдавших свои многочисленные жизни за идеалы революции. Одновременно обыватели должны были почувствовать, что Советы

⁹ Похороны жертв колчаковского произвола // Сов. Сибирь. 1919. 2 дек.

¹⁰ Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: window.edu.ru/resource/483/38483/files/spr0000031.pdf (дата обращения: 20.03.2014).

¹¹ Стуков И. Надо поскорее покончить с чудовищем // Сов. Сибирь. 1919. 30 нояб.

уже давно имеют в народе массовую поддержку, благодаря которой и состоялась их победа.

Итак, Советам, вернувшим власть в Западной Сибири, требовались эффектные массовые коммеморации, направленные на «проработку прошлого» по горячим следам: на формирование в исторической памяти сибиряков героических образов большевиков, а также на дискредитацию врага. Именно поэтому яркой чертой этого времени стали массовые прощания с «жертвами колчаковщины», которых повсеместно с почестями хоронили и перезахоранивали. По форме похороны отвечали общим контурам исконной традиции, в своей сущности они были понятными для обывателей, многие из которых не верили в долговечность власти большевиков и не доверяли им, но из нравственных побуждений, из сочувствия проявляли интерес к прощанию с погибшими. Относительно новыми были только отдельные ритуальные детали (красные знамена, хвойные венки, похоронный марш, митинг), однако именно с их помощью власти удавалось выражать не общечеловеческий скорбный смысл похорон, а их конкретное идеологическое значение. Накаленная эмоциональная обстановка помогала большевикам привлекать на свою сторону обывателей и внушать им доверие, специфично репрезентуя образы, связанные с недавним прошлым.

УДК 94(47) “1928”

А.А. НИКОЛАЕВ

ОБ ИТОГАХ ПОЕЗДКИ ДЕЛЕГАЦИИ ЦЕНТРОСОЮЗА В ГЕРМАНИЮ В 1928 г.

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: agronicol@gmail.com

В статье впервые публикуются выдержки из докладной записки члена правления Центросоюза К.Г. Петунина по использованию опыта германской кооперации в организации советской торговли и совершенствованию системы кооперативного управления. Записка была подготовлена по итогам заграничной поездки делегации Центросоюза, посетившей Германию в 1928 г. Ее подлинник, датированный 4 апреля 1929 г., хранится в Российском государственном архиве экономики в ф. 484 Центросоюза. К.Г. Петунин, возглавлявший делегацию, являлся талантливым организатором кооперативной торговли, он начал свою управленческую карьеру в Сибирском союзе кооперативных союзов – Закупсбыте еще в дореволюционные годы. В 1920-е гг. занимал руководящие должности в Центросоюзе. Его предложения сводились к совершенствованию техники организации торговли в плане приспособления к запросам потребителя, использованию немецких принципов и методов кооперативного управления и модернизации системы подготовки и переподготовки кадров с ориентацией на освоение практических навыков работы в процессе обучения. Особое значение в записке уделялось укреплению материально-технической базы и ее профилированию для решения целей и задач потребительской кооперации, разделению функций в органах управления, строгой регламентации порядка принятия и исполнения решений, сочетанию принципов самостоятельности и ответственности сотрудников в пределах своих функций.

Ключевые слова: Центросоюз, Закупсбыт, кооперативная торговля, германская кооперация, кооперативное управление.

В 1928 г. делегация советских кооперативных работников во главе с членом правления Центросоюза К.Г. Петуниным посетила Германию с целью изучения опыта

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вибе П.П.* Мемориальный сквер «Памяти борцов революции» // Памятники истории и культуры Омска. Омск, 1992. С. 19–27.
2. *Корсакова М.И.* Погосты, кладбища, братские могилы // История города: Новониколаевск – Новосибирск: исторические очерки. Новосибирск, 2005. С. 349–364.
3. *Merridale C.* Night of stone. Death and memory in twentieth-century Russia. N. Y., 2000.
4. *Merridale C.* Revolution among the dead: cemeteries in twentieth-century Russia // *Mortality*. Vol. 8, N 2. May 2003. P. 176–188.
5. *Святославский А.В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2012.
6. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М., 2004.
7. *Итенберг Б.С.* Россия и Парижская коммуна. М., 1971.
8. *Полищук Н.С.* Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Сов. этнография. 1991. № 6. С. 25–39.
9. *Извозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве (1920–1930-е гг.). СПб., 2010.
10. *Тяжелыникова В.С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»: генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов // Социальная история: ежегодник, 1998–1999. М., 1999. С. 411–433.

*Статья поступила
в редакцию 25.02.2014*

немецких кооператоров в торговом обслуживании населения. Поездка в другие ведущие капиталистические страны представлялась маловероятной из-за низкого уровня торго-

во-экономических связей и политической дискриминации СССР. Выбор Германии обуславливался прежде всего геополитическими соображениями и предрасположенностью советского руководства к сотрудничеству с немцами. После заключения в 1922 г. Рапалльского договора между РСФСР и Веймарской республикой СССР и Германия стали неуклонно расширять сотрудничество в торгово-экономической сфере. Кроме того, Германия до революции являлась крупнейшим импортером российской сельскохозяйственной продукции, в том числе сибирского масла, поступавшего по кооперативным каналам. Центросоюз, Закупсбыт и Союз сибирских маслodelьных артелей имели в Берлине свои представительства.

К.Г. Петунин, возглавивший делегацию, являлся талантливым организатором кооперативной торговли, он начал свою управленческую карьеру в Сибирском союзе кооперативных союзов – Закупсбыте в дореволюционные годы. После окончания Гражданской войны он сохранил свой управленческий статус в качестве члена коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза. В 1922 г. выдвинут на руководящую кооперативную работу в Москву, где до 1930 г. являлся членом правления Центросоюза, заведовал финансовым отделом. Как работник с дореволюционным стажем, он прекрасно владел рыночными методами хозяйствования и пытался в условиях нэпа в полном формате восстановить место потребительской кооперации в системе товарного обращения.

Об этом свидетельствовал сделанный им 1 августа 1924 г. доклад на совещании по льну перед кооперативным активом «Методы работы и план заготовок волокна на 1924/25 гг.» В докладе раскрывались многие тонкости технологии организации торговли и гармонизации внутрикооперативных отношений [1, с. 84–90]. В конце 1920-х гг. К.Г. Петунин выступал в защиту финансовых интересов Центросоюза, выдвигал и защищал идею создания самостоятельного финансово-кредитного центра потребительской кооперации – Покобанка. Размеры изъятия оборотных средств на нужды индустриализации в 1929/30 г. представлялись ему катастрофическими. В своем докладе на заседании правления Госбанка 5 марта 1930 г. он поставил вопрос о переоценке возможностей потребительской кооперации, которая сама нуждалась в финансовой помощи.

В 1930–1931 гг. деятельность К.Г. Петунина на руководящем посту в Центросоюзе вошла в резкое противоречие с официальным политическим курсом на проведение ускоренной индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Проводимая им финансовая политика и принадлежность в прошлом к РСДРП (меньшевиков) послужили основанием для дискриминации. В начале 1931 г. накопленный на К.Г. Петунина в органах ОГПУ компрометирующий материал был передан в судебные органы, и он был осужден по процессу над Союзным бюро РСДРП (меньшевиков), состоявшемуся в Москве 1–9 марта 1931 г. [2, с. 509].

Публикуемый ниже в извлечениях документ свидетельствует о том, что К.Г. Петунин, несмотря на смену политического курса в конце 1920-х гг., сохранял приверженность кооперативным принципам. После посещения Германии он подготовил обширную докладную записку, которая ориентировала Центросоюз на использование опыта немецкой кооперативной торговли. Учитывая возможность того, что его записка могла попасть на стол руководителей партийно-политического руководства, автор в самом начале отметил крайнюю хаотичность организационного строения и раздробленность торгового аппарата германской кооперации, отсутствие планомерной рационализации торговли и чрезвычайную дороговизну услуг для потребителя. «Нам необходимо, – писал он, – лишь в области организации торговой сети и товародвижения произвести на основе существующих принципов дальнейшее уточнение отдельных моментов организации торговли в направлении большего приспособления ее к запросам потребителя, в частности, к созданию больших для него технических удобств»¹. И далее в своей записке К.Г. Петунин формулирует конкретные предложения по реформированию системы кооперативного управления в плане централизации в принятии решений и децентрализации в их исполнении, регламентации порядка на основе научной организации труда. Большое внимание в записке уделяется мероприятиям по улучшению качества личного состава, реформированию системы подготовки новых кадров работников в профессиональных школах в сочетании с практическим обучением, совершенствованию техники продажи товаров в оптовой и розничной торговле и другим крайне актуальным сюжетам.

Из докладной записки К.Г. Петунина правлению Центросоюза о заграничной командировке в Германию в 1928 г.

г. Москва

4 апреля 1929 г.

По материалам заграничной поездки (1928). К.Г. Петунин

ВЫВОДЫ и ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<...>²

II. Конкретизация хозяйственных задач потребительской кооперации в соответствии с ее целями, силами и средствами

3. Общие хозяйственные задачи потребительской кооперации хорошо всем известны и надлежащим образом сформулированы. Также освещены и общие пути осуществления задач. Но рациональное осуществление их требует правильной расстановки во времени и пространстве в достаточно конкретном виде. Нельзя сказать, чтобы наши прошлые планы всегда отвечали этому условию, и вследствие этого хозяйственная практика развивалась по линии наименьшего сопротивления.

¹ РГАЭ. Ф. 484, Оп. 7. Д. 1156. Л. 1.

² Опушен раздел «Общие положения», в котором автор по идеологическим соображениям критикует организацию германской торговли, основанной на принципе свободной конкуренции.

Рациональная постановка требует разработки плана последовательно концентрического охвата бюджета потребителя. В основу дальнейшего планирования должен быть положен именно этот принцип как единственно рациональный и отвечающий целям потребительской кооперации. Конкретно это значит, что при последующем планировании и развитии хозяйственной работы отправной точкой должен служить бюджет потребителя. Степень и последовательность развития отдельных отраслей работы должна находиться в прямом соответствии со значением в бюджете потребителя объектов нашей хозяйственной работы. Только так может быть создана определенная целеустремленность и концентричность всей работы, определяющие выполнение задачи.

4. Старое правило «протягивать ножки по одежке» не однажды было прокламировано применительно к ведению хозяйства системы потребительской кооперации. Однако наличие несоответствия размера работы средствам осуществления продолжает оставаться все еще бытовым явлением в нашей системе, вызывая постоянные признаки финансового напряжения. Заграничный опыт говорит нам, что это явление меньше всего мирится с рациональной постановкой хозяйства, и оно должно быть квалифицировано как определенное зло в хозяйстве.

Необходимо вопрос о соблюдении правила о размере и размахе работы соответственно силам и средствам возвести в степень неперемного принципа работы и критерия оценки работы каждого хозяйства и части хозяйства, сделав его одним из основных контрольных моментов в работе контроля.

5. Практика германской торговли дает основание утверждать, что порядок и ажур в работе являются прямым следствием соответствия размера работы силам рабочего аппарата. Некоторые показатели, как, например, провалы на отдельных участках работы, в частности в хлебозаготовительной работе первого периода, недостаточное знание рынка спроса в опте, очереди в рознице, с несомненностью говорят о наличии перегрузки рабочего аппарата сверх его силы, как одной из причин указанных явлений.

Представляется неотложным и необходимым изучение и пересмотр вопроса об оптимальном размере нагрузки рабочего аппарата на разных участках кооперативной работы, как необходимая предпосылка возможности рациональной постановки всего дела в целом.

III. Материально-техническая база

6. Наблюдения делегации условий работы германских торговых организаций и предприятий позволяют сделать вывод, что наличие надлежащей материально-технической базы является неперемным условием возможности рациональной постановки дела.

Наша установка в прошлом требовала очищения балансов потребительских организаций от ненужного имущества. Она имела свое оправдание в том факте, что после введения НЭП кооперация оказалась владелицей целого ряда имуществ, не имеющих прямого отношения к задачам потребительской кооперации. Эта установка должна оставаться в силе и впредь. Но в процессе ликвидации ненужного имущества первоначальная трактовка вопроса об имуществе была искажена и подменена формулой: «чем меньше в балансе неподвижных ценностей, тем лучше баланс», т.е. формула о ненужном имуществе стала применяться к имуществу вообще и была под таким углом зрения введена в число критериев оценки хозяйства. Такая установка является вредной для дела рациональной постановки хозяйства.

В настоящее время значительное число организаций и работников встали на путь правильного понимания положительного значения материально-технической базы в кооперативном хозяйстве. Необходимо, чтобы эта точка зрения стала всеобщей. Необходимо приступить к постепенной организации материально-технической базы, создавая для этого капиталы долгосрочного кредитования на капитальное строительство и ставя перед потребителем вопросы о лавке, магазине, складе, хлебозаводе и т.п. так же, как о потребительском товаре.

7. Практическое разрешение вопроса о материально-технической базе должно сопровождаться, кроме систематической мобилизации для этого средств кооперативных организаций и потребителя, следующими условиями:

а) развитие базы должно происходить в полном соответствии и последовательности с развитием отдельных частей работы (пункт 3-й выводов);

б) непременно должен быть использован опыт советской и заграничной торговли по оборудованию торгового хозяйства;

в) всякое расширение технической базы должно иметь в виду как экономические выгоды потребителя, так и возможность предоставления ему больших удобств;

г) наряду с капитальным оборудованием кооперативной торговли (лавки, магазины, склады и проч.) одновременно должно происходить перевооружение рабочего аппарата средствами работы, в частности и, особенно, конторскими машинами.

8. Для установления равнодействующей между размерами и характером работы[,] с одной стороны[,] и материально-техническими средствами – с другой необходимо изучить и практически установить оптимальную норму вложения средств в техническое оборудование для различных типов торговых хозяйств. С той же целью необходимо в рабочие и перспективные планы кооперативных организаций ввести в качестве обязательного раздел: «капитальные затраты и материально-техническая база».

IV. Организация и разделение труда

9. В основу организации и разделения труда должен быть положен принцип кратчайших расстояний времени и пространства. В практике германской торговли это достигается через централизацию руководства и широкую децентрализацию исполнения. Последнее может быть решительно рекомендовано для всех наших крупных организаций. Полная централизация руководства (в одном органе) может быть осуществлена в средних по величине и сложности хозяйствах. В наиболее крупных и сложных организациях руководство должно быть построено таким образом, чтобы каждая отдельная операция разрешалась одной руководящей инстанцией.

Применительно к организации и хозяйству Центросоюза целесообразно построить органы руководства (кроме верховных органов) по следующей структуре.

А. ПРАВЛЕНИЕ. Вопросы: принципиально-руководящие для системы и Центросоюза; хозяйственные и организационные планы больших периодов; хозяйственные и организационные отчеты больших периодов; конструирование органов руководства, подчиненных правлению; установление организационной структуры рабочего аппарата в целом; распределение обязанностей между членами правления; вопросы, вносимые на разрешение собрания уполномоченных и в совет; спорные вопросы, не разрешенные в президиуме; прием и исключение членов.

Б. ПРЕЗИДИУМ ПРАВЛЕНИЯ. Вопросы: текущие вопросы политики и тактики, касающиеся системы или Центросоюза в целом; отчеты и планы малого периода; разрешение сверхсметных кредитов; конфликтные вопросы с членами Ц[ентросою]за; назначение ответственных работников; организация представительства Ц[ентросою]за; спорные вопросы, не разрешенные в постоянных комиссиях правления; административные и распорядительные вопросы. Президиум и распорядительные заседания должны быть унифицированы как в отношении состава, так и круга вопросов в одну инстанцию.

В. ПОСТОЯННЫЕ КОМИССИИ ПРАВЛЕНИЯ: а) планово-организационная, б) управления, в) контрольно-рационализаторская, г) кредитно-финансовая, д) торговая по товарам широкого потребления, е) торговая по продовольственным продуктам и ж) промышленно-техническо-строительная.

Комиссии разрешают все текущие вопросы по подведомственным каждой из них частям, координируют работу подчиненных им отдельных частей и готовят вопросы, подлежащие внесению в правление.

Для разрешения вопросов первых двух категорий должны быть образованы «малые комиссии» в составе членов правления (с заместительством заведующих отделами), а для вопросов третьей категории – «большие комиссии» в составе членов правления и совета.

Направление вопросов должно быть организовано таким образом, чтобы каждый из них проходил лишь одну из упомянутых выше инстанций и разрешался бы этой последней окончательно (кроме случаев перенесения вопросов в высшую инстанцию в порядке апелляции).

10. В отношении рабочего аппарата взятое направление на децентрализацию торговой работы как в целом для хозяйства, так и внутри отдельных частей должно быть продолжено и доведено до такой степени, чтобы каждому товару соответствовал специальный оперативный работник – исполнитель, ведущий в пределах своей функции работу самостоятельно. Количество административных лиц в каждой отдельной торговой части, как правило, должно быть ограничено одним лицом – заведующим. Весь остальной аппарат должен быть рабочим. Разделение работы внутри торговой части целесообразно произвести таким образом, чтобы одна часть аппарата выполняла преимущественно функцию покупки (заведующий частью и несколько специалистов), а другая – преимущественно функцию продажи (групповоды и торговые техники).

11. Работа аппарата отдельных торговых частей должна быть ограничена выполнением собственно торговой функции (изучение рынка предложения – производства, изучение рынка спроса и совершение сделок купли-продажи). Функции обслуживания торговой работы, являющиеся общими для всех торговых частей, должны быть выделены и объединены (централизованы) в специальные части. К числу такого рода функций, прежде всего, должны быть отнесены: а) почтовая экспедиция и архив, б) товарная экспедиция, в) складское хранение, г) финансовые операции, д) материально-техническое оборудование, е) техническое обслуживание (переписка, размножение документов и проч.), ж) общая статистика, экономика и планирование и з) внутривозвратный контроль. Учет материальных ценностей и операций также постепенно должен быть сконцентрирован в специальной (счетной) части с оставлением в отдельных торговых частях лишь минимума оперативного учета.

Весь рабочий аппарат, как основных торговых частей, так и обслуживающих общие функции должен быть в необходимой мере насыщен стенотипишками как основной технической силой.

V. Определенность и постоянство порядка

12. Организованность осмотровых делегаций германских торговых хозяйств во многом обязана установлению определенного и постоянного порядка, соблюдение которого обязательно. Нельзя сказать, чтобы советская кооперация не уделяла внимания регламентации порядка. Наоборот, можно отметить обилие всякого рода ряда положений, инструкций, инструкционных циркуляров, постановлений, распоряжений. Но количество не всегда переходит в качество. В данном случае это объясняется тем, что при установлении и регламентации по-

рядка мы недостаточно считаемся с принципами научной организации труда, основную сущность которых в отношении порядка составляют:

- а) определенность порядка;
- б) его постоянство и
- в) обязательность соблюдения.

В нашей практике несоблюдение устанавливаемых нами же порядков и частое изменение их при отсутствии изменений в объективных условиях – слишком частое явление.

13. Необходимо, прежде всего, крепко запомнить и твердо провести в жизнь обязательность соблюдения установленного порядка всеми работниками организации – от главного руководителя до последнего исполнителя включительно.

Столь же необходимо просмотреть под углом принципов научной организации труда установленные ранее порядки и не изменить их в дальнейшем без наступления изменений в общих условиях работы, определяющих характер и порядок последней.

Определенность порядка требует, чтобы каждое дело, вопрос, операция, мероприятия проходили по строго и заранее определенному руслу и проводились определенными частями и исполнителями, ответственными за исполнение.

14. В отношении Центросоюза конкретные мероприятия в области установления порядка должны быть проведены в следующих направлениях:

- а) разработать и внести на утверждение собрания уполномоченных или совета положение о правах и обязанностях правления.
- б) Разработать и представить на утверждение правления положение о правах и обязанностях президиума и постоянных комиссий правления.
- в) Разработать и провести через правление инструкцию, определяющую права, обязанности и образ действий членов правления.
- г) То же – заведующих отделами.
- д) Разработать и провести через президиум правления инструкцию о порядке прохождения вопросов через руководящие органы и рабочий аппарат.
- е) Пересмотреть в разрезе конструкции всего аппарата положения об отдельных частях его и привести содержание положений в соответствие с функциями каждой части.

ж) Разработать и ввести в действие инструкции, определяющие порядок работы и ответственность каждой категории исполнителей.

з) Установить точно объем, сроки и порядок отчетных материалов, представляемых аппаратом руководящим органам и отдельным руководителям, придав материалам стандартный характер.

Намеченные мероприятия должны быть осуществлены в контексте со всей суммой организационно-технических мероприятий и лишь по одобрении правлением основных установок, предлагаемых в выводах.

15. Огромное влияние на деловой порядок оказывает надлежащее помещение и определенный порядок расположения в нем отдельных частей аппарата. Необходимо при разработке проекта постройки дома Центросоюза посвятить этому вопросу исключительное внимание и к разрешению его привлечь квалифицированные силы.

<...>³

VII. Личный состав аппарата

18. Личный состав аппарата является основным фактором, определяющим качество работы каждого хозяйства. Ознакомление с постановкой вопроса о личном составе в германских торговых хозяйствах подтвердило бесспорность этого положения. Соответственно этому вопросам сохранения на работе опытных кадров работников, отбору их, выдвижения и последовательной подготовки уделяется со стороны руководителей хозяйственных организаций исключительное и непосредственное внимание. Сохранение постоянства состава рабочего аппарата достигается определенной системой экономических мероприятий, повышение квалификации и отбор – постепенным продвижением наиболее способных снизу вверх.

Пополнение кадра сотрудников новыми сопровождается правильно поставленным ученичеством. Все эти мероприятия, в конечном счете, дают постоянный состав и надлежащую квалифицированность всего рабочего аппарата каждого хозяйства.

19. Мероприятия к улучшению качества личного состава в наших условиях должны быть направлены в основном по тому же пути. Необходимо подвергнуть тщательному рассмотрению вопрос о предоставлении материальных преимуществ для сотрудников, связанных многолетней службой с данным хозяйством. Также необходимо установить твердый порядок, чтобы работники с многолетним стажем сохранялись в аппарате преимущественно перед сотрудниками, имеющими меньший стаж.

³ Опущен раздел VI «Ажур во всех рабочих моментах», в котором раскрывается алгоритм выполнения решений руководящих органов. Л. 8, 9.

20. Вопросу ученичества должно быть уделено специальное внимание. Существующая система подготовки новых кадров работников, когда они сначала проходят профессиональное обучение в школах, а потом на короткий срок переходят на стаж в хозяйственные организации, не дает и не может дать вполне удовлетворительных результатов. Необходимо дело поставить таким образом, чтобы обучение в профессиональных школах шло одновременно с практическим ученичеством в торговом хозяйстве, а весь период ученичества должен быть установлен примерно в 3–4 года. Необходимо учебные планы кооперативных школ и курсов приспособить к прохождению курса в них именно в таком порядке.

21. Наряду с подготовкой таким образом новых кадров кооперативных работников должно быть обращено не менее существенное внимание на повышение квалификации наличного состава работников в направлении увеличения технической грамотности всего рабочего аппарата. Ответственные работники, не исключая и руководителей, должны также заняться поднятием своей квалификации. В частности, для ответственных работников должно быть обязательным знание статистики, бухгалтерии и умение диктовать стенописистке корреспонденцию.

22. Чтобы дать правильное направление вопросам личного состава и обеспечить разработку и разрешение их в направлении осуществления постановленных задач, необходимо сконцентрировать все вопросы личного состава в особой специальной части (отдел труда), составив эту часть из опытных работников-практиков и научно-образованных специалистов в области труда. Руководство этой работой должно находиться в непосредственном ведении главного руководителя хозяйства.

<...>⁴

ХII. Организация покупки товаров

29. Покупка товаров в германской оптовой торговле происходит крайне просто. В основе этой простоты лежит достаточное предложение товаров, несложность взаимоотношений продавца с покупателем, в частности расчетов, взаимная аккуратность контрагентов и хорошая постановка учета движения товаров в хозяйстве.

Сложность и громоздкость прохождения процесса покупки в наших условиях планового ведения хозяйства является ничем не оправдываемым злом. Этому злу должна быть объявлена решительная война.

30. Практические мероприятия к упрощению процесса покупки в основном должны идти в следующих направлениях:

а) Отмена всяких авансов со стороны покупателя, если в конечном результате сделки продавец предоставляет покупателю товарный кредит (устранение взаимного кредитования).

б) Отмена скидок и бонусов, осложняющих работу при составлении счетов и калькуляций.

в) Стоимость кредита должна входить в цену товара.

г) Оплата непосредственно поставщиком тарифа за товар, проданный франко станция назначения.

д) Учинение расчетов между покупателем и продавцом 2–3 раза в месяц.

е) Договора о покупке должны быть упрощены до типа обычной биржевой сделки или заменены обменом контрагентов письмами.

ХIII. Организация продажи товаров

31. Техника продажи в германской оптовой торговле, в частности в кооперации, разработана крайне тщательно. В результате этого покупателю достаточно послать письменный или телеграфный заказ или, наконец, позвонить по телефону[,] и заказ будет исполнен немедленно и точно без всякого дальнейшего участия со стороны покупателя. Также просто учиняется расчет: покупатель в срок или досрочно переводит продавцу следующую ему сумму. В кооперации расчеты ведутся через банковский отдел Общества оптовых закупок. Покупатель и продавец могут годами не встречаться лично, ведя в то же время постоянно операции.

Такого рода практику германской торговли мы должны провести во взаимоотношениях кооперативных центров со своими членами. Нужно этого добиться во что бы то ни стало.

32. Предпосылкой к упрощению торговых взаимоотношений внутри кооперации явится упрощение взаимоотношений кооперативных центров со своими поставщиками – промышленностью: достигнутые упрощения должны быть распространены одновременно на всю кооперативную систему.

Второй предпосылкой упрощения явится концентрация производства и ведения расчетов в одном аппарате кооперативного центра по всем операциям со своими членами, что обязательно должно быть постепенно проведено.

Третью предпосылку упрощения может создать изменение формы банковского кредитования оптового звена кооперации, которое должно идти в направлении замены покупательского векселя другим видом обеспечения кредита.

Наконец, четвертую предпосылку создаст организация ежедневной торговой информации со стороны кооперативного центра своей периферии.

⁴ Опущены разделы VIII «Самостоятельность и ответственность сотрудников в пределах своих функций», IX «Внутрихозяйственный контроль», X «Рентабельность каждого отдельного хозяйства», XI «Изучение условий работы и планирование».

Все перечисленные мероприятия в своей совокупности дадут возможность производить внутрикооперативные операции без векселей с отправкой товаров по именным документам и ввести в практику письменные заказы как основной метод торговой работы.

33. В конечном счете, дело продажи товаров должно быть организовано так, чтобы торговая операция исполнялась кооперативным центром без участия покупателя. Но дифференцированный торговый аппарат центра многолик[,] и вследствие этого общие нужды и интересы покупателя в нем не найдут места. Образующаяся пустота д[олжна] б[ыть] заполнена: необходимо образовать в центре отдел организации продажи. В его функции должно входить наблюдение за общими интересами покупателя и постоянное (ежедневное) информирование его о торговых делах. Отдел организации продажи не должен выполнять оперативных функций по поручению периферии – это дело специальных отделов, но, несмотря на это, он должен постепенно вытеснить не только торговые представительства областных и районных организаций, но и торговый аппарат Центросекции и Транспосекции.

<...>⁵

РГАЭ. Ф. 484. Оп. 7. Д. 1156. Л. 1–17. Подлинник. Машинопись. Заголовок документа с подписью – автограф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев А.А. Проблемы кооперативной торговли и экспорта льна в условиях нэпа // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 84–90.

2. Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.). Новосибирск: Сибпринт, 2012.

Статья поступила
в редакцию 01.02.2014

УДК 94(47)''1925/1930''

В.А. ИЛЬИНЫХ

ПРОЕКТЫ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.: ВЫБОР ВЕКТОРА*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье анализируются подготовленные в Сибири во второй половине 1920-х гг. проекты организации аграрного переселения и колонизации региона: Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г., Генеральный план колонизации Сибирского края 1927 г., Пятилетний план развития переселенческого дела в Сибири 1928 г., Пятилетний план переселенческих работ в Сибирском крае 1929 г. Составители этих проектов 1926–1927 гг., рассчитанных на длительную перспективу, исходили из тезиса об исчерпании колонизационного потенциала южных степных и лесостепных районов Сибири. Основной территорией размещения прибывающих в регион переселенцев определялась южная часть таежной зоны. Освоение таежных пространств предполагалось осуществлять методом последовательного продвижения из районов, прилегающих к путям сообщения, во все более отдаленные массивы. Хозяйство крестьян-переселенцев приобретало преимущественно лесопромысловый и скотоводческий характер.

Пятилетние переселенческие планы конца 1920-х гг. составлялись в условиях форсирования темпов индустриализации и коллективизации. Количественные параметры переселенческого движения увеличивались. Аграрное переселение увязывалось с новым промышленным и железнодорожным строительством. Основные миграционные потоки концентрировались в районах реализации крупных промышленных и транспортных проектов. Переселенцы должны были создать для новых индустриальных центров надежную продовольственную базу, а также обеспечить их дополнительными трудовыми ресурсами. Переселение крестьян-единоличников сворачивалось. Основной организационно-производственной структурой переселенческого хозяйства становились колхозы. Под аграрную колонизацию надлежало использовать не только земли в таежных районах, но и излишки сельскохозяйственных угодий, изъятые у старожильческого населения в обжитой зоне региона. Значительные массивы колонизационного фонда отводились под организацию совхозов.

Ключевые слова: колонизация, переселение, аграрно-промысловое освоение, планирование, сельское хозяйство, крестьянство, землеустройство, нэп, коллективизация, Сибирь.

⁵ Опущены разделы XIV «Торговый документооборот», XV «Складское хозяйство», XVI «Экспедирование грузов», XVII «Собственная промышленность кооперации», XVIII «Финансовое хозяйство и управление им», а также разделы XIX–XXV, в которых дана характеристика вспомогательных служб (л. 14–31).

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта Президиума РАН № 33.2.2.

Сооруженная на рубеже XIX и XX в. Транссибирская магистраль раскрыла России и миру аграрный потенциал Сибири. Она позволила наладить крупномасштабный экспорт сельхозпродукции и значительно увеличить масштабы переселения крестьян в регион. Наивысшей интенсивности переселенческое движение достигло в годы столыпинской аграрной реформы. Абсолютно большая часть крестьян-переселенцев из Европейской России водворялась в Западную Сибирь. В первую очередь их привлекали плодородные земли степного Алтая, а также севера Акмолинской области. В Восточной Сибири основным местом водворения переселенцев были степи Минусинской котловины. По мере исчерпания свободных и пригодных для ведения хозяйства земельных участков в степной и лесостепной зонах Сибири вектор переселенческого движения стал смещаться в таежную зону. Переселенческое движение способствовало ускорению роста производительных сил аграрной экономики Сибири.

В годы Первой мировой войны крестьянское переселение в Сибирь резко сократилось. Основной формой внешней миграции стало беженство. После революции в Сибирь двинулся стихийный поток аграрных переселенцев, бежавших от политической нестабильности в местах прежнего проживания. Большинство переселенцев оставались земельно неустроенными и усиливали социальную напряженность. По просьбе властей советской Сибири СНК РСФСР 21 марта 1921 г. временно закрыл регион для переселения. Однако провести в жизнь данное решение не удалось из-за массового движения беженцев от голода из Поволжья. 25 июля ВЦИК принял постановление о разрешении свободного переселения из районов, пораженных голодом. После завершения волны голодобеженцев в мае 1922 г. прием переселенцев в Сибирь вновь был прекращен [1, с. 184–185].

В 1925 г. советское руководство решило вновь запустить механизм аграрного переселения. 6 июля 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление, предусматривающее организацию планового переселения в Поволжье, Сибирь и на Дальний Восток¹. При Наркомате земледелия РСФСР был создан отдел колонизации и переселения, а на местах – районные переселенческие управления, в том числе Сибирское (СибРПУ) [2, с. 71].

Активизировалось составление оперативных, среднесрочных и перспективных планов аграрной колонизации региона. К началу 1926 г. в Сибирском краевом земельном управлении подготовили Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края, составной частью которого являлся раздел «Колонизация и переселение»². В начале 1927 г. специалисты СибРПУ завершили работу над составлением

Генерального плана колонизации Сибирского края на 1925/26–1940/41 гг.³

Плановые наработки широко обсуждались на научных и профессиональных форумах, в прессе. Основными вопросами дискурса являлись: выбор перспективного географического направления для переселения и оптимальных методов освоения, определение колонизационной емкости Сибири и ее отдельных районов. Так, большинство ведущих специалистов земельных и переселенческих органов считали, что колонизационный потенциал южных степных и лесостепных районов Сибири практически исчерпан. Многие специалисты земорганов Сибири негативно относились и к предложениям об изыскании дополнительных земельных фондов за счет сокращения землепользования старожильского населения.

Основной вектор колонизации региона направлялся на практически незаселенные таежные пространства. Природные условия тайги диктовали выбор специализации переселенческого хозяйства. Базовую часть его бюджета должны были составлять заработки от лесных промыслов и лесоразработок. При этом основным направлением эксплуатации лесных богатств Сибири избиралась не заготовка древесины для последующего вывоза, а ее механическая и химическая переработка на месте. Такой подход позволял повысить колонизационную емкость осваиваемых районов.

Однако лесопромысловый вектор освоения Сибири не означал отказа от ведения переселенцами сельского хозяйства. Аграрная специализация определялась в первую очередь ментальностью большинства переселенцев. Именно этим обстоятельством в колонизационных планах устанавливалась зона, пригодная для переселения (до 59–60 параллели в Западной Сибири и до 57–58 в Восточной Сибири). Территории, расположенные севернее, являлись непригодными для ведения земледелия. Значимость сельхозпроизводства в зоне тайги должна была возрастать по мере ее освоения. Развитие промыслов и увеличение населения создавали базу для роста спроса на сельхозпродукты. Размещение переселенческих хозяйств в таежной зоне диктовало условия для их специализации на стойлово-пастбищном животноводстве молочно-мясного направления (молочный скот и свиноводство). Земледелие должно было ориентироваться главным образом на производство технических и кормовых культур, а хлебопашество приобретало подсобный (потребительский) характер.

Гарантией «завоевания тайги», по мнению составителей колонизационных планов, являлось создание необходимых организационных и экономических условий для успешной хозяйственной и социальной адаптации переселенцев. Переселенческому хозяйству в момент вселения надлежало предоставить подготовленный за счет государства (мелиорированный и расчищенный) участок, достаточный для производ-

¹ СУ РСФСР. 1925. № 49. Ст. 371.

² Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 2: Перспективный план. С. 495–523.

³ ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–218; опубликовано в извлечениях, [3].

ства сельхозпродукции, удовлетворяющей собственные нужды. Это создавало условия для относительно быстрого превращения переселенца из потребителя в производителя.

Государство брало на себя организацию агрономического и ветеринарного обслуживания переселенческих хозяйств. Обязательным условием успешной адаптации переселенцев называлось их объединение в различного рода сбыто-снабженческие и производственные кооперативы – сельскохозяйственные и промысловые. На начальном этапе освоения нового района важное значение придавалось организации из переселенцев трудовых артелей, которые занимались первичной расчисткой и мелиорацией участков, сооружением дорог. Такие виды работ давали колонистам дополнительный заработок, особенно необходимый в первые годы после вселения.

Освоение таежных пространств предлагалось осуществлять «методом последовательной колонизации». В первую очередь подготавливались и заселялись массивы, прилегавшие к функционирующим путям сообщения. Затем последовательно заселялись все более отдаленные массивы. При этом уже освоенные районы использовались как экономические базы для колонизации новых площадей. В центре колонизируемого массива создавалось административно-экономическое ядро, на территории которого находились объекты социальной, культурной и производственной инфраструктуры. Опорной базой транспортной инфраструктуры колонизируемых районов должны были стать новые железнодорожные линии, выходящие к Транссибирской магистрали.

Оставаясь едиными в вопросах методов и направления аграрной колонизации региона, разработчики планов высказывали различные точки зрения о колонизационной емкости Сибири в целом и ее отдельных регионов. Отличались и контрольные годовые цифры переселения. Наиболее осторожным подходом к проблеме масштабов переселенческого движения отличались специалисты Сибкрайземуправления. В составленном ими Перспективном плане колонизационная емкость региона на ближайшие 25 лет оценивалась в 2679 тыс. чел. Из них лишь 788 тыс. чел. предполагалось разместить в районах, относимых разработчиками планов к обжитым. Фонд необжитых районов предназначался для переселения 1891 тыс. чел.⁴

Согласно Генеральному плану колонизации Сибирского края, за 15 лет на территорию региона должно было переселиться 2 млн 100 тыс. чел.⁵ Авторы плана также поделили территорию региона на «обжитую» и «необжитую» зоны. Колонизационная емкость «обжитых» округов (Омского, Барабинского, Славгородского, Рубцовского, Барнаульского, Каменского, Бийского, Новосибирского, Кузнецкого и Минусинского) была минимальной, поэтому они из перспективного

планирования исключались. В связи с национальной спецификой аналогичная операция была проделана с Хакасией и Ойротией. Тем не менее все вышеперечисленные административные образования оставались объектом оперативного и среднесрочного планирования РПУ. В течение 1926–1930 гг. на их территорию должны были вселиться 84,5 тыс. чел., в 1931–1935 гг. – 15 тыс. чел. Со второй половины 1930-х гг. переселение туда вообще прекращалось.

Непосредственными объектами перспективного планирования являлись восемь округов «необжитой полосы» края: Тарский, Томский, Ачинский, Красноярский, Канский, Тулунский, Иркутский и Киренский, колонизационная емкость которых составляла 2 млн чел. В свою очередь, данные округа делились на относительно «обжитую» зону и «пустопорожние пространства». В первые пять лет действия Генплана должна была заселяться первая категория земель. Переселение на «пустопорожние пространства» планировалось начать со второго пятилетия.

В конце 1920-х гг. основным видом планирования во всех отраслях народного хозяйства СССР стали пятилетние планы, каждый из которых рассматривался как составная часть общегосударственного пятилетнего плана на 1928/29–1932/33 гг. Определяющее влияние на разработку колонизационных проектов оказала трансформация аграрной политики большевистского режима. XV съезд ВКП(б) принял курс на производственное кооперирование деревни, которое должно было способствовать ускорению развития сельского хозяйства. Важное место в планах советского государства по наращиванию сельхозпроизводства также уделялось совхозам. Разворачивающаяся индустриализация Сибири сделала необходимой увязку переселенческих мероприятий с промышленным и железнодорожным строительством. Переселенцы, водворяемые в районы реализации крупных индустриальных проектов, были призваны создать для новых промышленных и транспортных центров надежную продовольственную базу, а также обеспечить их дополнительными трудовыми ресурсами.

Форсированное развитие экономики в условиях ограниченных финансовых ресурсов требовало концентрации усилий на прорывных направлениях. Коллегия НКЗ 1 сентября 1928 г. на основе правительственных директив указала на необходимость отказать от «разбрасывания работ по всей территории Сибирского края» и сосредоточить работы по подготовке колонизационного фонда и его заселению в нескольких округах⁶.

Исходя из поставленных задач, специалисты СибРПУ к концу 1928 г. подготовили «Пятилетний план развития переселенческого дела в Сибири»⁷, который предусматривал переселение в край в течение пяти лет 430 тыс. чел. и подготовку за это время колонизационного фонда в размере 470 тыс. душевых

⁴ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 502–504, 516.

⁵ ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 684. Л. 42, 48.

⁶ Там же. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1263. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 1263.

долей⁸. Составной частью плана являлось колхозное строительство. В 1928/29 г. предполагалось объединить в колхозы 15 % прибывших переселенцев, в 1929/30 г. – 20, в 1930/31 г. – 25, в 1931/32 г. – 30, в 1932/33 г. – 35 %. Для переселенческих колхозов предусматривался режим наибольшего благоприятствования. Для них отводились лучшие земельные участки, выше, чем у единоличников, была сметная стоимость подготовки участков и размер ссуд. Помимо этого колхозы получали банковский и специальный тракторный кредиты. Общая сумма государственных капиталовложений в коллективный сектор переселенческой экономики превышала такую же для индивидуального на 88,5 % (в расчете на одну семью)⁹.

В Пятилетнем плане ставилась задача концентрации и диверсификации переселенческой политики. Массивы, расположенные на севере Томского, Красноярского, Тулунского округов, а также в Киренском округе, из плана исключались вследствие неблагоприятных для ведения сельского хозяйства климатических условий и удаленности от экономических центров. Их освоение откладывалось на более отдаленное будущее. В ряде районов Тарского, Барабинского, Славгородского и Канского округов подготовка нового фонда сворачивалась. На их территории заселению подлежали участки, работы на которых либо были завершены, либо близки к завершению.

Все остальные районы относились к «основным колонизационным» и объединялись по экономико-географическим признакам в шесть зон. Основу экономики переселенческих хозяйств «пшеничной зоны», расположенной в ряде районов Омского, Барабинского и Рубцовского округов, составляли производство зерновых и развитое молочно-мясное животноводство. Колонизационная емкость данной зоны была минимальной в силу высокой степени заселенности. При этом основной массив колонизационных фондов использовался для образования совхозов.

Темп подготовки и заселения «промышленной зоны» (Кузнецкий и прилегающие к нему районы Новосибирского и Томского округов) увязывался с разворачивающимся на ее территории индустриальным строительством. На юге планировалось сооружение Тельбесского (Кузнецкого) металлургического комбината. На севере концентрировались предприятия по добыче каменного угля и золота. Переселенческое хозяйство в данной зоне должно было специализироваться на отраслях, обеспечивающих продовольственные потребности растущего населения городов и рабочих поселков: огородничестве, птицеводстве, молочном и мясном животноводстве. Заселение зоны также создавало запас свободной рабочей силы для подсобных работ на промышленных и добывающих предприятиях, особенно необходимой на этапе их строительства.

⁸ В 1920-е гг. одна душевая доля земли выделялась для двух взрослых едоков [4, с. 127].

⁹ ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1263. Л. 16, 22–24.

Главной целью колонизации Среднесибирской и Восточносибирской зон провозглашалась необходимость «экономического оживления этих все еще полужитых, полутаежных массивов, таящих в себе громадные естественные богатства в виде леса, полезных ископаемых и сельскохозяйственных перспектив»¹⁰. Оптимальным типом переселенческого хозяйства зоны являлся промыслово-животноводческий с наличием полеводства. Значительное место в подготовке новых колонизационных фондов в Пятилетнем плане отводилось Приобской зоне. Тип хозяйства в данной зоне – скотоводческо-земледельческий. Основными видами товарной продукции должны были стать масло, мясо, козсырье.

Особое значение в Пятилетнем плане придавалось Томско-Енисейской зоне, заселение которой обуславливалось строительством одноименной железной дороги. Территория предназначалась главным образом для интенсивного развития лесной промышленности. В качестве основных потребителей заготовленной там древесины рассматривались разворачивающаяся угольно-металлургическая промышленность Кузбасса и Туркестано-Сибирская железная дорога. Вселяемое на осваиваемый массив крестьянское хозяйство должно было получать основной доход от лесозаготовок, охоты и животноводства.

Пятилетний план развития переселенческого дела в Сибирском крае существенно отличался от принятых в середине 1920-х гг. колонизационных программ и соответствовал поставленным в 1928 г. правящей партией в повестку дня задачам модернизации народного хозяйства. Однако перманентный пересмотр заданий по индустриализации и коллективизации привел к тому, что план стал устаревать уже в 1929 г.

15 декабря 1929 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) приняло резолюцию¹¹, в которой от переселенческих органов требовались: а) «постановка работ по специальному подбору переселенческих контингентов в соответствии с конкретными требованиями отдельных отраслей развивающегося народного хозяйства Сибири (промышленность, транспорт, лесоразработки)»; б) «переход от имевшей место разбросанности работ к их концентрации на основе обеспечения заселения малообжитых районов, включаемых в план развития сибирской промышленности»; в) «всемерное уплотнение обжитых районов, непосредственно прилегающих к районам промышленного строительства, в целях обеспечения необходимых для развертывающейся промышленности значительных резервов рабочих кадров». Таким образом, переселение в Сибирь практически полностью увязывалось с нуждами индустриализации региона. Кроме того, бюро крайкома потребовало «решительного перехода от переселения индивидуальных хозяйств к переселению коллективов».

17 декабря постановление о состоянии и перспективах переселенческого дела в Сибири было принято

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 578. Л. 55.

и по «советской линии»¹². Сибкрайисполком, повторив базовые положения резолюции крайкома, определил следующие направления и районы концентрации усилий переселенческих и земельных органов по колонизации края:

1. Заселение Кузнецкого округа «как в его обжитой части (за счет земельных излишков трудового землепользования), так и по максимальному использованию свободных земельных пространств в Горной Шории <...>, что обеспечит развертывающееся крупное промышленное строительство необходимыми значительными кадрами вспомогательной рабочей силы и будет способствовать развитию коллективных форм сельского хозяйства и расширит продовольственную базу».

2. Проведение мероприятий, обеспечивающих развитие свеклосахарной промышленности в Барнаульском округе. Земельные массивы, освобожденные за счет пересмотра норм землепользования крестьянских хозяйств, находящихся в зоне влияния перерабатывающих заводов, надлежало использовать для организации свеклосахарных совхозов и переселения одиночных свеклосеющих хозяйств.

3. Обеспечение за счет переселенцев рабочей силой строящихся лесоперерабатывающих заводов и золотодобывающих предприятий на севере Нарымского края, юге Туруханского края и прилегающих районах Красноярского и Канского округов.

4. Плановое заселение районов, прилегающих к строящейся Томско-Енисейской железной дороге, с использованием переселенцев на железнодорожном строительстве, лесоразработках, лесопереработке и в сельском хозяйстве.

5. Первоочередное использование свободных фондов и излишков «трудовых земель обжитых районов» для организации новых и укрупнения существующих совхозов.

6. Концентрация усилий по подготовке новых колонизационных фондов, главным образом в Томском, Кузнецком, Ачинском, Красноярском и Канском округах, с использованием образующихся земельных массивов для размещения переселенцев, специализирующихся на товарном «скотоводческо-земледельческом хозяйстве» и выращивании технических культур.

7. «Переход от индивидуального переселения на переселение коллективных хозяйств» с использованием для создания переселенческих колхозов «также имеющейся свободной емкости в уже организованных старожильческих колхозах».

СибРПУ, исполняя указания крайкома ВКП(б), пересмотрело программу своей деятельности. 6 января 1930 г. на заседании земплана был утвержден Пятилетний план переселенческих работ в Сибкрае¹³. Задание по водворению колонистов в нем было доведено до 654 тыс. чел. До 800 тыс. душевых долей (3200 тыс. га) увеличился и план подготовки колонизационного фонда. При этом 40 % от его общей площади надлежало

образовать «в абсолютно обжитых районах». 24,4 тыс. долей (100 тыс. га) уже было заготовлено в 1928/29 г. В 1929/30–1932/33 гг. 296 тыс. долей (1200 тыс. га) планировалось выявить и передать под доприселение за счет изъятия у наличных землепользователей, прежде всего крестьян. 504 тыс. долей (2 млн га) надлежало подготовить в необжитых и малообжитых районах¹⁴.

В необжитой зоне в первую очередь под заселение предназначались следующие массивы:

1) Чае-Иксинский и Шегарско-Баксинский, которые рассматривались как районы земледельческо-животноводческого хозяйства с высоким уровнем льноводства. Заселение массивов связывалось с развитием продовольственной базы лесоразработок в северных районах;

2) Кондомский массив в Горной Шории и бассейн р. Лебедь в Ойротии осваивавшийся как продовольственная база Тельбесстроя и как зона, обеспечивавшая строительство вспомогательной рабочей силой;

3) бассейны рек Чичка-Юла и Улу-Юла, а также Чулымско-Ангарский район, заселение которых связывалось со строительством Томско-Енисейской железной дороги и «необходимым форсированным развертыванием продовольственной базы, обеспечивающей в будущем лесоиспользование»;

4) массив, расположенный в пойме р. Обь – от устья р. Кеть до устья р. Вах, на территорию которого предполагалось вселить 3 тыс. рабочих для постройки и обслуживания лесопильных заводов Лестреста;

5) север Красноярского округа, заселяемый по заданиям Комитета Северного морского пути для обеспечения намеченного промышленного строительства;

6) территории Омской и других близлежащих лесных дач, которые рассматривались «как высокоценный молочно-животноводческий район».

В целом в необжитых и малообжитых районах 10,4 % колонизационного фонда предназначалось только для промышленного переселения, 50 % – для заселения «районов промышленного значения», 38,6 % – для организации товарного сельскохозяйственного производства¹⁵.

Из всего планируемого за пять лет к подготовке колонизационного фонда лишь 30,4 тыс. га отводилось для заселения индивидуальных хозяйств. 200 тыс. га должны были занять совхозы. Остальная часть колфонда предназначалась для колхозов. Уровень коллективизации переселенцев увеличивался до 81 %, составляя в 1928/29 г. 24 %, в 1929/30 г. – 90, в 1930/31 г. – 93, в 1931/32 г. – 88, в 1932/33 г. – 81 %. В 1928/29–1929/30 гг. переселение одиночных хозяйств рассматривалось «как завершение старого процесса переселения, главным образом в порядке доприселения на недоселенные переселенческие участки». В последующие три года в индивидуальном порядке должны были переселяться только рабочие для обслуживания лесозаготовок на севере Томского и Красноярского округов¹⁶.

¹² Там же. Д. 577. Л. 21–24; опубликовано: [5, с. 41–46].

¹³ Там же. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1249.

¹⁴ Там же. Л. 3–4.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 6, 8.

С началом массовой коллективизации деревни в 1930 г. произошло радикальное изменение методов аграрной колонизации. Плановое добровольное переселение было заменено принудительным. На участки, заготовленные к этому времени для добровольных переселенцев в «необжитой» полосе Сибири, депортировали раскулаченных крестьян, в том числе и из «обжитых» районов края. Плановое добровольное аграрное переселение в Сибирь возобновилось в 1935 г. и продолжалось до середины 1960-х гг. с перерывом на период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы [6, с. 608].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013.

2. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

3. Ильиных В.А. Проект аграрной колонизации Сибири 1927 г. // Проекты освоения и развития Сибири в XX в.: сб. науч. ст. Новосибирск, 2013. С. 163–202.

4. Рынков В.М. Переселение, колонизация, спасение голодающих: проекты и реалии переселенческой политики первого послереволюционного пятилетия (1918–1922 гг.) // Проекты освоения и развития Сибири в XX в.: сб. науч. ст. Новосибирск, 2013. С. 108–137.

5. Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг.: сб. док. / под ред. С.А. Красильникова. Новосибирск, 2007.

6. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II.

Статья поступила
в редакцию 18.01.2014

УДК 94(47+571).084.6

В.В. ВВЕДЕНСКИЙ

«ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ»: БЛАГОСОСТОЯНИЕ ПЕРЕДОВЫХ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.*

стажер-исследователь,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: vvedenskiyv@yandex.ru

В статье представлена картина материально-бытового положения лучших работников промышленных предприятий Западной Сибири середины 1930-х гг. Для реконструкции использованы результаты обследований профсоюзными комиссиями условий жизни стахановцев, ударников, отличников производства, а также обозначен эталон благосостояния рабочего, зафиксированный в журнальной статье.

Анализ идеального образца, представленного в настоящей журнальной статье, позволил выявить основные составляющие пропагандируемого материального и духовного облика образцового советского рабочего. Было установлено, что замыслом автора являлась демонстрация взаимосвязи уровня благосостояния семьи рабочего-ударника с его активной производственной и общественной деятельностью. Данная демонстрация имела сугубо прикладной характер. Широкое освещение в периодической печати таких положительных примеров играло важную роль в мотивировании советских трудящихся к увеличению интенсивности производственной деятельности. Кроме того, был проведен анализ результатов обследования материально-бытового положения семей лучших рабочих. В итоге выявлены различия в уровне благосостояния работников разных промышленных предприятий, установлены причины этих различий. На основе сопоставления идеального образца с результатами обследований фактического положения лучших работников был реконструирован образ материально-бытового положения работника, воспринимавшийся в то время в качестве допустимой нормы, выявлены необходимые составляющие допустимого материально-бытового уровня, а также компоненты, свидетельствовавшие о более высоком статусе их владельца в рабочей иерархии.

Ключевые слова: история повседневности, советский быт, материально-бытовое положение, профсоюз, ударники, стахановцы.

В 1930-е гг. советское государственное управление большое внимание уделяло повышению трудовой и в целом общественной активности населения индустриальных новостроек Сибири. Для этого использовались различные формы так называемого социалистического

соревнования не только на производстве, но и в быту. Их массовое внедрение способствовало формированию в рабочей среде слоя, представителем которого можно назвать элитой рабочего класса. Это отличники и передовики производства, ударники и стахановцы, именуемые в документах профсоюзных организаций и в периодической печати того времени «знатными людьми» или «лучшими людьми».

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00068 а.

В данной статье сделана попытка представить картину материально-бытового положения лучших работников промышленных предприятий Западной Сибири середины 1930-х гг. Для решения поставленной задачи использовались результаты профсоюзных обследований материально-бытового положения лучших работников, а в качестве эталона – представленный в периодической печати идеальный образец рабочего быта.

Для стимулирования производственной и общественной активности трудящихся в советской периодической печати публиковались статьи о производственных успехах и о быте лучших работников разных отраслей народного хозяйства. Один из ярких примеров мы можем найти в журнале Западно-Сибирского краевого совета профессиональных союзов (ЗСКСПС) «Профработник» за январь 1934 г.¹ В очерке повествуется о посещении корреспондентом дома Ивана Борисова, шахтера-ударника из Прокопьевска.

Важное место в очерке занимает характеристика самого героя статьи. Читателю представлен идеальный образ человека, стремящегося к всестороннему самосовершенствованию и преобразованию окружающего мира. Целый образ советского рабочего сформирован из двух компонентов: ответственного работника и рачительного хозяина. Подчеркивается стремление Борисова к «новым высотам производственного мастерства», выражавшееся в регулярном перевыполнении плана, повышении производственной квалификации, выполнении общественной нагрузки. Кроме того, акцентируется внимание на усилиях, прилагаемых Борисовым для совершенствования быта своей семьи. Автор статьи подчеркивает: «тесная связь основных элементов заботы о производстве и перестройке своего быта отражается в Борисове во всей полноте»².

Представленная читателю характеристика рабочего-ударника – ориентир, в направлении которого должен был развиваться советский труженик. При этом указывалось, что Борисов – не исключительный случай или один из немногих «лучших людей»: «Иван Борисов – только единичное воплощение тысяч точно таких же Борисовых, которые переделывая страну, переделывают сами себя»³. Такое дополнение подчеркивало возможность достижения уровня Борисова и другими рабочими. Еще один посыл этой характеристики – материальное благополучие напрямую зависит от производственных достижений. Автор очерка не заявлял об этом прямо, но текст построен таким образом, что читатель имел возможность сделать этот вывод самостоятельно.

Для формирования положительного образа быта рабочего-ударника было использовано три противопоставления. Одно из них – новый «пролетарский уют» и старый «мещанский», второе – образцовая

квартира героя очерка и квартиры других рабочих, третье – быт советского рабочего и дореволюционный рабочий быт. Нехитрый прием противопоставления позволил автору сфокусировать внимание читателя на тех возможностях, которые предоставила рабочему человеку советская власть.

Описание квартиры Борисова способствовало реализации основного замысла автора – продемонстрировать связку активной позиции рабочего-ударника с уровнем его благосостояния. В очерке фигурирует ряд элементов бытового обихода, игравших в 1930-е гг. роль маркеров материально-бытового благополучия: опрятность и чистота в квартире, обеспеченность продуктами питания и топливом, комнатные растения, наличие книг и газет. Некоторые предметы бытового обихода были отмечены особо – это патефон, именные часы, парадный костюм. Значимость упоминания их в рамках замысла автора статьи заключалась в том, что они были выданы Борисову в качестве премий за ударный труд. Наличие патефона свидетельствовало одновременно и о материальном достатке владельца, и о его стремлении повысить свой культурный уровень. Кроме того, патефон, как премия за трудовые достижения, подчеркивал статус работника – его принадлежность к рабочей элите.

Отметим, что в подобных статьях демонстрировался не типичный или усредненный уровень жизни «лучших людей» Советского Союза, а предьявлялся образец возможностей, связанных с активной производственной и общественной деятельностью. Публикации этих статей были нацелены на формирование у советских тружеников представления о взаимосвязи трудовой активности с личным материальным благополучием. Главной целью была стимуляция трудовой и общественной активности рабочих масс.

Ценные сведения о материально-бытовых условиях жизни лучших работников содержатся в отчетах по результатам обследований рабочего жилья, проведенных профсоюзными работниками в конце 1934 и начале 1935 гг. в рамках кампании по перестройке работы профсоюзов. В рамках той же кампании 22 июня 1935 г. состоялась встреча председателя Западно-Сибирского краевого совета профессиональных союзов А.А. Шолоховича со «знатными людьми» – лучшими работниками предприятий и учреждений края. В начале своего выступления А.А. Шолохович упомянул о речи И.В. Сталина в Большом Кремлевском дворце перед выпускниками военных академий РККА, известной по выдвинутому лозунгу «Кадры решают все!» В ней И.В. Сталин заявил о недостатке внимания к работникам со стороны руководителей и напомнил о необходимости «ценить каждого работника»⁴.

А.А. Шолохович использовал в своем выступлении пафос речи И.В. Сталина с поправкой на «профсоюзную линию». Он сказал: «...необходимо, чтобы профсоюзы знали все нужды рабочих и особенно

¹ Профработник. 1934. № 1. Январь. С. 35–39.

² Там же. С. 36.

³ Там же.

⁴ Правда. 1935. 6 мая.

нужды лучших людей, и чтобы они не только знали их нужды, но и удовлетворяли их»⁵. Председатель акцентировал внимание местных профсоюзных комитетов на необходимости выполнения своих прямых обязанностей, связанных с заботой об условиях труда и жизни трудящихся, прописанных в действовавшем в тот период «Кодексе законов о труде»⁶.

В подробных отчетах по итогам профсоюзных обследований материально-бытового положения трудящихся Западной Сибири зафиксирован статус обследуемого, его производственные достижения, активность в общественной деятельности. Содержится информация об обеспеченности жильем, об источниках и размере доходов, обеспеченности продовольствием и предметами бытового обихода. При описании обстановки в квартире профсоюзные инспекторы фиксировали внимание на значимых, с их точки зрения, элементах – отсутствии минимального набора необходимых предметов бытовой обстановки, а также наличии того, что в то время можно было отнести к предметам роскоши. Как и в очерке журнала «Проф-работник», в отчетах зафиксированы две стороны жизни советского труженика в их неразрывной взаимосвязи: образ работника с его профессиональными качествами и образ быта его семьи.

Имеющиеся материалы демонстрируют пеструю картину быта «знатных людей». Показатель, на который следует обратить внимание в первую очередь, – это обеспеченность жильем. Лучшие работники проживали в общежитиях барачного типа, отдельных квартирах, индивидуальных домах. Качество жилья и занимаемая жилая площадь, в расчете на количество членов семьи, существенно различались. Например, семья работницы кирпичного завода А.И. Кобзевой из семи человек проживала в комнате барака-общежития⁷, рабочий маслозавода Н.И. Мальцев с семьей из четырех человек – в однокомнатном индивидуальном доме⁸, ИТР завода «Труд» М.Ф. Логинов с женой и ребенком – в двухкомнатной квартире⁹.

Примечательно, что рабочие предпочитали иметь индивидуальные дома с приусадебным участком. Нередко рабочие высказывали пожелание переселиться в индивидуальный дом либо отказывались переселяться из такого дома в ведомственные квартиры. Такое отношение к казенным квартирам объяснялось высокой квартплатой (35 руб. в месяц за комнату¹⁰), а также отсутствием помещений для хранения топлива и продуктовых запасов. Жизнь в индивидуальном доме давала возможность вести подсобное хозяйство, что позволяло экономить денежные средства. Поэтому даже при переселении из индивидуального дома рабочие ста-

рались сохранить возможность обрабатывать земельный участок, как, например, рабочий мясокомбината С.Ф. Чередников¹¹.

Трудовая активность работников влияла на уровень заработной платы, хотя и в разной степени. Лучшие работники получали, как правило, зарплату выше среднего уровня по Западносибирскому краю. Бригадир-ударник завода «Труд» Ф.Н. Евсеев при средней зарплате рабочих крупной промышленности края в 179 руб. имел зарплату 200 руб. (выше среднего на 11,7 %). ИТР того же завода М.Ф. Логинов зарабатывал в месяц 700 руб. при средних 529 руб. для ИТР (выше на 32 %). Работник маслозавода Н.И. Мальцев при средней зарплате в мелкой промышленности в 146 руб. имел зарплату 193 руб., а с учетом перевыполнения плана получал на руки до 250 руб. (на 71 % выше средней ставки). Кроме того, работники могли рассчитывать и на премиальные выплаты, которые порой достигали размера самой ставки¹².

Однако производственная активность не всегда сопровождалась материальным поощрением. Работница кирпичного завода А.И. Кобзева, систематически перевыполнявшая производственное задание (за месяц до обследования задание было перевыполнено на 140 %), материального поощрения, по ее словам, не получала.

Обеспеченность граждан предметами бытового обихода также различалась. В некоторых случаях минимальный набор предметов интерьера (вплоть до табуреток и кухонных столов) имелся в недостаточном количестве либо вовсе отсутствовал. В то же время в некоторых материалах обследований рабочих жилищ упоминается о наличии в квартирах лучших ударников мягкой мебели, личных библиотек, музыкальных инструментов, картин и репродукций, комнатных растений¹³.

Неоднородность материально-бытового уровня лучших работников наглядно можно проиллюстрировать двумя противоположными примерами. Упомянутая выше работница одного из кирпичных заводов Новосибирска, мать-одиночка А.И. Кобзева была отличником производства, систематически перевыполняла план, имела социалистическое обязательство. Трудовые успехи Кобзевой не сказывались на ее материальном положении. Семья из семи человек занимала, как уже отмечалось, одну комнату в заводском бараке-общежитии. Месячный бюджет семьи складывался из заработка Кобзевой и двух ее дочерей и составлял 220 руб. (31,5 руб. на члена семьи). Обстановку комнаты составляли две кровати, основной рацион питания состоял из каши и хлеба. Младшие дочери не посещали школу из-за недостатка одежды. Несмотря

⁵ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1120. Л. 94.

⁶ КЗоТ РСФСР. 1922. Ст. 158.

⁷ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1120. Л. 158.

⁸ Там же. Л. 137.

⁹ Там же. Л. 133.

¹⁰ Там же. Л. 107.

¹¹ Там же. Д. 1069а. Л. 32.

¹² Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР (итоги единовременного учета за март 1936 г.). М., 1936. С. 121; ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1120. Л. 122, 134, 137; Д. 1069а. Л. 29.

¹³ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1069а. Л. 60.

на систематическое перевыполнение плана, премий и надбавок Кобзева не получала¹⁴.

Кобзева не была активна в общественной жизни – кино и театр не посещала, в профсоюзных собраниях участия не принимала. Зато в отчете упомянута ее религиозность: в комнате висела маленькая иконка, а кровать была застлана новым одеялом, что проверяющий связал с праздником Троицы. Упомянув эту деталь, автор мог указывать на «отсталость» Кобзевой, а также на невыполнение заводом обязанностей по организации культурного быта лучших работников (что было прописано в КЗоТ). Судя по отдельным замечаниям инспектора, основной причиной плачевного положения Кобзевой было отсутствие внимания к нуждам работников завода со стороны завкома. Кобзева, будучи хорошим работником, но человеком не активным в общественном плане, выпадала из поля зрения заводской профсоюзной ячейки.

Иной была ситуация в семье отличника производства Новосибирского хромзавода бригадира В.С. Петрова. Семья из трех человек проживала в индивидуальном доме площадью 16–18 м² (5–6 м на человека). Заработок Петрова колебался от 160 до 170 руб. в месяц – чуть выше среднего уровня в мелкой промышленности, при этом сам Петров оценил указанную сумму как небольшую. Примерно столько же получал и его сын. В итоге получалось по 107–113 руб. на члена семьи¹⁵.

О рационе питания в отчете сведения отсутствуют, но, по словам Петрова, его семья из трех человек потребляла в месяц 86–88 кг хлеба (около 0,9 кг в день на человека), затрачивая 85–95 руб., немногим менее четверти семейного бюджета. Благодаря этому упоминанию, мы можем сопоставить положение Петровых и Кобзевых. Семья А.И. Кобзевой из семи человек при семейном бюджете 220 руб. не имела возможности обеспечивать тот же уровень потребления, что и Петровы, так как Кобзевым пришлось бы тратить только на хлеб практически все свои средства.

Из вещей в доме Петровых упомянуты костюм, три пары белья, две верхние рубашки, приличная верхняя одежда, сапоги, ботинки, двустволка, два сундука, «внушающие “солидность”». По словам инспектора, «чувствуется, что Петров живет неплохо, даже можно сказать “крепко”» и «нужды ни в чем не чувствует». В то же время Петров упомянул, что «позарез нужна лодка и стульев нет. Купить – дорого, бюджет не позволяет». Никаких других просьб и пожеланий личного характера Петров инспектору не высказывал.

В отчете содержатся рассуждения Петрова о состоянии снабжения рабочих, основанные, вероятно, на разговорах о насущных вопросах в рабочей среде. Петров отметил улучшение материально-бытового положения рабочих за последний год (1934/35 г.), особенно после отмены хлебных карточек. В то же время он выразил недовольство высокими ценами на

хлеб, отсутствием в торговой сети дешевой мебели и других необходимых товаров, при наличии этих товаров у спекулянтов по завышенным ценам. Петров упомянул о недоумении рабочих по поводу снижения в 1935 г. зарплаты на 30–35 руб. в месяц, что было связано с изменением норм выработки. Было отмечено и недовольство работой завкома: «...О соревновании и ударничестве много говорят, а до конца не доводят, и получаются разговоры без толку».

Эта беседа интересна тем, что респондент, оценивая свое материально-бытовое положение, вышел за рамки частного интереса и дал общую характеристику настроений в рабочей среде, почерпнув материал за пределами собственного «бытового мирка». Что касается положения самого Петрова, минимум просьб с его стороны и отдельные замечания профсоюзного работника свидетельствуют о восприятии благосостояния его семьи как приемлемой нормы.

Реконструкция материально-бытового положения рабочих во многом основывается на описаниях и характеристиках, сделанных профсоюзными работниками, а также на пожеланиях и жалобах самих хозяев квартиры. Несмотря на субъективность подобной информации, именно через оценки и пожелания возможно выявить значимые для граждан элементы быта, что позволяет сделать картину материально-бытового положения лучших работников того времени более полной. Субъективно-личностные представления являются компонентами «среднестатистического» образа быта, сформированного на основе сравнения фактического личного положения с положением окружающих людей, а также сравнения реальности и декларируемой нормы.

Обобщая этот среднестатистический образ, мы можем сказать, что положение работника могло считаться приемлемым при наличии ряда следующих обязательных элементов: обеспеченность продуктами питания, выражавшаяся в возможности покупать продукты в системе рабочего снабжения и магазинах, а также вести подсобное хозяйство; достаточное для семьи количество мебели, обеспечивавшее, в первую очередь, необходимое количество спальных и посадочных мест. Предметы, выходящие за рамки «обязательного минимума», отмечались особо и формировали положительный облик не только благосостояния семейства, но и хозяина дома, так как косвенно свидетельствовали о его активности на производстве и в общественной жизни.

Стоит подчеркнуть, что уровень благосостояния лучших работников разных предприятий мог значительно отличаться. Формально «лучшие люди» были равны в своих правах на удовлетворение материально-бытовых потребностей. Фактически же улучшение их материального положения в значительной степени зависело от материальных возможностей администрации предприятия, качества работы его профсоюзной организации, а также от знания работником своих прав и от умения добиваться их соблюдения.

Наличие «положительного образа» быта «знатных людей» давало ориентир основной массе совет-

¹⁴ Там же. Д. 1120. Л. 157–158.

¹⁵ Там же. Л. 154–156.

ских тружеников, что способствовало повышению производительности труда в целом по стране. К концу второй пятилетки доля ударников и стахановцев среди промышленных рабочих Сибири достигла порядка 50–60 % [1, с. 299]. Для рекрутирования рабочей элиты и увеличения производственной активности трудящихся недостаточно было одной лишь демонстрации положительных примеров, необходимы были и иные стимулы. Одним из таких стимулов для рабо-

чих являлась потенциальная возможность улучшить свое материальное положение через улучшение производственных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982.

*Статья поступила
в редакцию 20.12.2013*

УДК 94(47).084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

ВЛИЯНИЕ АГРАРНОЙ «ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ» СЕРЕДИНЫ 1950-х гг. НА ВНУТРИКОЛХОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: andreenkovsn@mail.ru

Обращение к данной теме обусловлено стремлением автора понять природу советского аграрного строя, выявить его преимущества и недостатки, что представляется крайне важным для осмысления вопросов развития сельского хозяйства нашей страны в настоящее время. В середине XX в. базовой организационной формой сельского хозяйства СССР являлись колхозы. Первое постсталинское десятилетие стало для них временем ощутимых перемен, сопряженных с проведением мер по ускорению темпов аграрного развития. По мнению руководителей, возглавивших страну после смерти И.В. Сталина, одним из ключевых факторов, сдерживавших развитие отрасли, являлась слабая заинтересованность колхозников в труде на общественных полях и фермах, обусловленная репрессивной политикой, несвободой и низкой доходностью хозяйств. Решая вопрос о том, как без применения репрессий заставить селян работать в колхозах более результативно, глава государства Н.С. Хрущев попытался опереться сразу на два противоположных друг другу источника трудовой энергии – материальный интерес и патриотический энтузиазм. Приводимая в статье конкретно-историческая информация, почерпнутая из архивов и библиотек Западной Сибири, позволяет говорить о том, что ни тот, ни другой рычаг не позволил поднять колхозное хозяйство на необходимый уровень. Вследствие аграрной «десталинизации» важнейшие функции колхозной системы – мобилизация крестьян на труд во имя общенародных интересов и соблюдение принципа социальной справедливости при распределении доходов – перестали осуществляться в полной мере. Трудовая дисциплина в колхозах стала снижаться, налицо были все признаки демобилизации коллективного хозяйства. При этом направленные из города в деревню руководители, призванные вдохновить крестьян на высокорезультативный труд, полностью свою миссию не выполнили. К управленческой деятельности глав хозяйств у региональных властей появлялось немало претензий, в том числе связанных с нерациональным расходом средств из фондов оплаты труда.

Ключевые слова: колхозы, аграрная политика, Н.С. Хрущев, Сибирь, трудовая дисциплина, сельское хозяйство.

Необходимость научно-исторического изучения указанной темы определяется традиционно значительным интересом исследователей к истории аграрных преобразований первого постсталинского десятилетия, к развитию советского аграрного строя. Важным их аспектом являлось осуществление мер по совершенствованию внутриколхозных социально-экономических отношений. Данная проблема слабо изучена и по настоящему еще не осмыслена, поэтому мы сделали ее предметом настоящей статьи. К основным целям исследования относится расширение источниковой базы темы. Для этого привлекается региональный конкретно-исторический материал, который в значительной

степени способствует выявлению скрытых тенденций и закономерностей.

К началу 1950-х гг. созданный И.В. Сталиным колхозный строй уже не обеспечивал достаточных темпов роста сельхозпроизводства. Представляя собой довольно жесткую организационно-хозяйственную систему, основанную на внеэкономических механизмах принуждения к труду и отчуждения сельхозпродукции, он смог выполнить задачу тотальной мобилизации ресурсов деревни для общегосударственных нужд. Следующей целью становилось значительное увеличение объемов сельхозпроизводства в условиях сокращения трудовых ресурсов села,

т. е. посредством повышения производительности труда. Но в начале 1950-х гг. колхозная система продемонстрировала неспособность решать эту задачу. Колхозники были крайне слабо мотивированы к высокорезультативной деятельности в общественном хозяйстве, недостаточно высокой оставалась степень механизации труда в колхозах.

После смерти И.В. Сталина аграрная политика государства была скорректирована. Унаследовавшие высшую власть функционеры стали демонтировать наиболее одиозные структуры сталинского аграрного строя, сделали ставку на материальную заинтересованность колхозников в труде. В связи с этим были запущены механизмы повышения доходности хозяйств – подъем цен на сельхозпродукцию, уменьшение налогов, улучшение условий и объемов кредитования. Рентабельность сельхозартелей пытались увеличить и с помощью таких организационно-экономических мер, как укрупнение хозяйств. В июне 1954 г. колхозам предоставили право устанавливать минимум выработки трудодней для трудоспособных работников, в марте 1955 г. – определять размеры и структуру посевных площадей и поголовья скота общественного хозяйства, в марте 1956 г. – вносить изменения в устав сельхозартели согласно местным условиям, а также формировать круг лиц, получавших авансовые и прочие стимулирующие выплаты за высокие трудовые показатели, и ограничивать размеры личного подсобного хозяйства (ЛПХ) для неудовлетворительно работавших колхозников. Тяжесть налогообложения ЛПХ существенно ослабла.

Аграрная «либерализация» конца 1953 – начала 1955 г. оказалась чревата ухудшением показателей трудовой дисциплины в колхозах. Уклонение их работников от труда в артельном хозяйстве, разбазаривание и перерасход хлеба на внутрихозяйственные и личные нужды стали одними из причин снижения объемов поступления зерна государству в 1953 г. Колхозы Новосибирской области в этом году сдали государству только 183,1 тыс. т хлеба, тогда как в 1952 г. – 224,4, в 1951 г. – 464,4, в 1950 г. – 501,2 тыс. т [1, с. 16]. Председатель Новосибирского облисполкома И.Г. Шкарбан в выступлении на заседании бюро обкома КПСС 1 октября 1953 г. причины низких темпов хлебозаготовок связывал с активизацией у колхозников индивидуалистических настроений, вызванных уменьшением сельхозналога ЛПХ и снижением бдительности партийных органов¹. На бюро Томского обкома партии 13 октября 1953 г. секретарь Асиновского райкома Голиков сообщал: «... колхозники все без исключения знают, какие льготы, сколько платить молока, мяса, а вот что должен делать колхоз, какие задачи поставлены перед колхозом и МТС, с этими задачами многие колхозники далеко еще не ознакомлены»².

Минимумы выработки трудодней стали занижаться. Например, в «Советской Сибири» в статье от 6 января 1955 г. говорилось о том, что в колхозе «Знамя коммунизма» Чановского района Новосибирской области согласно решению общего собрания каждому трудоспособному работнику следовало выработать 130 трудодней, тогда как только в растениеводстве для выполнения всех работ требовалось не менее 200. В 1954 г. в колхозах им. Ворошилова и им. Молотова Ояшинского района области работники, не выработавшие минимума трудодней, пользовались всеми льготами, определенными для колхозников, выполнивших норму.

Численность лиц, уклонявшихся от работы в колхозном хозяйстве, возрастала. Если в 1953 г. в Новосибирской области доля способных к труду членов сельхозартелей, вырабатывавших менее минимума и не выработавших ни одного трудодня, составила 9,1 %, то в 1954 г. – 11,3, в 1955 г. – 12,4, в 1956 г. – 10,5, в 1957 г. – 11,7 %, в том числе не имевших ни одного трудодня – 1,1, 1,1, 2,1, 1,5 и 1,7 % соответственно³. От деятельности в артельном производстве по-прежнему уклонялись в основном женщины. В 1955 г. в Западной Сибири доля трудоспособных колхозниц, не выполнивших норму по трудодням, составила 20,0 %, мужчин – 1,7 %⁴. Причем не всегда их невыход на работу был связан с уходом за детьми и другими уважительными причинами. Многие колхозницы активно занимались домашним производством. Так, согласно материалам проверки деятельности колхозов Чановского района Новосибирской области, проведенной партийными органами, в 1954–1955 гг. в сельхозартели «Сталинский путь» минимум трудодней регулярно не выполняли 35 женщин. Они вязали пуховые платки и продавали их на рынке по 600–700 руб. за штуку. 12 колхозниц были замужем за трактористами, которые имели дополнительные заработки, три женщины являлись женами коммунистов. Среди них была супруга секретаря парткома Чехлова, работавшего кладовщиком. На общем колхозном собрании Чехлов заявил: «Моя жена как не работала в колхозе, так и не будет работать»⁵.

Вызывала нарекания у региональных властей работа колхозного руководства по перспективному планированию производства. В «Советской Сибири» от 4 апреля 1955 г. в статье «Планируют формально, без учета возможностей» констатировалось, что почти во всех колхозах Новосибирской области перспективные наметки сделаны только на 1960-й г. Как будут развиваться хозяйства в последующие годы, в документах не отражено. В одних колхозах при разработке планов не учитывали текущий год, производственные задания на него составлялись отдельно, в других сельхозартелях показатели роста производства продукции полеводства и животноводства определяли только на

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1460. Л. 7.

² Центр документации по новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1830. Л. 122.

³ ГАО. Ф. П-406. Оп. 1. Д. 1820. Л. 3, 4, 9; Д. 1917. Л. 3, 5; Д. 2010. Л. 2, 4, 6 об.; Д. 2097. Л. 2 об., 5, 7 об.; Д. 2213. Л. 2 об., 5, 7 об.

⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1472. Л. 44.

⁵ ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1556. Л. 33–34.

первый и последний годы планируемого периода, оставив пустые графы против остальных лет. Не были разработаны мероприятия по реализации намеченных показателей по развитию каждой отрасли сельского хозяйства, не производился расчет потребности в рабочей силе, затрат труда и средств на единицу продукции. Трудовые резервы при планировании вообще не учитывались. Низкое качество перспективных наметок колхозов объяснялось спешкой при их определении. «В колхозах, МТС и совхозах, – говорилось в статье, – долго раскачивались, все тянули. А когда наступил последний срок, решили повернуть дело “в два счета”». Планы, подававшиеся в райисполкомы в виде табличек на разрозненных листках, быстро рассматривались и одобрялись. Претензии предъявлялись только к тем документам, в основу которых брались явно заниженные расчеты.

Многие председатели колхозов не обещали обеспечить быстрый подъем колхозного земледелия и животноводства. Перспективные планы развития сельхозпроизводства в основном предусматривали умеренные темпы роста, что в целом устраивало рядовых работников колхозов. Но для региональных властей производственные обязательства, не нацеленные на быстрый подъем всех отраслей колхозного хозяйства, были неприемлемы. «Советская Сибирь» в вышеуказанной статье раскритиковала плановые нормы колхоза им. Жданова Чистоозерного района Новосибирской области, согласно которым хозяйство должно было за 1955–1960 гг. увеличить годовые удои молока от каждой коровы с 15 до 20 ц. По мнению авторов публикации, в занижении показателей виновны и райисполкомы, которые по старинке спускали колхозам контрольные цифры, устанавливавшие размер посевных площадей по группам культур. Поскольку они определялись приблизительно, без учета реальных возможностей хозяйств, а на местах их не успевали привести в соответствие с этими возможностями, то во многих случаях они включались в перспективные планы без всяких изменений. В статье отмечалось, что колхозы Чистоозерного района располагают всеми резервами для получения высоких производственных результатов. Важным средством увеличения продуктивности животноводства называлось усиление его кормовой базы за счет расширения посевов кукурузы. За их недооценку критике подверглись колхозы «Победа», им. Дзержинского и им. Калинина.

В силу рассмотренных выше обстоятельств, а также других объективных и субъективных факторов возглавивший партию Н.С. Хрущев не мог отказаться от мобилизационных мер управления хозяйством. Он полагал, что откликом колхозников на прекращение репрессий и предоставление материальной помощи должен стать высокорезультативный труд во имя общенародных интересов. Пробуждение их творческой активности связывалось с направлением в деревню для руководящей работы горожан, имевших опыт управленческой деятельности в промышленности и других отраслях народного хозяйства. В конце марта

1955 г. было принято решение об отправке в колхозы для работы в качестве председателей 30 тыс. таких работников. В августе этого года на баланс сельхозартелей стали переводить агрономов и зоотехников МТС. В связи с укрупнением колхозов роль председателя в управлении хозяйством существенно возросла. Теперь только с ведома главы предприятия и по его воле происходили исключение и прием в члены сельхозартелей, устанавливались нормы выработки, расценки работ, обязательный минимум трудовых дней, авансовые выплаты, размеры ЛПХ и т. п. Мнение колхозников по этим вопросам окончательно теряло какое-либо значение.

Однако к управленческой деятельности председательского корпуса колхозов у региональных властей сохранялось немало претензий. По-прежнему неудовлетворительными признавались результаты производственного планирования. В целом негативную оценку получала работа по корректировке устава сельхозартелей. Под удар критики попали в основном укрупненные хозяйства. В феврале-марте 1959 г. в Полтавском районе Омской области были объединены 24 мелких колхоза, в результате чего появилось девять крупных хозяйств. Новые уставы в райисполкомах зарегистрировали только семь из них, да и то лишь к августу 1960 г. Предусмотренные законом изменения в свои уставные документы внесли лишь четыре укрупненные сельхозартели. В колхозе им. Свердлова с 1957 по 1960 г. действовало сразу четыре устава с различными нормами приусадебного землепользования и животноводства и минимумами выработки трудовых дней, что приводило к неразберихе в решении важнейших вопросов колхозной жизни⁶.

Фонды оплаты труда расходовались нерационально и несправедливо. Согласно результатам проверки соблюдения устава сельхозартелей, проводившейся в Полтавском районе Омской области группой советского контроля, в колхозе им. XXI съезда КПСС в первой половине 1959 г. пяти работникам было необоснованно переплачено 23 тыс. руб. Раздутыми признавались штаты управленческого персонала, в первую очередь в укрупненных хозяйствах. Например, в сельхозартеле им. Кирова число функционеров руководящих структур не должно было превышать 19 чел., но фактически на административных должностях числилось 23 чел. Без учета результатов трудовой деятельности устанавливались нормативы личных приусадебных хозяйств. В 1959 г. в Полтавском районе минимум трудовых дней не выработали 1305 трудоспособных членов сельхозартелей, однако меры к сокращению их приусадебных участков приняты не были⁷.

Меры наказания за малорезультативный труд в общественном хозяйстве колхоза – изъятие или обрезка приусадебного участка, повышение платы за пользование общественными пастбищами – часто распространялись не на тех работников, которые действительно

⁶ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 2792. Л. 19–20.

⁷ Там же. Л. 21–22.

их заслуживали, а на престарелых, нетрудоспособных и нуждавшихся в материальной помощи колхозников. В РСФСР только за апрель-май 1956 г. в Министерство сельского хозяйства республики от престарелых членов сельхозартелей поступило около 2 тыс. жалоб о необоснованном ограничении их ЛПХ. Колхозное руководство стремилось также уменьшить масштабы приусадебного участка тех колхозных семей, члены которых работали в МТС и других государственных организациях, находились на учебе или в армии, входили в рыболовецкие хозяйства, но проживали на территории сельхозартелей. Во многих колхозах изымали или уменьшали личные участки, занятые плодовыми деревьями. Компенсация за их потерю была минимальной (5–10 руб. за дерево) или вовсе отсутствовала. Имели место факты необоснованного отчуждения у колхозников ульев⁸.

Значительные средства хозяйства расходовали на приобретение дефицитных товаров за наличный расчет у различных организаций и частных лиц. Так, в Полтавском районе Омской области колхоз им. Ленина за первое полугодие 1960 г., по неполным данным, выплатил частникам 8 тыс. руб., колхоз им. Свердлова – 70 тыс. руб. Сделки зачастую оформлялись с помощью фиктивных документов. Поиск и покупка необходимых хозяйству материальных ценностей осуществлялись через специальных «агентов». Контроль над хранением и расходованием выданных им сумм нередко отсутствовал. Например, в колхозе им. Кирова этого района экспедитору Бушену, который не являлся членом артели и постоянно проживал в Таврицком районе Омской области, в этот период под отчет было выдано 146 тыс. руб. К 23 июля 1960 г. Бушен не вернул хозяйству 19 тыс. руб., несмотря на это, ему вновь выдали здесь крупную сумму. В колхозе «Завет Ильича» задолженность подотчетных лиц в этом году превысила 50 тыс. руб. Правления, как правило, не утверждали персонального списка колхозников для пользования подотчетными деньгами и не определяли нормы их выдачи⁹.

Крупные суммы колхозы расходовали на наем рабочей силы со стороны, в первую очередь на оплату услуг «диких» бригад. Руководство хозяйства в договорном порядке устанавливало им зарплату, в 2 раза превышавшую сметную сумму. В 1960 г. в Полтавском районе, по неполным данным, на строительстве производственных и культурно-бытовых объектов в составе

«диких» бригад работали свыше 100 чел. В конце этого года они закончили работы, стоимость которых по смете составляла 550 тыс. руб. Но фактически по условиям договоров работникам заплатили 1329 тыс. руб. Переплата, таким образом, составила 779 тыс. руб. Только колхоз им. Кирова за сооружение семи объектов переоплатил 294 тыс. руб. Сельхозартель им. Сталина возведение десяти каркасных домов, осуществленное «дикой» бригадой из Белоруссии, обошлось дороже сметной стоимости на 42 тыс. руб.¹⁰

Использование колхозами, как и совхозами, и другими предприятиями и организациями, наемной рабочей силы в первую очередь обуславливалось нехваткой собственных трудовых резервов, стремлением ускорить решение той или иной хозяйственной задачи. При этом практика трудоустройства «диких» бригад способствовала не только ухудшению финансового положения колхозов, но и подрыву дисциплины труда колхозников. Видя вольный образ жизни наемных работников, обусловленный более высокими заработками, многие рядовые члены сельхозартелей также стремились работать по найму вне колхоза. Они уходили из хозяйств и пополняли ряды селян и горожан, не занимавшихся общественно-полезным трудом. В 1960 г. в райцентре Полтавка Омской области более 500 трудоспособных граждан нигде официально не работали и получали доход от кратковременного трудоустройства в различных учреждениях. В с. Малахово проживало только четыре колхозника, а половина способных к труду жителей (свыше 50 чел.) зарабатывали на жизнь продажей продукции со своих личных приусадебных хозяйств и деятельностью по найму¹¹.

Таким образом, из-за аграрной «десталинизации» середины 1950-х гг. такие социально-экономические функции колхозной системы, как мобилизация крестьян на труд во имя общегосударственных интересов и соблюдение принципа социальной справедливости при распределении трудовых доходов, перестали в полной мере реализовываться. Налицо были признаки демобилизации колхозного производства и «социального расщепления» колхозников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг.

*Статья поступила
в редакцию 15.12.2013*

⁸ ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–96.

⁹ ИАОО. Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 2792. Л. 23–26.

¹⁰ Там же. Л. 22–23.

¹¹ Там же. Л. 22.

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47)''19

Д.С. ОРЛОВ

КАМПАНИЯ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ВНУТРЕННЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В КОЛХОЗАХ И СОВХОЗАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х – НАЧАЛЕ 1980-х гг.

канд. ист. наук,
Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина,
г. Бийск
e-mail: orlovd2010@mail.ru

В статье на материалах Западной Сибири анализируются причины, ход и итоги кампании по ограничению внутреннего потребления продуктов питания в колхозах и совхозах в середине 1970-х – начале 1980-х гг. Замедление темпов развития в 1970-е гг. и кризис аграрного сектора в начале 1980-х гг. привели к возникновению продовольственного дефицита. В сложившихся условиях сельхозпредприятия увеличили и натуральные выдачи, и продажу продуктов сотрудникам, что вызвало значительное превышение установленных лимитов. Согласно действовавшим нормам, плановые органы устанавливали объем продовольственных ресурсов, который мог быть использован на внутренние нужды. Нарушение нормативов побудило партийные и хозяйственные органы, для поддержания необходимого продовольственного баланса ужесточать меры административного характера с целью ограничения внутривозвращенного потребления и сохранения объемов государственных закупок.

Автор делает вывод о том, что данная кампания была одним из показательных примеров функционирования административно-командной системы управления сельским хозяйством. Проведение этой кампании осуществлялось путем административного нажима на руководителей хозяйств через привлечение их к партийной и материальной ответственности, лимитирование сельхозпродукции, отпускаемой на внутривозвращенные нужды и общественное питание, организацию проверок со стороны контролирующих организаций. Вместо стимулирования производства растениеводческой и животноводческой продукции деятельность партийных и хозяйственных органов была направлена на организацию контроля над соблюдением нормативов расходования произведенной продукции в колхозах и совхозах.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, административно-командная система, партийные и хозяйственные органы, колхозы, совхозы, ограничение внутривозвращенного потребления, продовольственный дефицит, государственные закупки, Западная Сибирь.

К концу 1970-х гг. ситуация в сельском хозяйстве Западной Сибири и страны в целом стала принимать кризисные формы. Значительно снизилась эффективность производства, его фондоотдача, окупаемость затраченных средств, производительность труда, возросла себестоимость продукции. Следствием этого стало падение прибыльности сельхозпредприятий. В 1976–1980 гг. рентабельность сельскохозяйственного производства РСФСР составляла –9 %, убыточным был 71 % предприятий аграрного сектора [1, с. 29]. Если в годы восьмой пятилетки прибыль от производственной деятельности колхозов и совхозов Томской области составила 75,5 млн руб., то в годы девятой пятилетки сельскохозяйственное производ-

ство дало 99,1 млн руб. убытков, а в годы десятой пятилетки убытки составили почти 304 млн руб.¹

Неустойчивое финансовое положение сельхозпредприятий приводило к тому, что в покрытие собственных финансовых прорывов они стали чаще привлекать кредиты Государственного банка. Так, задолженность колхозов и совхозов Томской области, составлявшая в 1970 г. 82 млн руб., к началу 1980-х гг. выросла до 500 млн руб., или более чем в 6 раз. Схожей была ситуация и в других регионах Западной Сибири, где также имел место рост ссудной задолженнос-

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 1554. Л. 107–109.

ти сельхозпредприятий. До 640 млн руб. увеличились долги колхозов и совхозов Кемеровской области, до 683 млн руб. – Тюменской, только колхозы Новосибирской области имели задолженность по краткосрочным и долгосрочным кредитам в объеме 596 млн руб.²

Рост себестоимости продуктов питания приводил к снижению производства нерентабельной продукции, сельхозпредприятия не выполняли поставленные планы. За четыре года девятой пятилетки задолженность колхозов и совхозов Тюменской области государству по поставкам составила 770 тыс. т зерна, 20 тыс. т овощей, 43 тыс. т молока и 3 тыс. т мяса. В масштабах РСФСР только колхозы недопоставили 30 млн т зерна, 9,4 млн т картофеля, 2,5 млн т молока, 986 тыс. т мяса³. В 1981–1982 гг. объем аграрного производства в Сибири сократился на 6,2 % [2, с. 150–151].

Замедление темпов роста в аграрном секторе осложняло продовольственную ситуацию в регионе. В 1978 г. в Алтайском крае в течение 6 месяцев в продаже в государственных магазинах не было мяса, торговля колбасными изделиями и цельномолочной продукцией велась со значительными перебоями. Из рыбы в продаже постоянно были только мойва и минтай [3, с. 157]. На 8-м пленуме Томского обкома КПСС 31 октября 1980 г. отмечались проблемы с продовольствием в области, перебои в торговле хлебом, колбасой, мясом⁴.

Нехватка продуктов питания побудила партийные и хозяйственные органы к использованию государственных резервов. В Алтайском крае распоряжением краевого Совета народных депутатов от 3 января 1978 г. было разрешено использовать из госзапасов в январе 1978 г. 4,6 тыс. т мясопродуктов, 30,2 тыс. т молочных продуктов, 460 т животного масла, 16,8 млн шт. яиц для поставок торговым системам и городам края. Из них на общественное питание предприятиям аграрного сектора было выделено 400 т мяса, 600 т молока, 340 тыс. шт. яиц⁵. Вырос импорт зарубежного продовольствия.

Колхозы и совхозы региона в условиях нарастания дефицита продовольствия увеличили расход продуктов питания на внутренние цели. Это, в частности, выражалось в натуральных выдачах зерна, мяса, молока. Кроме того, хозяйства продавали своим сотрудникам часть произведенной растениеводческой и животноводческой продукции, отпускали ее на нужды предприятий общественного питания. В результате были превышены установленные плановыми органами лимиты внутрихозяйственного потребления. Суще-

ствовавшие лимиты регламентировали номенклатуру и объем сельхозпродуктов, которыми колхозы и совхозы могли распоряжаться по собственному усмотрению.

Реакцией на превышение лимитов на внутрихозяйственное использование сельхозпродуктов стало принятие в начале 1977 г. постановления ЦК КПСС «Записка Комитета народного контроля СССР “О результатах проверки использования мяса на внутрихозяйственные нужды в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях”». Проверка расхода мяса на внутреннее потребление в 1977 г., проведенная по инициативе Секретариата ЦК КПСС, показала значительный перерасход установленных лимитов. Так, в Алтайском крае перерасход составил 540 % к лимиту, в Новосибирской области – 220 %. В Томской области на внутрихозяйственное потребление в колхозах и совхозах было использовано 6,4 тыс. т мяса при нормативе 0,6 тыс. По РСФСР при норме 139,5 тыс. т фактическое потребление составило 338,7 тыс. т, или 8,6 % к общему объему валового производства сельскохозяйственной продукции⁶.

В Кемеровской области в результате проверки комитетом партийного контроля было установлено, что перерасход мяса на внутрихозяйственные нужды в 1974 г. составил 914 т, в 1975 г. – 1838 т, в 1976 г. – 2655 т. Так, трест совхозов объединения «Кузбассуголь» увеличил расход мяса на свои нужды с 12,2 до 13,5 %. В 1976 г. птицефабрика «Северная» произвела 990 ц мяса, из них 377 ц было списано на внутрихозяйственные нужды. Совхоз «Анжерский» из 2560 ц потратил на собственные нужды 593 ц. В Кемеровском районе в совхозе «Ягуновский» расход мяса внутри предприятия составил 44 % всего произведенного объема⁷.

Значительным в регионе оставался и перерасход молока. В Кузбассе ежегодно из-за перерасхода на внутрихозяйственные нужды не доходило до потребителя около 25 тыс. т молока. На бюро Тюменского обкома КПСС 7 июня 1973 г. также отмечалась низкая товарность молока – 15–20 %, из-за использования его на внутренние нужды⁸.

После выхода вышеназванного постановления ЦК КПСС во всех регионах Западной Сибири были приняты решения бюро обкомов и крайкома компартии по вопросу о соблюдении установленных лимитов потребления. Постановление бюро Томского обкома КПСС от 4 марта 1977 г. «О фактах нарушения государственной дисциплины в расходовании мяса на внутрихозяйственные нужды в совхозах и колхозах области» обязало райкомы и райисполкомы разработать комплекс мер по укреплению государственной дисциплины в выполнении планов закупок мяса и расходовании его на внутренние цели. Областное управление сельского хозяйства, тресты «Свинопром», «Скотопром», «Птицепром», государственная инспекция по закупкам и качеству сельхозпродуктов должны были ужесточить контроль над расходованием мяса внутри хозяйств, принять меры по его сокращению.

По итогам проверки выполнения этого постановления критике подвергся ряд районов области. Самые большие на-

² Там же. Л. 111; Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 3619. Л. 21; Д. 3585. Л. 6–10; Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 51. Д. 75. Л. 3–31; Оп. 48. Д. 76. Л. 28; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 85. Д. 278. Л. 41.

³ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1. Д. 6002. Л. 10–11; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-616. Оп. 9. Д. 5154. Л. 101.

⁴ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 10. Д. 14. Л. 11.

⁵ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-569. Оп. 13. Д. 3568. Л. 2–3.

⁶ ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 9. Д. 14. Л. 153–155.

⁷ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 32. Д. 3. Л. 1–31.

⁸ ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5996. Л. 14–28; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 42. Д. 12. Л. 3–35.

рушения были выявлены в Томском и Кожевниковском районах. В Томском районе за 1977 г. совхозы и птицефабрики района на внутренние цели израсходовали 687,9 т мяса в живом весе, что на 246,9 т превышало лимит и на 23 т было выше уровня 1976 г. В районе, несмотря на невыполнение плана по закупкам мяса на 4 %, руководители хозяйств в больших количествах отпускали мясо на общественное питание, продавали рабочим и служащим⁹.

В решении бюро Томского обкома КПСС «О серьезных недостатках в работе Томского райкома КПСС и райисполкома по выполнению постановления бюро обкома КПСС от 4 марта 1977 г. “О фактах нарушения государственной дисциплины в расходовании мяса на внутрихозяйственные нужды в совхозах и колхозах области”» руководство пригородного района было подвергнуто критике за то, что допустило нарушение установленного лимита в расходовании мяса совхозами на собственные нужды и не приняло меры к их устранению. Райисполком был обвинен в том, что он не контролировал расход мяса в совхозах района, не навел порядок в организации забоя скота, хранении, учете и реализации мясoproдуктов, не принял мер к увеличению поголовья скота в личных подсобных хозяйствах и выполнению планов закупок излишков сельскохозяйственных продуктов у населения¹⁰.

В Кожевниковском районе на бюро райкома КПСС 24 мая 1979 г. было принято постановление «О фактах перерасхода мяса на внутрихозяйственные нужды в совхозах “Еловский”, “Смена”, “Светлый”»¹¹. Данное решение обсуждалось во всех партийных организациях совхозов района. За допущенный перерасход мяса директора совхозов «Светлый» и «Смена» были предупреждены об ответственности, директору совхоза «Еловский» Горшкову объявлен выговор. В рамках партийной комиссии, проходившей 14 февраля 1980 г., состоялась беседа секретаря райкома КПСС с директорами совхозов В.А. Деликовым, А.Ю. Мербеиловым, и.о. директора Т.П. Пастор. Контроль за расходованием мясных ресурсов в совхозах стал осуществляться специалистами государственной инспекции по качеству и закупкам сельскохозяйственных продуктов и инструкторами райкома КПСС, которые практиковали регулярные выезды в хозяйства и проверки документации по расходованию продуктов питания. В сравнении с 1978 г. в 1979 г. перерасход мяса сократился в совхозах «Светлый» – на 6 т, «Смена» – на 1 т. До минимума был сведен расход мяса на внутрихозяйственные нужды в районе в начале 1980 г. [4, с. 393].

В Новосибирской области по итогам проверок было выявлено, что в 1979 г. было использовано на 1,8 тыс. т мяса меньше, чем в 1978 г. На внутреннее потребление в области шло 8,1 % мяса скота и птицы. В то же время в совхозах «Суминский», «Решетовский», колхозе им. Кирова Чистозерного и колхозе «Рассвет» Татарского района расход мяса составил 11,2–11,9 % от произведенного¹².

В 1981 г. руководство Кожевниковского района Томской области на заседаниях бюро трижды – 29 января, 27

августа и 28 октября – обращалось к данной проблеме. Первичные партийные организации совхозов обсуждали решения обкома на партсобраниях, заседаниях партбюро в начале в январе – феврале 1981 г., а затем в октябре – ноябре месяцах того же года. Была определена система организационных мероприятий по недопущению перерасхода установленных лимитов. В августе и ноябре 1981 г. на заседаниях партбюро и парткомах руководители хозяйств отчитались о принятых мерах по предотвращению перерасхода мяса сверх установленных лимитов. К решению данной проблемы были привлечены группы народного контроля, советы народных депутатов, государственная инспекция по закупкам и качеству сельхозпродуктов. Управление сельского хозяйства отправляло своих сотрудников в совхозы с целью проверки соблюдения правил забоя выбракованного скота и своевременной сдачи полученного мяса на мясокомбинат, осуществления контроля за приходно-расходной документацией. Применялись меры дисциплинарного характера по отношению к директорскому корпусу сельхозпредприятий. Так, за значительный перерасход мяса директор совхоза «Елгайский» Ю.И. Макурин был наказан комитетом народного контроля материально, а директор совхоза «Ювалинский» Г.И. Литвинова привлечена к партийной ответственности¹³.

Принятые меры позволили сократить расход мяса внутри хозяйств. В Кожевниковском районе к уровню 1980 г. он был сокращен на 10 т. Значительно снизили потребление мяса совхозы «Луч», «Еловский», «Светлый», «Смена». Вместе с тем, привлечение на период летне-осенних сельскохозяйственных работ большого количества горожан и отсутствие холодильных камер в совхозах района явилось причиной превышения расхода установленных лимитов внутрихозяйственного расходования мяса. Так, в целом по совхозам района было израсходовано 253,2 т при лимите 232 т. Из них на общественное питание использовалось 169,2 т, детским учреждениям было выделено 17,2 т, школам – 10,1, больницам – 4,8, рабочим и служащим – 28, посторонним лицам – 3,5 т мяса в живом весе. В Новосибирской области в 1981 г. потребление мяса на внутренние нужды уменьшилось на 2,4 тыс. т и составило 16,2 тыс. т, или 7,5 % от объема общего производства¹⁴. Принятые меры позволили партийным и хозяйственным органам сохранить объемы государственных закупок, несмотря на замедление темпов аграрного развития.

Приведенные выше материалы свидетельствуют, что в годы девятой и десятой пятилеток преобладающим методом воздействия на сельхозпредприятия стал административный нажим. Методы экономического стимулирования, оказавшие позитивное влияние на развитие аграрного сектора Западной Сибири в годы восьмой пятилетки, потеряли силу своего воздействия из-за снижения стимулирующего эффекта закупочных цен, убыточности предприятий аграрного сектора, трудновыполнимости спущенных хозяйственных планов. Замедление темпов развития сельского хозяйства во второй половине 1970-х гг. привело к дефициту продуктов питания. В такой ситуации колхозы и

⁹ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 10. Д. 7. Л. 5–6.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ф. 252. Оп. 15. Д. 19. Л. 15.

¹² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 1026. Л. 1–6.

¹³ ЦДНИТО. Ф. 252. Оп. 20. Д. 20. Л. 4–5.

¹⁴ Там же; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 90. Д. 112. Л. 9, 18.

совхозы увеличили расход производимой сельхозпродукции на внутреннее потребление, повысив размеры натуральных выдач сотрудникам. Вызванное этим нарушение лимитов и сокращение объемов государственных закупок побудили верховную власть, с целью поддержания необходимого продовольственного баланса и стабильного снабжения городского населения продуктами питания, мерами административного принуждения обеспечить соблюдение установленных лимитов внутривладельческого потребления и снизить нерегламентированную реализацию продуктов, сохранив тем самым объемы государственных закупок сельхозпродукции. Данная кампания стала одним из типичных проявлений функционирования административно-командной системы управления сельским хозяйством. Усилия партийных и хозяйственных органов в условиях снижения

темпов развития аграрного сектора были направлены на регламентацию потребления, а не на стимулирование сельхозпроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назаренко В.И. Россия и зарубежные страны. Модели аграрной политики. М., 2008.
2. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири (1960–1980-е гг.). Новосибирск, 1991.
3. Орлов Д.С. Аграрный сектор Алтайского края во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XX века. Бийск, 2007.
4. Аграрный сектор Кожевниковского района Томской области в архивных документах (1965–1985 гг.): сб. док. / сост. и науч. ред. Д.С. Орлов. Бийск, 2012.

*Статья поступила
в редакцию 23.12.2013*

УДК 94: 379.8(571.12).084.8

Д.А. ФЕДОРОВА

ДОСУГ ГОРОЖАН В 1964–1985 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТЮМЕНИ)

аспирант,
Институт истории и политических наук,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень
e-mail: shineamber@mail.ru

Цель статьи – в рамках антропологически-ориентированного подхода исследовать процесс эволюции городского социума на примере изучения досуговых практик тюменцев в 1964–1985 гг. Работа основана на архивных источниках, материалах статистики, периодической печати, а также воспоминаниях.

Анализ развития досуга тюменцев показал, что в изучаемый период происходит изменение круга любительских занятий, повышается интерес тюменцев к средствам массовой информации, а также расширяются возможности совершать путешествия. Кроме того, в 1964–1985 гг. жителям Тюмени были свойственны особенности восприятия городской сферы досуга, зачастую связанные с явлениями провинциализма в Тюмени и недостаточным развитием культурно-досуговой среды.

Автор приходит к выводу о расширении диапазона досуговой деятельности жителей Тюмени, обусловленных важными изменениями в социально-экономической сфере: увеличивается продолжительность свободного времени населения, растут его благосостояние, образовательный уровень, улучшается материальная база учреждений культуры.

Досуг тюменцев был неразрывно связан с изменениями в массовом сознании, которое складывалось на почве новых сравнительных ассоциаций и ускоренного развития города как крупного административного и интеллектуального центра Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В этих условиях начинает формироваться новый тип личности, потенциально способной овладеть многообразием мира, включиться в сложную систему общественных связей.

Ключевые слова: городская повседневность, культурно-досуговая среда, досуговая деятельность, досуговые практики, индивидуализация сознания, образ жизни.

Досуговая деятельность является важным компонентом духовно-практического освоения действительности и нацелена на достижение результатов, связанных с развитием личности – ее социализацией и творческой самореализацией.

В 1960–1980-е гг. в СССР предпринимаются важные шаги по развитию социальной сферы: меняются среда проживания и культурно-бытовые условия больших групп населения, растут его доходы и потребности. Серьезные меры осуществляются в сфере образования и здравоохранения,

совершенствуется пенсионная система, ведется масштабное жилищное строительство. Благодаря этому большая часть жителей Тюмени впервые в истории города переселилась из домов-бараков в собственные квартиры, оказавшись в приватном пространстве, которое разрушало традиционно-коллективистские начала общественного бытия и ускоряло процесс индивидуализации сознания человека.

В условиях растущего образовательного и культурного уровня, материального благосостояния населения повыси-

лась ценность свободного времени, продолжительность которого после сокращения в 1967 г. рабочего дня на один час и перехода на пятидневную рабочую неделю увеличилась у мужчин с 34, 9 до 36,8 ч в неделю, а у женщин – с 23,6 до 29,8 ч [1, с. 130–131]. Одновременно укрепляется материальная база сферы культуры и отдыха, повышается доступность и качество досуговых мероприятий. По воспоминаниям тюменцев, различным социальным слоям горожан были доступны многие формы досуга, в том числе концерты московских артистов, спектакли знаменитых МХАТа, театра им. Ленсовета и др.¹

Как свидетельствуют результаты социологических исследований, у жителей Тюмени расширялись возможности приобретать товары, предназначенные для удовлетворения культурных потребностей – книги, музыкальные инструменты, техническую аппаратуру, спортивный инвентарь. Так, если в 1980 г. среднестатистическая городская семья расходовала на эти цели 104 руб. в месяц, то в 1984 г. – 183 руб., причем наиболее заметно увеличились затраты на техническую аппаратуру – с 46 до 84 руб.²

Процесс эволюции городского социума Тюмени наиболее полно воплотился в его повседневных практиках. Их содержание и формы претерпели существенные изменения после 1964 г., когда началось промышленное освоение нефтегазовых богатств на севере края. В новых условиях город из типичной «провинциальной столицы» быстро превращается в административный и интеллектуальный центр крупнейшего в стране Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Существенно возросла численность населения Тюмени: если в 1964 г. здесь проживали 200 тыс. чел., то в 1985 г. – 440 тыс. чел.³

За два десятилетия значительно расширилась сеть культурно-просветительских учреждений: в 2,5 раза увеличилось количество клубов (с 19 до 47), в 15,6 раза – библиотек (с 12 до 187). Так, если в 1964 г. в городе имелось четыре кинотеатра («Темп», «Победа», «Октябрь»), Летний кинотеатр городского сада, то в 1985 г. – шесть (в 1965 г. был построен «Космос», а в 1978 г. – «Юбилейный») [6, с. 230]. В изучаемый период были возведены крупные дворцы культуры железнодорожников, строителей, «Торфяник», «Нефтяник» и «Геолог»⁵. В 1964 г. начал работу детский кукольный театр, в 1972 г. – областная детская библиотека. После реконструкции здания в 1969 г. продолжила работу филармония. В 1970-е гг. открылись концертно-танцевальный и выставочный залы⁶.

В.В. Трушков, исследовавший настроения жителей Тюмени 1970-х – начала 1980-х гг., пришел к заключению, что развитие культурно-досуговой сферы оказало существенное

влияние на отношение тюменцев к своему городу, который стал восприниматься как место для удовлетворения культурных потребностей [2].

Этот вывод подтверждают результаты проведенного нами социологического опроса тюменских старожилов, для которых сфера свободного времени представляла собой область, где можно было «найти отдушину», «испытать ощущение праздника», «получить новые впечатления»⁷. Так, посещение театра, филармонии, танцевального зала или клубного учреждения зачастую воспринималось ими как «особое событие», «выход в свет», когда нужно нарядно одеться, взять с собой сменную обувь. В особенности это явление было распространено среди девушек и женщин⁸.

В исследуемый период меняется круг любительских занятий населения Тюмени, свидетельствующий не только о новых интересах горожан, но и о расширении их кругозора, растущих потребностях и активности при проведении свободного времени.

Среди любимых увлечений тюменцев – занятия спортом, создание личных библиотек, коллекционирование марок, музыкальных пластинок, нагрудных значков и даже пуговиц. Жители города интересовались фотографией, разведением аквариумных рыбок, прикладным творчеством. Так, В.А. Вронский увлекался моделированием кораблей – в основном современных судов, а бывший плотник А.В. Денисов создавал миниатюры в бутылках с узким горлышком. Одной из его поделок стала модель жилого дома с обустроенными комнатами, встроенная в электрическую лампочку⁹.

Для объединения творческих сил тюменцы создавали различные кружки и клубы. Так, в 1976 г. в Тюмени был организован городской фотоклуб. По словам его создателей, клуб способствовал творческому росту фотолюбителей и профессионалов, которых к тому времени в городе насчитывалось немало. Сюда можно было принести снимки, обсудить их с друзьями, поспорить, получить профессиональный совет¹⁰.

Устройство клубов по интересам особенно было развито в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Так возникли клубы туристов, юных моряков, «Патриот», «Кижеватовец», «Искра», «Подруги», «Юный геолог», клуб любителей кактусов «Ариола» и др.¹¹

Существенное влияние на образ мышления и поведение тюменцев оказало расширение каналов связи с внешним миром, происходившее прежде всего посредством развития средств массовой информации и туризма, в том числе зарубежного. Наряду с повышением культурного и образова-

⁷ Воспоминания О.А. Поповой (1959 г. р.). Записаны автором.

⁸ Воспоминания О.Н. Пелевиной (1956 г. р.). Записаны автором.

⁹ Петров А. Малыш Виталик, папин аквариум и чуть-чуть истории // Тюменская правда. 1977. 11 сент.; Вишницкая Н. Увлечение тысяч // Там же. 1980. 2 июля; Семенов М. Богатырь из истории // Там же. 5 июля; Корнилова А. Не просто пуговицы... // Там же. 1983. 21 авг.

¹⁰ Пащук А. Союз увлеченных // Тюменская правда. 1976. 20 июня.

¹¹ Галязимов Е. Свидание с морем // Тюменская правда. 1977. 10 сент.; Иванов Б. Саванна... на балконе // Там же. 1980. 14 сент.; Терев В. Большой ковер Тюмени // Там же. 1985. 16 апр.; Ильичева Н. Манит неизведанность эфира // Тюменский комсомолец. 1985. 27 дек.

¹ Воспоминания Л.А. Сафроновой (1952 г.р.). Записаны автором.

² Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф.1112. Оп. 2. Д. 1237. Л. 82.

³ ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 345. Л. 62; Город Тюмень в цифрах 1964–1985 гг.: стат. сб. Тюмень, 1986. С. 10.

⁴ Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет советской власти: стат. сб. Омск. 1967. С. 230.

⁵ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1984. Л. 230.

⁶ ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1850. Л. 12; Д. 1720. Л. 1.; Д. 2335. Л. 34.

тельного уровня горожан это обстоятельство способствовало росту их духовных и материальных запросов.

Развитие системы туристско-экскурсионного обслуживания способствовало расширению возможности для жителей Тюмени путешествовать как по городам Советского Союза, так и за рубежом – в Болгарию, Чехословакию, Польшу и другие страны. Так, преподаватель Тюменского педагогического института А.Д. Шаронов побывал почти в 20 государствах, в том числе в Китае и на Кубе, совершил поездки и в Западную Африку и Европу¹².

Занятие туризмом, несомненно, оказывало влияние на сознание горожан, порождало сравнительные ассоциации. К примеру, М.А. Смирнова, побывавшая в 1976 г. в Болгарии, отмечает, что среди туристов в группе были люди, которые «удивлялись, что у них все устроено по-иному, сравнивали обстановку в нашей стране и здесь»¹³.

Расширение кругозора тюменцев проявлялось в растущей популярности средств массовой информации, особенно телевидения, о чем свидетельствует динамика увеличения покупательского спроса на телевизоры. В 1965 г. их было продано 10,7 тыс., в 1970 г. – 31,1 тыс., в 1980 г. – 73,4 тыс.¹⁴

Распространенным средством массовой информации являлось радио. Помимо советских программ тюменцам удавалось «ловить» волны радиостанции «Голос Америки» или «Радио Свобода»¹⁵. Особый интерес для тюменских слушателей представляла трактовка событий, происходивших в Советском Союзе. Из иностранных передач можно было узнать даже об эпизодах жизни родного города. Так, когда в 1982 г. в Тюмени обрушился деревянный мост через Туру, «Голос Америки» рассказал об этом инциденте¹⁶.

Стремление быть информированным о важных событиях в стране и за рубежом становится настолько обыденным явлением, что любая иная ситуация начинает восприниматься как отклонение от нормы. Примером тому может служить следующий эпизод. Обращаясь в редакцию газеты «Тюменский комсомолец», студент Д. Черкашин в качестве главного доказательства отсутствия надлежащих условий для проведения досуга в общежитии сельскохозяйственного института ссылался на то, что «не во всех комнатах есть “динамики”, совсем нет телевизоров»¹⁷.

Кроме телевидения и радиовещания, горожане широко интересовались периодической печатью. Ее популярность со временем увеличивается: если в 1967 г. на одного жителя Тюмени в среднем приходился один экземпляр издания – газеты или журнала, то в 1980 г. – 1,5¹⁸. В 1980 г. среднестатисти-

ческий подписчик читал не менее трех изданий: местную и центральную газету, а также журнал. Среди тюменцев встречались большие любители периодики. Так, доцент индустриального института подписывался на 70 наименований. Он читал издания по бурению, местные и центральные газеты, а также брошюры¹⁹. Среди жителей Тюмени особым спросом пользовались газеты «Правда», «Тюменская правда», «Тюменский комсомолец». Среди журналов предпочтение отдавалось «Работнице», «Крестьянке», «Здоровью», «Юности», «Советскому экрану», «Крокодилу», «Роман-газете».

Помимо тенденций, характерных для советского общества в целом, для социума Тюмени были свойственны определенные особенности восприятия городской сферы досуга. Так, рассматривая свой город в качестве регионального центра культуры, где должны быть обеспечены соответствующие условия для проведения свободного времени, горожане отнюдь не всегда были удовлетворены реалиями жизни, о чем свидетельствует следующий пример. Во время реконструкции здания филармонии концерт известной советской пианистки Б. Давидович состоялся в тесном, мало приспособленном для таких вечеров зале музыкального училища, собравшем полный аншлаги: любители музыки заполнили проходы, стояли у стен. По признанию корреспондента газеты «Тюменская правда», «зрители чувствовали неловкость за большой и растущий город, не сумевший предоставить лауреатке международных конкурсов хотя бы клуб аккумуляторного завода»²⁰.

Тюменцы, не знакомые с состоянием сферы досуга в других городах или знакомые с ней на примере менее развитых населенных пунктов, могли идеализировать «нефтяную столицу», не замечать даже тех проблем, которые были очевидными: «Мы были молодыми, не знали другого, не особо критиковали»²¹; «Я приехала сюда с семьей из Бийска, так он по сравнению с Тюменью был деревней – там вообще было некуда ходить»²², и т. п.

Но настроения жителей, побывавших в крупных городах, заграничных поездках, было иным. Сравнивая сферу досуга родного города с положением в Москве или за рубежом, они задавались вопросом: «Почему у нас нельзя подобным образом организовать отдых?»

Чувства тюменцев, обеспокоенных явлениями провинциализма в родном городе, передают следующие воспоминания: «Ощущение своей ущербности у нас, конечно, было. Ущербности от того, что мы многого не видели, многого не понимали. А выезжали ведь отсюда. Ездили в Москву, Ленинград, в театры ходили там. Из-за того, что в Тюмени отсутствовал такой же спектр возможностей, из-за того, что в чем-то мы хуже разбирались, чем москвичи и ленинградцы, возникало чувство обиды, чувство ущербности – все это было. Но из-за этого мы шли на концерты, из-за этого и читали много»²³.

¹⁹ Ильин В. Указ. соч.

²⁰ Клейман Л. Почему скучно? // Тюменская правда. 1965. 20 марта.

²¹ Воспоминания С.С. Пашина (1960 г. р.). Записаны автором.

²² Воспоминания Н.Г. Уваровой (1928 г. р.). Записаны автором.

²³ Воспоминания Т.И. Бакулиной (1956 г. р.), записаны автором.

¹² Лагунов Н. Кинодневник туриста // Тюменская правда. 1967. 11 февр.

¹³ Воспоминания М.А. Смирновой (1933 г. р.). Записаны автором.

¹⁴ Тюменская область в цифрах: стат. сб. Тюмень, 1994. С. 109.

¹⁵ Воспоминания С.С. Пашина (1960 г. р.). Записаны автором.

¹⁶ Воспоминания В.В. Московкина (1953 г. р.). Записаны автором.

¹⁷ Черкашин Д. В Рошино все по-прежнему // Тюменский комсомолец. 1965. 4 апр.

¹⁸ Журавлев В. Сколько изданий получают тюменцы? // Тюменская правда. 1967. 5 янв.; Ильин В. Что читает тюемец // Там же. 1980. 19 нояб.

Таким образом, в исследуемый период досуговая деятельность жителей Тюмени была неразрывно связана с изменениями в массовом сознании, с представлениями, которые складывались на почве новых сравнительных ассоциаций и ускоренного развития города как крупного административного и интеллектуального центра Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Формирующийся в этих условиях новый тип личности характеризуется растущей активностью, универсальностью, потенциально позволяющей не только включиться в

более сложную систему многообразных общественных связей, но и осознавать собственную индивидуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патрушев В.Д. Жизнь горожанина (1965–1998). М., 2001.
2. Трушков В.В. Престижность пригородных поселений Тюменского региона // СОЦИС. 1981. № 4. С. 110–113.

Статья поступила
в редакцию 24.02.2014

УДК 329(47)(091):930.1

А.А. ИВАНОВ

СОРОК ЛЕТ «СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ»

д-р ист. наук,
Иркутский государственный университет
e-mail: ottisk@irmail.ru

Статья посвящена историографическому анализу иркутского сборника научных статей «Сибирская ссылка», отметившего в 2013 г. 40-летний юбилей. В советскую эпоху издание имело название «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» и было предназначено для публикации исследований, раскрывавших историю пребывания в регионе ссылных, в основном социал-демократического направления (в первую очередь большевиков), их нелегальной деятельности среди местных рабочих и интеллигенции. С 1973 по 1991 г. на страницах 12 выпусков были подвергнуты анализу самые различные стороны истории этого явления: здесь плодотворно изучалась ссылка первой половины и середины XIX в. – А.Н. Радищев и декабристы, петрашевцы и Н.Г. Чернышевский. Значительное место было отведено народникам: анализировалась их научная деятельность, участие в изучении истории коренных народов Сибири, в географических экспедициях, организации музеев, обучении детей и взрослого населения.

С 2000 г. издано семь выпусков обновленного сборника под названием «Сибирская ссылка». Изучение темы обрело иные направления, стало исследоваться комплексно, на стыке нескольких наук, в качестве проявления охранительной, карательной и пенитенциарной политики Российского государства в Сибири, как важнейшая особенность хозяйственного, социокультурного и политического развития региона в XVII–XX вв. Такой подход позволил исследователям не замыкаться в рамках отдельных временных границ и периодов, а последовательно и глубоко изучать проблемы и явления.

На основе анализа содержания статей и основных направлений «старого» и «нового» сборника обосновывается положение о том, что Иркутск, наряду с Новосибирском и Томском, является подлинным региональным центром изучения проблем политической и уголовной ссылки, издание выполняет важную объединяющую и координирующую роль для специалистов из различных областей Сибири и Дальнего Востока, а разработка самой темы, несмотря на многолетние исследования, далека от своего завершения.

Ключевые слова: историография, сборник научных статей, Сибирь, политическая и уголовная ссылка, Иркутский университет, сибирское общество.

В 2013 г. исполнилось 40 лет сборнику научных статей «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)». Двенадцать номеров этого издания (1973–1991), а затем еще семь обновленного под названием «Сибирская ссылка» (2000–2013) хорошо известны сибирским историкам, всем исследователям проблем политической и уголовной ссылки.

Сорок лет – значительная дата, которая обязывает подвести какие-то, пусть даже юбилейные, итоги. Для начала отметим, что появление сборника именно в Иркутске – явление далеко не случайное. Традиции научного изучения этой темы были заложены здесь самими политическими ссылными. Хорошо известны исследования Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, М.В. Петрашевского и Н.А. Спешнева,

Ф.Н. Львова и А.П. Щапова – они не только писали в иркутские периодические издания о необходимости отмены уголовной ссылки, но всячески стремились привлечь внимание общественности на бедственное положение здесь государственных преступников.

Традиции народников и разночинцев продолжили и развили представители ссылки конца XIX – начала XX в. – Н.А. Рожков, В.А. Вагин-Быстрянский, Н.Ф. Чужак-Насимович, И.И. Попов. В 1920–1930-х гг. эстафету исследования подхватили первые советские историки и литературоведы, жившие и творившие тогда в Иркутске: М.К. Азадовский, Б.Г. Кубалов, Ис. Гольдберг. В 1930–1950-е гг. эту тему развили, обогатив новыми страницами и сюжетами, В.И. Дулов, С.Ф. Коваль, Ф.А. Кудрявцев, В.П. Трушкин и др. В 1960-е гг.

различные аспекты «ссылной» темы стали разрабатываться М.Ф. Богдановой в Омске, С.И. Беляевским в Красноярске, Л.А. Ушаковой в Новосибирске, Л.П. Рощевской в Тюмени, П.У. Петровым в Якутске, Г.А. Николаевой в Чите, Б.Б. Батуевым в Улан-Удэ. В 1962 г. С.И. Беляевским была защищена и первая диссертация на эту тему, с вполне закономерным и оправданным для той поры названием – «Большевики в Минусинской ссылке».

Иркутск никоим образом не отставал от этих процессов, здесь также шло формирование талантливых и высокопрофессиональных исследователей. Только в 1965–1967 гг. здесь было защищено три научные работы – А.В. Дуловым, А.П. Мещерским и Н.Н. Щербаковым, затем в 1971 г. – В.М. Андреевым и Л.П. Сосновской, в 1973 г. – Б.С. Шостаковичем. Именно в Иркутске, вслед за Новосибирском и Томском, оформился в эти годы научный центр исследования политической ссылки. Масштабные и оригинальные работы названных, а также целого ряда других ученых (в первую очередь Е.М. Даревской, Т.А. Перцевой, З.Т. Тагарова) и послужили необходимым основанием для организации здесь сборника «Ссылные революционеры в Сибири...».

Инициаторами издания стали известные в регионе и за его пределами иркутские историки Ф.А. Кудрявцев и С.В. Шостакович, однако самое деятельное участие в становлении и развитии сборника принял тогда доцент Н.Н. Щербаков. Именно им была выработана и главная цель издания – объединить и сконцентрировать усилия сибирских исследователей для наиболее эффективного, комплексного изучения истории революционной ссылки, создания в итоге всеобъемлющей картины политической тюрьмы, каторги и ссылки в России, где Сибири было бы отведено свое, соответствующее действительности, место.

Думаю, что эта задача была центральной для Н.Н. Щербакова уже с первых выпусков издания. Отсюда и стремление привлечь к участию в нем как можно более широкий по географии, тематике и научным интересам круг авторов. Это хорошо иллюстрируют и несложные арифметические подсчеты: в 12 выпусках «Ссылных революционеров» опубликовано 133 различных материала 61 автора – от крупных обобщающих статей до небольших рецензий и обзоров. При этом даже беглый взгляд, брошенный на содержание любого из выпусков, свидетельствует о том, что иркутян среди постоянных авторов было не так много (но и не мало!) – не более двадцати. Основное же количество страниц представлялось ученым обширного сибирского региона – от Новосибирска до Читы, от Якутска до Барнаула. Среди авторов много хорошо известных специалистов, вот лишь некоторые имена: В.М. Андреев, А.С. Баринов, М.А. Белокрыс, Л.М. Дамешек, В.А. Дьяков, А.Н. Евсеева, П.Л. Казарян, С.Ф. Коваль, Т.С. Мамсик, И.Г. Мосина, З.В. Мошкина, И.Н. Никулина, А.Г. Патронова, Т.А. Перцева, Л.П. Рощевская, В.М. Самосудов, Л.П. Сосновская, М.Г. Сесюнина, О.С. Тальская, В.И. Федорова, М.Д. Шейнфельд, М.В. Шилловский, Э.Ш. Хазиахметов и др.

С 1973 по 1991 г. на страницах «старого» сборника были подвергнуты анализу различные стороны истории политической ссылки в Сибирь: плодотворно изучалась ссылка первой половины XIX в. – декабристы и А.Н. Радищев, участники волнений в солдатских поселениях, петрашевцы

и их вклад в общественную и культурную жизнь Восточной Сибири, Н.Г. Чернышевский и обстоятельства его пребывания на Нерчинской каторге.

Следующие выпуски сборника (1974, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1985, 1987, 1989 и 1991 гг.) свидетельствовали о планомерном расширении тематики публикаций иркутских исследователей, о строгой приверженности заданному изначально курсу. Так, уже во втором и третьем выпусках появились хорошо проработанные сюжеты о научной работе ссылных, об участии народников в географическом исследовании обширного региона, организации нелегальных библиотек и просветительских обществ, создании краеведческих музеев, учительстве среди детей и взрослых, медицинском обслуживании коренного населения. Шаг за шагом авторы углубляли и насыщали фактическим материалом свои сегменты сложной мозаичной картины истории сибирской ссылки второй половины XIX – начала XX в., и когда заинтересованный читатель открывал очередной том сборника, перед его взором возникала все более целостная и содержательная картина пребывания в ссылке тысяч людей, наказанных государством и судьбой за инакомыслие.

Несмотря на разнообразие рассматриваемых сюжетов, главное внимание исследователей было сосредоточено все-таки на фигуре ссылного социал-демократа, а точнее – большевика. Именно он был главным героем, ему посвящено здесь более половины всех материалов.

С первых выпусков сборника среди его авторов определились и два ведущих специалиста – Эрнст Шайгарданович Хазиахметов (Томск, Омск) и Николай Николаевич Щербаков (Иркутск). Именно ими был сделан самый весомый вклад в изучение социал-демократической и большевистской ссылки: определены численность, социальный состав, география размещения; участие в оппозиционном движении и культурной жизни сибирского общества; межпартийные разногласия, поиски «единственно верной» теории; борьба с режимом содержания, организация и осуществление побегов.

Возьмем, к примеру, численность ссылных. Вопрос этот был (и остается!) не таким простым, а потому и решался исследователями по-разному. Третий том «Истории Сибири», отразивший уровень разработки этой темы на вторую половину 1960-х гг., отвечал на него предельно однозначно: «...74 275 человек к концу 1907 года» [1, с. 327].

Но соответствовали ли эти внушительные цифры действительности?

Н.Н. Щербаков, работавший с периодом 1907–1917 гг. и исследовавший крупнейший пласт письменных источников, определил к 1973 г. число ссылных всех категорий в 14 092 чел. [2, с. 211]. У Э.Ш. Хазиахметова получились иные итоговые цифры – 17 139 революционеров (9831 – в более поздних работах) [3, с. 17].

Как видим, разница в подсчетах Н.Н. Щербакова и Э.Ш. Хазиахметова – существенная, однако дело не в этом – впервые исследователи получили подлинно научные, обоснованные цифры политической ссылки в Сибирь начала XX в. Тема эта, таким образом, лишалась стойких и насквозь идеологизированных стереотипов, например, о «потоках» узников, которыми царизм «непрерывно наводнял» города и села Сибири.

Следует отметить, что данные Э.Ш. Хазиахметова и Н.Н. Щербакова вошли в более поздние академические издания [4], выдержали проверку временем, и современные исследователи до сих пор широко пользуются ими [5, с. 268]. Однако надо сказать, что мифические десятки тысяч сибирских ссыльных, до сих пор «бродят» из книги в книгу и нет-нет, да и появляются в постсоветской историографии. В качестве примера приведем весьма солидное и представительное московское издание – «Сибирь в составе Российской империи», вышедшее в 2007 г.: «Всего же, – утверждают авторы, – в Сибирь было выслано почти 75 тыс. участников революционных событий в России» [6, с. 298].

Определение реального числа ссыльных заставило исследователей существенно скорректировать и выводы относительно их партийного состава. Э.Ш. Хазиахметовым и Н.Н. Щербаковым было научно доказано, что, несмотря на численное преобладание в ссылке социал-демократов, большевики все же уступали меньшевикам, нефракционным эсдекам и тем, чья фракция не была четко обозначена. Более того: если сравнивать число ленинцев с другими партиями, то и здесь они существенно проигрывали: количество большевиков среди ссыльнопоселенцев и политкаторжан было всегда значительно меньшим в сравнении с эсерами и лишь среди административных ссыльных доля эсдеков в целом была выше.

Сегодня эти выводы могут показаться очевидными и даже не требующими особых доказательств. Действительно, партия большевиков, значительно уступавшая по численности эсерам, не могла доминировать в сибирской ссылке, даже если бы охранительной машине государства удалось сослать за Уральский камень всех ее членов, без какого-либо исключения. Но тогда, на фоне еще хорошо памятных масштабных, парадных мероприятий, которыми страна отметила столетний юбилей со дня рождения В.И. Ленина, заключение ученых серьезно корректировало сложившиеся стереотипы.

Важно подчеркнуть: установление численности и партийного состава сибирской ссылки для Н.Н. Щербакова и Э.Ш. Хазиахметова, конечно же, не являлось самоцелью. Историки понимали, что решение этого вопроса давало ключ к более значимой и обширной научной теме – теме влияния или руководства «массами», а если дальше – к фактическому обоснованию «краеугольного положения» всей советской идеологической доктрины – неизбежности и закономерности Октябрьской революции.

На страницах сборника получила отражение и легальная деятельность ссыльных. Из списка авторов, разработавших сюжеты этой темы, назовем лишь некоторые имена: это З.С. Рудых, исследовавшая организацию библиотек «политиками» ссыльными; В.М. Самосудов, рассмотревший использование жанра литературной критики для пропаганды партийных идей; Ю.И. Секненков, изучавший историю создания Тутурского литературного сборника; З.Т. Тагаров, анализировавший трудности общеобразовательной учебы и культурной работы на Нерчинской каторге. Заметный вклад в изучение участия ссыльных эсдеков в сибирской журналистике внесла Л.П. Сосновская, статьи которой присутствуют во всех 12 выпусках «старого» сборника.

В 2000 г. вышел первый номер обновленного сборника под новым названием «Сибирская ссылка» [7]. Изучение

политической ссылки в нем обрело новые грани, она стала исследоваться комплексно, на стыке нескольких наук, как часть истории охранительной, карательной и пенитенциарной политики государства в Сибири. Такое расширение, сломавшее временные границы, позволило рассматривать ссылку в качестве важнейшей особенности хозяйственного, социокультурного и политического развития сибирского региона в XVII–XX вв.

Сегодня, когда издано уже семь выпусков обновленного сборника (2000, 2003, 2006, 2007, 2009, 2011, 2013 гг.), можно подвести и некоторые итоги этим исследованиям. Прежде всего, новый сборник не многим похож на старый. Приходится констатировать, что из него практически полностью исчезли ссыльные большевики, а социал-демократы из центра всеобщего внимания переместились на периферию. По нашим подсчетам, из 230 материалов, опубликованных в «Сибирской ссылке», эсдекам посвящен едва ли десяток.

Падение интереса исследователей к истории ссыльных революционеров привело не только к резкому сокращению статей о них, но и к забвению ранее наработанного богатейшего фактического материала, потере уже обретенных в 1970–1990-х гг. конкретных знаний и оснований на них научных положений. Это отчетливо показал шестой выпуск сборника, среди участников которого было немало молодых исследователей. Анализ их статей свидетельствует: молодежи незнакомы материалы «старого» сборника, а свои выводы они строят во многом на источниках второстепенного характера, почерпнутых из региональных исторических очерков, а также из сети Интернет [8].

Однако история социал-демократической и эсеровской ссылки как научная проблема на страницах обновленного сборника не только жива, но и имеет свою положительную динамику. Сегодня развитие этой темы продолжено в специальных исследованиях С.П. Исачкина и В.В. Кудряшова, а также в отдельных положениях работ Т.А. Борисовой, Н.Ф. Васильевой, С.В. Макаруча, В.Н. Максимовой, Л.Н. Метёлкиной, Д.А. Мясникова, П.Л. Казаряна, Н.П. Курускановой, З.В. Мошкиной, И.П. Серебренникова, Л.В. Шаповой, М.В. Шиловского.

Закономерным итогом значительного расширения тематики сборника стало появление на его страницах новых направлений научных исследований, например, истории уголовной ссылки и каторги. Эта тема, когда-то активно разрабатывавшаяся отечественной исторической и юридической наукой, была существенно сужена еще областническим тезисом «Сибирь – ссыльная колония России», а при советской власти стала уделом узких специалистов по пенитенциарной системе [9]. Научный интерес к изучению уголовной ссылки возродился с 1990-х гг. Сегодня она рассматривается как важнейшая составная часть истории заселения и освоения региона, как специфический источник формирования рабочих кадров для многих отраслей промышленности Сибири.

Хорошо заметен интерес исследователей и к историко-правовым проблемам царской каторги и ссылки в Сибирь. При этом следует отметить, что авторы изучают не только нормативно-правовую основу применения наказания, но и анализируют состояние мест заключения региона, особенности этапирования сюда арестантов, специфику местного землепользования и трудоустройства ссыльных среди кре-

стьянства, проблемы их инкорпорации в сибирское общество. Эти сюжеты активно разрабатывают А.В. Волочаева, А.Н. Гаращенко, Ю.М. Гончаров, Л.М. Дамешек, А.А. Иванов, Л.В. Кальмина, С.Л. Курас, З.В. Мошкина, Е.С. Сальникова, Н.Г. Степанова, А.В. Филатов, В.П. Шахеров, Г.А. Шайдурова, А.С. Шилина, М.В. Шиловский.

Значительное место в обновленной «...ссылке» отведено истории становления в Сибири структур городской полиции, органов жандармерии. Советская историография рассматривала полицию и жандармские управления исключительно как карательные институты, созданные для борьбы с революционным движением, оценивала их деятельность неизменно негативно. Авторы сборника отошли от этой традиции, стремясь показать кропотливую и малозаметную работу данных структур по охране общественного спокойствия и порядка (С.В. Кравцов, К.В. Плюта, А.А. Сысоев, М.В. Тушемилов). К тому же надо учитывать, что борьба с революционным движением была далеко не единственным объектом внимания данных ведомств. Полиция и жандармы боролись еще и с уголовной преступностью, масштабы которой в Сибири, особенно в Восточной, из-за присутствия здесь ссыльных были несравнимо большими, чем, например, в Европейской России.

Характерная примета обновленного сборника – история репрессий советского периода. Эта тема представлена здесь рядом разноплановых направлений. Авторы подробно изучают масштабы и географию спецпереселений, депортационную политику СССР в отношении целых народов, их дальнейшую жизнь в Сибири, жилищно-бытовые условия (О.В. Афанасов, Е.Н. Афанасова, Л.В. Занданова, С.А. Метлин, Ю.А. Петрушин, Е.В. Суверов). Особая тема – репрессии среди командно-начальствующего состава Сибирского военного округа, истребление творческой и научной интеллигенции (В.Н. Казарин, С.В. Карасев, С.И. Кузнецов, В.С. Мильбах, И.В. Наумов, А.Н. Чернавский). Нашли отражение в настоящей «...ссылке» и исследования истории пребывания на территории Сибири военнопленных и интернированных (А.В. Ануфриев, С.И. Кузнецов, Томита Такэси).

Следует отметить, что в «Сибирской ссылке» подробно представлена современная история пенитенциарных учреждений. Сделано это в основном на материалах Республики Бурятия. Авторами статей здесь выступают не только профессиональные историки-исследователи (Л.В. Курас), но и ответственные работники системы исполнения наказания республики (В.П. Бальжанов, Т.О. Гусарова, С.П. Суш и др.).

В 2013 г. «увидел свет» седьмой выпуск «Сибирской ссылки», ознаменовавший 40-летний юбилей этого издания. Приоритетным направлением номера закономерно стало историографическое осмысление данной темы. Ав-

торы последовательно анализируют итоги, проблемы и достижения в освещении в сборнике ссылки декабристов (Т.А. Перцева, В.А. Шкерин, В.Д. Юшковский), петрашевцев (А.В. Дулов), народников (Л.В. Кальмина), участников польского движения (И.Н. Никулина, Е.В. Семенов, Б.С. Шостакович), социал-демократов (А.А. Иванов), современной пенитенциарной системы (Л.В. Курас, С.Л. Курас). «Ссылная тема», несмотря на многолетнее существование, в том числе и в данном сборнике, далека, по мысли исследователей, от своего завершения, а отдельные ее сюжеты только начинают изучаться [10].

Отметим в заключение, что новый сборник «Сибирская ссылка» значительно расширил и круг авторов, и их географию. Его постоянными участниками стали специалисты из многих городов региона: Владивостока, Барнаула, Братска, Кемерово, Красноярска, Новосибирска, Омска, Улан-Удэ, Хабаровска, Читы, Якутска, а также Санкт-Петербурга, Краснодара, Варшавы и Токио.

Как видим, история политической ссылки, обретая новые грани, не только не исчерпала свой ресурс, но и значительно расширила как авторский корпус, так и направления исследований. Это не случайно – в истории Сибири XVII–XX вв. трудно, а быть может и невозможно, найти сюжет, так или иначе не связанный с уголовной или политической ссылкой, пенитенциарной, репрессивной или охранительной политикой Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Сибири. Л., 1968. Т. 3.
2. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск. 1973. Вып. 1. С. 243–292.
3. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск, 1978.
4. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
5. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2009.
6. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
7. Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск, 2000. Вып. 1 (13). 248 с.
8. Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). 720 с.
9. Иванов А.А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. Иркутск. 2001. 275 с.
10. Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск, 2013. Вып. 7 (19). 592 с.

Статья поступила
в редакцию 21.05.2014

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЕНИАМИНА ВАСИЛЬЕВИЧА АЛЕКСЕЕВА!

В июле 2014 г. исполняется 80 лет действительному члену Российской академии наук, доктору исторических наук, профессору Вениамину Васильевичу Алексееву – одному из выдающихся представителей не только российского, но и мирового исторического сообщества. Его научные труды известны как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. Вениамин Васильевич – яркий символ современной российской исторической науки и настоящий патриот своего Отечества, неустанно его прославляющий и отмечающий его великое цивилизационное значение.

Творчество В.В. Алексеева пришлось на непростое время, отличающееся особым динамизмом и обострением конкурентной борьбы на нашей планете. В российской истории XX век осложнен еще и многочисленными революционными катаклизмами и следующими за ними преобразованиями, которые нелегко давались российскому народу, вынесшему на своих плечах бремя всех перемен. В.В. Алексеев – выходец из рабочей многодетной семьи – знает об этом не понаслышке. Недавно он опубликовал книгу, посвященную размышлениям о проблемах своего времени, которую назвал «На перепутье эпох: воспоминания современника и размышления историка» (Екатеринбург, 2013).

Вениамин Васильевич всегда охватывал своим вниманием самые важные и ключевые события российской истории, происходившие в бурном и противоречивом XX столетии. Его яркий исследовательский талант характеризуют глубина и самоотверженность научного поиска, чрезвычайно смелая и актуальная постановка исследуемых проблем, что заражает творческой энергией не только его многочисленных учеников, но и маститых коллег «по цеху». Результаты его творчества поражают воображение. Это десятки монографических изданий, сотни статей, докладов, выступлений на союзных, российских и международных форумах. Важное место в многогранной творческой деятельности В.В. Алексеева всегда занимала подготовка научных кадров: его многочисленные ученики и последователи работают в различных научных и вузовских центрах страны.

Неоценим вклад В.В. Алексеева в историческую науку Сибири. В начале 1960-х гг. после окончания аспирантуры Иркутского государственного университета он был направлен на работу в Новосибирск, стал ассистентом, доцентом, затем заместителем декана гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Учебный процесс совмещал с постоянным научным поиском.

Первой крупной научной проблемой, принесшей ученому мировую известность, стала тема электрификации Сибири. Период становления В.В. Алексеева как ученого совпал со временем бурного энергетического строительства, особенно активно и грандиозно разворачивавшегося в Восточной Сибири в процессе решения Ангаро-Енисейской проблемы. В.В. Алексеев один из первых обратился к истории сибирской энергетики как крупной и многоплановой проблеме. Он рассматривал электрификацию не только как способ решения экономических и научно-технических проблем в СССР, но как своеобразный цивилизационный прорыв, как фактор социального прогресса, который способствовал преобразованию социокультурных основ жизни людей. Данный подход наиболее полно представлен в фундаментальном двухтомном труде В.В. Алексеева «Электрификация Сибири», где он продемонстрировал, как изучение, казалось бы, региональной проблемы может быть осуществлено в глобальном контексте. Ученый пришел к выводу, что энергетический фактор определил совершенно новый уровень развития человеческой цивилизации, породил смену технологических и социокультурных укладов, ускорил модернизационные процессы в обществе.

Умение глубоко и всесторонне оценивать проблемы истории, соотносить их с реальной практикой жизни позволили В.В. Алексееву довольно быстро подняться к вершинам науки. В сорокалетнем возрасте он стал доктором наук и известным ученым, который смог увидеть исторические проблемы не только в узких региональных рамках, но и в масштабе мирового исторического развития. Острая постановка проблем, смелые выводы не только влекли за собой научные дискуссии, но и вызывали широкий общественный резонанс.

Сибирский период в творчестве В.В. Алексеева неразрывно связан с Институтом истории, филологии и философии (ИИФиФ) Сибирского отделения АН СССР, в который его пригласил на работу лично академик А.П. Окладников. Вехи его работы здесь: старший научный сотрудник, ученый секретарь, заведующий сектором, отделом, заместитель директора по науке. В 1974 г. им была защищена докторская диссертация по истории электрификации Сибири, охватывающая почти столетний период в развитии региона. В.В. Алексеев не только приобрел в Сибири научную зрелость, но и проявил себя организатором масштабных научных исследований, многие из которых были по-настоящему пионерными и методологически новаторскими. С коллективом своих учеников и единомышленников Вениамин Васильевич внедрялся в так называемую живую историю индустриального освоения Сибири, выезжал в экспедиции, где отработывал совершенно новые методы сбора исторической информации, создавал оригинальные базы источников. По инициативе В.В. Алексеева к написанию истории привлекались непосредственные участники событий индустриального строительства в регионе во второй половине XX столетия. Лично сам он не раз интервьюировал руководителей строев и рядовых работников, участвующих в преобразовании региона.

В фокусе научных интересов В.В. Алексеева всегда оказывались нестандартные решения и нетрадиционные для отечественной историографии проблемы. Так, например, он одним из первых советских историков стал изучать закрытые по различным идеологическим и политическим причинам темы, связанные с социальной и социально-демографической историей восточных регионов России. Ему и его ученикам удалось ввести в научный оборот новые виды исторических источников, позволивших изучать подлинную социальную историю СССР и ее региональные особенности. Важным результатом его творчества и научного руководства стало издание в Новосибирске целого ряда монографий и сборников научных трудов, многотомной «Истории рабочего класса Сибири».

В.В. Алексеев являлся одним из инициаторов включения ИИФиФ в исследования по программе «Сибирь». Этим направлением были заданы мощные импульсы работы института на несколько лет вперед. На первом этапе реализации программы «Сибирь» в ней участвовали экономисты, геологи и биологи. Постепенно программа превратилась в междисциплинар-

ный проект, в котором нашлось место и гуманитариям Сибири. Участие в этом масштабном проекте позволило осуществить выход на методологию исторического опыта, по-новому представившую общественную значимость исторической науки, проблему преемственности в исторических процессах, их влияния на современность и будущее развитие того или иного социума. В.В. Алексеев, как один из активных организаторов исследований гуманитарного блока программы «Сибирь», неоднократно выступал на конференциях, отчетных сессиях с обстоятельными докладами, в которых был представлен вклад гуманитариев Сибири в изучение истории социально-экономических преобразований, истории культуры, науки и образования региона.

Новым этапом в биографии В.В. Алексеева как крупного ученого и организатора науки стало создание в Уральском отделении АН СССР Института истории и археологии. Вениамин Васильевич с группой своих учеников прибыл в Свердловск в 1988 г. по приглашению председателя Отделения академика Г.А. Месяца и возглавил новый институт, вскоре превратившийся в центр гуманитарных исследований на Урале. В условиях перестройки В.В. Алексееву удалось создать крупный и дееспособный научный коллектив, синтезировавший лучшие достижения как сибирской, так и уральской исторических школ, способный выходить на новые актуальные направления.

Всего через двадцать лет на юбилейной конференции Института истории и археологии УРО РАН отмечалось, что коллектив работает по широкому спектру исторических исследований, охватывая самые актуальные направления научного поиска, имеет свое лицо и высокую репутацию не только в российской исторической науке, но и международном сообществе историков. Институт в значительной мере определяет приоритеты исследований в современной отечественной исторической науке. Его концепции отечественной истории, методологические открытия и новаторские разработки служат неким эталоном, к которому стремится все большее число историков. Значительное количество последователей вовлекаются в орбиту ведущей научной школы Российской Федерации под руководством В.В. Алексеева «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.», которая поддерживается грантами Президента РФ.

В пленарном докладе юбилейной конференции академик В.В. Алексеев подвел итоги деятельности научной школы за более чем десятилетний период. Проведен комплексный анализ модернизации в контексте цивилизационной динамики России за период XVIII–XX вв. с определением ее базовых параметров. Разработана теоретико-концептуальная модель российской модернизации, выявлены ее универсальные и цивилизационно-специфические особенности и доминанты, этапы эволюции, степень воздействия на мировую цивилизационную динамику и культурно-цивилизационный облик России.

По проблеме странового и регионального измерения российских модернизаций под руководством академика В.В. Алексеева удалось раскрыть роль геополитического фактора в обеспечении цивилизационной и региональной динамики России, выявить основные тенденции и этапы российских модернизаций, установить особенности разработки и реализации региональных моделей модернизационных перемен. Одна из них, очень важная для восточных районов России, связана с концептом фронтальной модернизации. Российская евразийская цивилизация складывалась на протяжении столетий, расширяя при этом свою территорию. В результате создавались так называемые зоны цивилизационного приграничья, которые можно обозначить как «зоны фронта», отличавшиеся многооб-

разными этноцивилизационными контактами. Такими зонами долгое время являлись азиатские территории России, в том числе Урал и Сибирь.

Сотрудники Института истории СО РАН надеются на продолжение творческих контактов с уральскими коллегами, «мостик» к которым проложил Вениамин Васильевич Алексеев. В день замечательного юбилея выдающегося представителя российской исторической науки академика В.В. Алексеева сибирские историки, которые всегда с интересом следят за его плодотворной деятельностью, желают Вениамину Васильевичу творческого азарта, новых интересных идей, бодрости духа и неугасимой энергии!

Коллектив Института истории СО РАН

SUMMARY

Derevyanko A.P., Kandyba A.V., Anoykin A.A. Studies of the Complex of the Middle Paleolithic Darvagchay-zaliv-1

This article presents the results of recent studies of one of the complexes of the Middle Paleolithic Darvagchay-zaliv-1. Its materials are key to understanding the development of this vast cultural and chronological range for the North-East Caucasus. Lithological study of paleosol encapsulating the archaeological materials allowed to include this complex into a general paleogeography picture of the region. Chronological period of the ancient people being in the region is defined by the episode of Riss-Wurm interglacial oxygen isotope stage 5e. Stone tools are characterized by Levallois technique of splitting and a typical tool-kit of the Middle Paleolithic. Availability of fireplace spots in conjunction with scattered archaeological material over a wide area indicate ancient man's multiple visits to the third terrace of Caspian Sea. Based on the available data, the authors conclude that despite a large number of famous monuments of the Middle Caucasus and great technical and typological diversity within their groups it is currently impossible to trace any direct analogies among them with materials of the Middle Paleolithic of Gedzhuh's reservoir. This may be due to both the incomplete representation of Dagestan industries consisting of a few materials and to the cultural diversity typical for that time which does not make impossible the existence of the original Middle Paleolithic culture in this territory. Techno- typological features of appearance of the stone industry with pronounced Levallois features allow us to speak about the specific form of the Paleolithic seaside Dagestan.

Key words: Middle Paleolithic, paleosols, Levallois knapping, neopleistocene.

Anoykin A.A., Borisov M.A., Rybalko A.G., Slavinskii V.S. The Lithic Industries of Middle to Upper Paleolithic Boundary in the Seaside Dagestan (Based on Materials of Tinit-1 Site, 2011–2013 Excavations)

The article presents stratigraphic descriptions of Tinit-1 – a Paleolithic site in Dagestan. A technological and typological study of lithics from excavations 2 and 3, and results of radiocarbon dating are presented. Sources of raw material and possible economic specialization are also discussed. In 2011–2013 sediments at excavation areas 2 and 3 (measuring 75 sq. m) were excavated to a depth of 5 m. As a result, 7 lithological layers containing 9 culture-bearing horizons were identified. The lithic assemblage obtained in 2011–2013 includes 660 artifacts. Based on technical and typological features, artifacts from cultural horizons 1–4 were attributed to the Middle/Upper Paleolithic boundary; the assemblages from the underlying horizons – to the terminal Middle Paleolithic. Results of the planigraphic and stratigraphic analyses suggest that artifacts were found in situ and that their planar and vertical movement

was minimal. The Tinit-1 techno-complex is characterized by numerous simple flat cores as well as by distinct Levallois flake and point nuclei, and the narrow-faced cores recorded in the lower horizons. At the later stages, along with the evolving Levallois flaking method applied to detached elongated pointed blanks, volumetric parallel flaking was used. This technology was aimed at producing laminar blanks with longitudinal and bidirectional dorsal scar patterns. The tool-kits of all the archaeological horizons are dominated by tools with cutting and scraping edges, which may have been associated with the subsistence activities of the site's inhabitants. It should be noted that neither bifacial tools, nor tools with signs of bifacial working were found. This feature is not typical of Caucasian sites. Finds from Tinit-1 evidence a transitional Middle to Upper Paleolithic industry (50–35 ka BP). These estimates do not contradict the results of other studies.

Key words: Dagestan, Paleolithic, archaeological horizon, primary reduction technique, refitting, radiocarbon dating.

Pavlenok G.D. Bone Industry of Ust-Kyakhta-3 Site (Western Transbaikal)

Analyses of bone artifacts from Ust-Kyakhta-3 site (Western Transbaikal) are presented in this paper. Bone industry is analyzed and compared with chronologically and geographically relevant complexes. The goal of research is to conduct a more accurate chronological attribution of Ust-Kyakhta's cultural layers. In the territory of Western Transbaikal the developed bone industry first appeared during Early Upper Paleolithic. The maximum development of bone industry was reached at the Pleistocene-Holocene boundary. The specifics of bone industries play an are key in attributing archaeological sites either to Paleolithic or Mesolithic period within the regional schemes of cultural classification. The archaeological site Ust-Kyakhta-3 has absolute dates which associated it with the final Pleistocene, however culturally it was interpreted by A.P. Okladnikov as a Mesolithic site. Collections of bone tools are presented in both occupation layers. The preliminary analysis of lithic collection of both layers indicates an obvious difference between them suggesting that both archaeological layers belong to different stages of Stone Age (final Paleolithic and Mesolithic). Based on the analysis of bone industry from both layers of the Ust-Kyakhta-3 three groups of tools were identified: points, bone shafts (with toothed slots) and fishing hooks. The results show a significant similarity of bone tools from Ust-Kyakhta-3 and tools from other archaeological sites in the Western Transbaikal. Particularly, morphologically stable forms of bone shafts (with toothed slots) and fishing hooks are very similar to the bone items known at Oshurkovo, Ust-Kyakhta-17 and Studenoye-1 (layer 11) sites. As a result of conducted intra-

regional comparison, both cultural layers of Ust-Kyakhta-3 were attributed to the Mesolithic epoch.

Key words: bone industry, final Paleolithic, Mesolithic, Western Transbaikal.

Kozlikin M.B. Primary Flaking Technique in the Middle Paleolithic Industries Recovered from the East Gallery of Denisova Cave

The Pleistocene deposits with evidence dating as far back as the Middle Palaeolithic have been examined during a recent archaeological study carried out in the East Gallery of Denisova Cave. Excavations yielded a large stone-artifact assemblage to be thoroughly analyzed and introduced into scientific use. This paper presents data resulted from research focused on the basic categories of lithic inventory specifying the techniques of primary flaking in the Middle Paleolithic assemblage recovered from the East Gallery. In the column of loose sediments, which includes as many as 17 stratigraphic units, the Middle Paleolithic material derives from the lithologic layers 15–12. The analysis of core-shaped stones and flakes allowed to conclude that an array of stone artifacts under study has proved to be heterogeneous. Two technologically different complexes can be quite clearly recognized within the Middle Paleolithic assemblage identified in the East Gallery. The first one combining material from layers 15 and 14 can be characterized by primary flaking performed only within the radial system. Thereby, truncated pieces have been found to dominate among flakes, the ratio of flakes with modified overhang of residual striking platform is minimal, blades are lacking. The second one includes evidence from layer 12 revealing mainly such diagnostic techniques as plane-parallel and three-dimensional flaking with elaborately treated cores. Respectively, the proportion of elongated flakes and flakes with modified overhang of residual striking platform tends to increase, as well as the percentage of flakes with the longitudinal unidirectional facets on the dorsal surface. Regularly shaped blades are found. Lithic industry from layer 13 combines the major features of both the first and second complexes and most likely reflects the transient pattern. It is most likely that the major technological differences between the Palaeolithic complexes discussed in this paper demonstrate the process of development within the same cultural phenomenon.

Key words: the Altai Mountains, Denisova Cave, Middle Palaeolithic, lithic industry, primary flaking

Gladyshev S.A. Characteristics of the Early Upper Paleolithic Stone Industry from the Multilevel Tolbor-15 Site

This article is devoted to a comparative analysis of Early Upper Paleolithic complexes from the Tolbor-15 Site in northern Mongolia. These industries fall within a range of 34–28,000 ya established by finite radiocarbon dates. Six lithological and seven artifact-bearing archaeological levels have been identified in the site's stratigraphy, of which the lower horizons (H 5–7) are associated with the Early Upper Paleolithic. Single-platform and flat-front cores for the production of large blades and bladelets dominate these complexes. Thorn-like tools, thick scrapers, large side-scrapers (skreblos), denticulates and notched implements comprise the majority of the tool-

kit. An evolution in the technology of reduction from large prismatic cores for the production of long blades to flat, unidirectional and orthogonal nuclei took place during the period of formation of Horizons 5–7, concomitant with an overall decrease in the dimensions of tools and cores. On the other hand, typologically, the tool-kit didn't change dramatically during this period, which supports conclusions regarding the evolutionary development of tool-making traditions and their use. The data presented in this article and the wide range of reported assemblages analogous to those from the Tolbor-15 Site make it possible to determine the latter's place within the spectrum of South Siberian and Central Asian Early Upper Paleolithic industries. The technology associated with the lithic complexes discussed here is very similar to the basic principles of parallel blade percussion known in archaeological collections across the region. In spite of some local peculiarities, the tool-kit also confirms the existence of strong connections between Mongolian industries and complexes in adjacent territories in framing the phenomenon of the initial Upper Paleolithic in South Siberia. The lithic collections from Tolbor-4 and Tolbor-15 exhibit a combination of Early Upper Paleolithic traits shared between the Altai Mountain region and the Trans-Baikal as well as local, specific Mongolian features.

Key words: Mongolia, Early Upper Paleolithic, southern Siberia, lithic technologies, tool-kit, evolution of stone industries.

Larichev V.Ye. «The Missing Link» – the Mesolithic Time (on the Problem of Preserving Information Traditions in the Cultures of the Post-Palaeolithic Epoch of Eurasia). Part V: Systems of Time Notation in the Epoch of Mesolith of Middle Siberia.

The paper completes the program analyzing the problem of preserving information traditions in the mesolithic cultures of Eurasia. It is devoted to deciphering of signs on the edges of a manufactured article made of horn, which was found in Siberia and had been used as an instrument, an «art object» and bearer of the calendar-astronomical «records». As a result, the author concludes that only one thing can be inferred: in cognition of astronomy and calendaristics the inhabitants of eastern parts of Eurasia did not yield in anything important to their contemporaries in Europe. Creators of the Holocene cultures of the whole continent preserved in full volume the intellectual potential of the previous epoch – the Palaeolithic. There was no interruption in information traditions.

In the paper the numerical symbolic «records» executed on the edges of the «art object» are described in detail and then testified: along the right edge of the article ($30+4+2 = 36$ incisions) and along its left edge ($12+1+6$ or $7+2 = 21$ or 22 incisions). As a result it became clear that priests of the Shilka-2 Site, situated in the valley of the Yenisei River (the Middle Siberia) and dated the initial stage of the Mesolith, watched not only synodic but also sidereal and, possibly, draconic time cycles. This fact allowed the author to suggest that the calendar systems of these priests were aimed at prediction (or calculation?) of the moments of possible advent of solar and lunar eclipses. The numerical «records» near the edges of the «art object» permitted to reconstruct the notation of the lunar and solar, as well as sidereal years. The lunar year was watched by means of

the sixfold notation of two months cycles ($30+29 = 59$ days). The equalizing of the lunar year with the current of the solar time was executed after three lunar years by means of introduction into the calculating system of the intercalation, the additional time cycle with its duration equal to 34 days. The lunar-solar year was watched by means of tenfold notation of the numerical «record» 36. The «records» of numbers 4 (or 3) and 2 were intercalated to the cycle of 360 days which led to the border-line of the end of the leap-year or the ordinary solar year.

Key words: Siberia, the Mesolithic, art, numerical «records», calendars, the Moon, the Sun, preservation of cultural traditions, spiritual life.

Ivanova D.A. Comparative Analysis of Middle Jōmon Ceramics Found on the Island of Honshu

This study is devoted to description and analysis of the styles of the Middle Jōmon ceramics on island of Honshu. The work is based on the analysis of Japanese materials dealing with this topic. The study of ceramic production is key in understanding the particular features of the Jōmon culture. The Middle Jōmon has not been a random choice for examination: this is a period of peak development in the ornamental traditions, when along with the experience of previous periods, completely new types of patterns and techniques emerged and spread in the ornaments of the region. Starting from the northern territories of Honshu (the Tōhoku area) and ending with western prefectures (the Chugoku area), the author analyzes five most expressive ceramic styles. Each of these styles represents not just a unique phenomenon of art, but rather an ensemble of ornamental features of both preceding styles and of the adjacent stylistic zones. In each of the selected styles the author finds common features typical of the Jōmon culture along with some unique and previously unknown patterns. The Middle Jōmon period was chosen for the study due to the fact that it was a period of emergence of a completely new ornamental technique, unknown in this region – an application technique. The development of a new technique marked the appearance of new decoration patterns. For this stage of the Jōmon culture's development among the typical ornamental motives were anthropomorphic, zoomorphic and amorphic images. Various reliefs imitating human faces, animals, birds and at times flame were widespread. Having passed all stages of development, the ornamental technique of Middle Jōmon existed for only about a thousand years, without leaving any heritage for the following generations. It is still unclear why, after reaching its peak in the middle of Middle Jōmon during the existence of the Kaen style, the application technique gradually became obsolete.

Key words: Japan, Honshu Island, Jōmon culture, Middle period, ceramics, ornament.

Khudjakov Yu. S. Bone Arrowheads from Ulug Choltuh on The Edigan River in The Altai Mountains (From the 2008 Excavation Report of the South Siberian Team)

The paper analyzes various forms of bone arrowheads found in the Ulugh Choltuh grave field (located on the Edigan River in the Altai Mountains) during the excavations carried out by South Siberian team. The excavated graves belong to the Ayrtydash type of Xiongnu - Xianbei period. The collection

under consideration includes arrows with various shapes of blades and stems. Among the studied arrowheads some bone arrows with a bifurcated stem and a collar with a bone bead holes are presented. Sources of the origin and distribution of bone arrowheads with bifurcated stems and collars with beads and holes are traced to nomadic cultures of Central Asia from the first millennium BC to the first half of the first millennium AD. The paper includes classification of bone arrowheads collection from Ulugh Choltuh based on formal features. In the studied collection arrows with bifurcated stems are of significant interest. Such arrowheads also could be of various shapes. Similar arrowheads spread in the Central Asian historical and cultural region during the period of Xiongnu state. Influenced by the Xiongnu tribes, such bone arrowheads with a bifurcated stem were borrowed by the ancient nomadic tribes of the Sayan-Altai Mountains. Xianbei tribes used similar arrows. In 1 millennium AD arrowheads with a bifurcated stem were also used by the ancient South Siberian nomads, who were influenced by the Central Asian military states. In the process of excavation in Ulug Choltuh along with the arrowheads with bifurcated stems some bone collared arrowheads with a whistling bead were found. Bone arrowheads rarely occur in ancient and medieval archeological localities of nomads in Central Asia and Eastern Siberia. Similar arrowheads were found in localities of Burhotuysk culture in Eastern Transbaikalia. The collection of arrowheads from Ulug Choltuh indicates significant originality of bone arrowheads found in the process of excavation of Ayrtydash localities dated the second quarter of 1 millennium AD in the Altai Mountains. Bone arrowheads discussed in the article appeared to indicate cultural contacts between nomads from the middle Katun valley and ancient nomads from eastern regions of Central Asia. Further search for similar bone arrowheads is necessary to better understand the specifics of their development within the region under consideration.

Key words: bone arrowheads, Ulugh Choltuh, Ayrtydash type monuments, Xiongnu - Xianbei period, The Edigan river, The Altai Republic.

Lutsidarskaya A. A. The Government Practices on Cultural and Economic Adaptation of Siberian Aboriginal People in the XVII – Early XVIII Centuries

The paper examines the practice of recruiting the Siberian aboriginal people in the economic system of the Russian state. The author considers these practices as political and juridical instruments of aborigines' legalization as subjects of the Russian state in the late XVI - early XVIII centuries. Having scrutinized a large array of written sources of the XVII century the author proves that the imperial administration didn't have the aim to use aboriginal labour resources on regular basis. On the contrary, the imperial administration tried to impose taxes ("yasak") on the majority of indigenous people of Siberia in order to make them pay taxes in the form of precious furs that were in high demand in European markets. The tsarist government was always trying to maximize the number of yasak-payers. However, Russians used indigenous people of Siberia in some kinds of economic activities and sometimes resorted to them in emergency circumstances such as fires and floods. Aborigines used to cut wood, clean roads and waterways. They performed these tasks without any signs of resistance. However

they reacted negatively when the authorities recruited them, for example, to work in the salt mines which can be explained by the fact that aborigines were taken away from their usual environment for such activities. Besides, the government often used the natives as guides to lay the routes and roads through the forests. Cossacks and natives sometimes were engaged in military conflicts during the Russian colonization of Siberia. As a result, captives from indigenous people became citizens of Siberian towns. Most captives were baptized and became slaves. Such captives (*yasyri*) became household servants, their owners actively involved the captives in agricultural work in their villages and homestead. Further life of such house-serfs among aboriginal people depended on a number of factors: the owners' will, gender etc. But more often they merged with the peasant population of the agricultural region.

Key words: aboriginal, Russia, economy, yasak, yasyir.

Atnagulov I.R. Ethno-Demographic Characteristics of Nagaibaks

The paper deals with ethno-demographic characteristics of Nagaibaks – one of the minor peoples of Russia – in the context of their history. Formation of Nagaibaks was connected with the Imperial Decree of February 11, 1736. It declared the transfer of Nagaibaks from the “*yasak*” (tribute-paying) people to Cossacks. The majority of Nagaibaks was comprised of the baptized Tatars of the Ufa province. They lived in Nagaibak fortress and in the nearby villages until 1842. According to census records (*revizskie skazki*) there was an increase in the number of Nagaibaks: from 1500 people in 1719 to 1800 in 1744, 2700 - in 1762, 2800 - in 1795. The ethno-social structure of the Nagaibak fortress' population included the Cossacks, old-baptized (*starokreshchenye*) Tatars-Cossacks, baptized Cossacks, Tatars-Cossacks. In 1842 the Cossacks-Nagaibaks were resettled in the New line (*Novolineiniy*) fortified area located mainly in the Verkhneural'sk district. The demographic situation had positive dynamics in the 2nd half of the XIX century. There lived 2900 Nagaibaks in 1844, 4287 – in 1866, 7812 in 1897. In 1926 the Nagaibaks were marked as a separate ethnic group. The author explains the delayed increase of Nagaibaks by consequences of wars, in which the Nagaibaks-Cossacks participated actively.

The Nagaibaks were combined with Tatars in other state censuses conducted during the XX century. While the number of Tatars was negligible in the Nagaibaks settlements, it is asserted that there was increase of the Nagaibaks population: in 1959 – circa 8700, in 1979 – ca. 9700, in 1989 – ca. 12000 people. This demographic trend was connected with the improvement of the life quality in the rural areas. The Nagaibaks were marked again as a separate ethnic group in the All-Russian censuses in 2002 and 2010. The Nagaibak population numbered 9600 and 8148 people correspondingly. The population dynamic was negative and sorted with common demographic situation in the Russian Federation.

Key words: Nagaibaks, baptized Tatars, Cossacks, ethno-demography

Geybel J.V. Mennonites in the Modern World: An Overview in the Context of Transnational Cooperation

The article reviews the Mennonite community in the contemporary world including Mennonite communities in

Russia. It also emphasizes tendencies and forms of transnational cooperation within the Mennonite community. According to the Mennonite world conference, which takes into account all the Anabaptist followers, world Mennonite community includes 1.7 million followers in 83 countries. Demographers register constant growth of the Mennonite followers due to their high birth rate in the developing countries, increasing life expectancy and migration. The Mennonite communities appeared in Russia in the XVIII century. The first Mennonites moved to Russia from Prussia in 1789 on invitation of the Russian government and settled the Khortytsia district of the Yekaterinoslav Governorate. Nowadays there are Mennonite communities in the southern parts of Russia, Orenburg and other regions. Most of them were formed in the wake of migrations in the late XIX – early XX centuries. Demographers note the constant Mennonite population increase due to a high rate of natural growth and migrations. There are several international Mennonite organizations aimed at creating a global community of Mennonites and mutual assistance. They act owing to the offertories gathered mainly by the American and Canadian communities; organize charity events in the developing countries of Africa, Asia, Latin America. In Russia they do not play such an active role. However there are some examples of foreign Mennonites' charitable acts. For instance, in the 1990s in the village Neudachino in the Novosibirsk district representatives of the Central Mennonite Committee organized charity work for other Mennonites. This fact can be seen as an example of transnational cooperation. Mennonites are also characterized by a high migration activity lacking strong attachment to any state. High migration mobility is traditional for the Mennonites. They keep strong ties with members of other communities on a family and clan level. There is also a global confessional network which provides transnational cooperation. Modern Mennonites lead an active lifestyle including proselyte activities within the host regions where they live and within the global Mennonite community in general. It can be assumed that religious characteristics and specific lifestyle of Mennonites were the main factors of the Mennonite community's consolidation.

Key words: Mennonites in Russia and in the world, ethno-confessional community, transnational cooperation.

Gorbatov L.V. The Category of Infirmarian in the Traditional Khakass Culture

This article characterizes the Khakass folk medicine. The traditional Khakass infirmarian practices were first described in the XIX – early XX centuries. The Khakass had not created any systematic description of infirmarian traditions whereas this category of sacral people played an important role in their mytho-ritual and healing practices. The paper is based on the previously unpublished field data. It presents classification and characteristics of main categories of infirmarians in the traditional Khakas culture. In Khakas language the word “*imchi* (*имчи/имчил*)” – healer, infirmarian, medicine-man derives from the word “*im* (*им*)” – medication. Popularly the infirmarians are called “*piligchi* (*пілігчи*)” – aware, or “*nime pilir* (*нине пілір*)” – the one who knows, or “*pilchen kizi* (*пілчен кізі*)” – a man who knows, or sometimes “*imchil kizi* (*имчил кізі*)” – infirmarian man. Based on the field data the author concludes

that traditionally infirmarians, unlike shamans, didn't have a "shaman disease" and didn't receive initiation from mountain spirits. They didn't have subordinate "teseys" – helping spirits. However shamans would sometimes discover infirmarians and introduce them to mountain spirits. Infirmarian was an inherited profession contemplating initiation. Prior to healing they would necessarily appeal to the ancestors' spirits. The Khakas distinguish different categories of infirmarians: specialists in medicinal herbs and medical potions; midwives; specialists in reducing abdomen, setting a bone, casting a spell on stye; experts on healing with the warmth of their hands etc. The author tells personal stories of the best known infirmarians in Khakass region, describes their tools set and recipes, especially the traditional healing practices of the Khakass infirmarians which combined rational and magical aspects. In conclusion the author comes to the point that in the context of social transformations ongoing in the modern Khakassia the old rites and healing practices are being reduced and simplified.

Key words: Khakas, folk medicine, healing methods, medicinal and magical agents.

Moskvina M.V. Adornments in the Traditional Wedding Symbolic Donation of the Turko- Mongol Peoples of Central Asia

The paper examines the phenomenon of symbolic gift exchange in the traditional wedding practice of the Turko-Mongol peoples of Central Asia (northern and southern Altai people, Khakas people, Buryats, Yakuts, Kazakhs). The author undertakes examination of the ritual use of female adornments. She maintains that women's adornments were connected with a complex system of exchanges accentuating the establishment of relations of different levels - from personal relationships to relationships between newlyweds of the united families and kins. In the traditional society marriage was considered as ritual of public order, so its preparation and accomplishment involved relatives of both genders. It included the exchange' rituals and obtainment of decorations as gifts. During such ritual actions people used almost all components of the traditional set of ornaments for women set – earrings, plait and breast adornments, rings, bracelets, belts and beads and silver coins. The participants of the weddings made use of gifts not only as a ransom, but as a designation of transition to the next socio-age group. Semantic meaning of ornaments was significant in ritual exchange: earrings designated a married woman, rings and plait ornaments were associated with unification of both kins, rings and beads symbolized the future children, silver was a sign of prosperous marriage. Besides, ornaments had auspicious, protective and reproductive meaning, served as embodiment of female beauty, health and wellness. Not only the bride and groom and their families, but all of the guests could participate in the wedding rituals connected with adornments. Young unmarried girls played an especially active role in these ritual activities. They perceived a "reproductive" magic of adornments. The ritual of jewelry offerings process was a part of reciprocal gift exchange of two kins united in a new family. It accompanied and represented the basic exchange – the bride's transfer from one kin to another.

Key words: women's adornments, Central Asia, symbolic donation, wedding, ritual.

Makhmutov Z.A., Faizullina G.Sh. Modern National Cuisine of Tatars from Kazakhstan: Functions, Specifics and Transformation

The paper deals with characteristics of modern cuisine of Tatars in Kazakhstan. According to 2009 census, 204,229 Tatars live in Kazakhstan. The authors emphasize that the modern Tatar community in Kazakhstan is a conglomeration of different groups, formed as a result of intensive migration. In the 1950-1960s in the southern and south-eastern parts of Kazakhstan a group of so-called "Chinese" Tatars was formed. In the 1950s they were repatriated to the Soviet Union from the People's Republic of China. During Civil War Tatars left Russia. After having spent three decades in China, they, in their own opinion, acquired special identity and certain cultural distinctions, including their cuisine. Traditions of this and other groups are described in the article. Taking the cuisine traditions and innovations as an example, the authors identify the main tendencies of ethno-cultural development of Kazakhstan's ethnic minorities. Special attention is paid to cultural borrowings from abroad. The paper attempts at identifying the most important functions of the ethnic cuisine in a multiethnic community of Kazakhstan at the beginning of XXI century. During the research the authors came to general conclusion that the modern cuisine of Tatars in Kazakhstan is the result of their adaptation to different environmental conditions and ethno-cultural situation in the republic. Such adaptation determined variability of meals of Tatar population compared to the traditions of the majority of Tatars outside the territory of Kazakhstan. Neighboring cultures greatly influenced the specifics of the cuisine of Tatars in Kazakhstan. Despite all innovations cuisine of Tatars of Kazakhstan remains the most stable element of their culture. Specifics of traditional cuisine are often considered as markers of ethnic, religious and local identity.

Keywords: The Tatar population of the Tatars of Kazakhstan, culture, nation meal, ethnic identification, transmission, assimilation.

Oktyabrskaya I. V., Samushkina Ye. V. History and Folklore in Ethnopolitical Discourse in the Altai Region in the 1930s

The article addresses a problem of formation of ethnic and national identity among the native peoples of Altai. This research is based on the original materials of central and regional media, archival records as well as folkloric data. The authors analyzed ethno-political discourse during the Soviet period of history; reviewed the process of Altai people's collective memory formation and identity structuring under the Soviet regime. They especially focused on processing the folklore texts interpreting the revolutionary events and sociopolitical changes in the region. Based on careful analysis of Soviet ethnopolitical discourse they specified the following ideologemes: victim's motive; colonization paradigm in the relationships between the native Turkic speaking people and Russian government; focus on the class stratification within this ethnic group; criticism of the clan system of Altai people and traditional forms of economic management; images of family; Soviet ethnic cohesion; creating images of political leaders with the help of folklore themes. The authors come to conclusion that official media in the 1930s constituted the break

with ethnic past, traditions, and traditional ethnic institutes. People's solidarity based on social and class principles became the main function of the Soviet normative social culture. It was a cultural paradigm shift: there was a focus on a "new" man, who was not connected with the past, looked to the future and in fact did not have any ethnic roots. The idea of a working nation became one of the main categories used in the description of revolution and civil war period. In consideration of different spheres of life (including the folklore and historical past) people's productive activities come to the fore. The new reality was formed, including the images of the past.

Key words: Altai, ethnicity, modernization, images of the past, ethnonational discourse, cultural memory, folklore, Soviet national policy.

Burnakov V.A. Images of Ancient Sepulchers in Mythological Beliefs of the Khakasses (Late XIX – XX Centuries)

Based on the archival and field materials and on the published data the present article describes complex of traditional mythological beliefs of Khakasses in regard to such historical and cultural monuments as mounds. The most important structure-forming element of these ancient burial structures is stone. It is a natural and integral part of the environment. Accessibility and specific properties of the stone contributed to the fact that it easily became part of life and culture of the Khakass people. While using and processing the stone humans could utilize their creative and intellectual potential. The stone and its image in the worldview of Khakasses is endowed with a wide semantic field. It reflects all stages of human life and accompanies man from his birth to death. It was believed that the stone was an integral part of human life; that it predetermined births and new lives while deaths are still marked with gravestones. Stone often acts as a common magic item. In the Khakass culture it is perceived as a sacral object – an embodiment and translator of sacred forces of nature. The stone was connected with a complex of archaic representations such as cults of mountains; worshipping spirits – masters of certain places; honoring the ancestors. People believed that patronage of the stone idols ensured fertility, prosperity and success in the lives of local people. In this connection, the people worshiped both the stone and the place where it was located, deifying the whole sacral area. In mythological consciousness of Khakasses mounds were firmly linked with images of their legendary ancestors.

Key words: Khakasses, tradition, myths, rituals, ancestors, stone mounds.

Kotov L.V. "The People Will Entrust the Reform to Those Whom They Believe": Regional Periodicals on the Elections to the First State Duma

The theme of the article concerns the history of journalism and sociocultural history. It considers how the magazine "Siberian Echoes" and newspaper "Mail and Telegraph" covered the questions connected with preparation for the First State Duma's elections and early activities. "Siberian Echoes" was a weekly illustrated political, public and literary magazine published in Tomsk. "Mail and Telegraph" was the first newspaper in the Minusinsk district of the Yenisei province. The weekly was some kind of compromise between two former

main types of journalism: daily newspapers and thick monthly magazines. It added quick response on topical subjects, which was typical for the newspaper. The form of representation of materials in "Siberian Echoes" to readers was extremely close to that of newspaper. Such proximity was revealed by the author based on the overall review of publications in both periodicals ("Siberian Echoes" and "Mail and Telegraph"), especially in regard to materials discussing political questions relevant for contemporaries. These editions were pulled together also by a position of their editors-publishers V.A. Dolgorukov and V. V. Fedorov. The author analyzes the newspaper and magazine correspondence devoted to the State Duma, representing a position of voters and the authorities. Correspondence of these editions demonstrated what importance was attached by the Siberian community to the State Duma and participation of peasants in the election campaign. It also proved the conclusion that at the beginning of the XX century the periodical press turned into a powerful mouthpiece for the public moods of the most broad masses of population.

Key words: weekly illustrated magazine, daily newspaper, public moods, elections to the First State Duma.

Krasilnikova Ye.I. The Commemorative Significance of Mass Funerals Held for Civil War Victims in the Provincial Cities of Western Siberia

The aim of this article is to characterize the mass funerals of «Kolchak victims» in the provincial cities of Western Siberia (Omsk, Novonikolaevsk, Tomsk and Barnaul) as the commemorations - the ways of forming collective memory of Siberians in regard to the Civil War. The study broadens the idea of Soviet policy in relation to historical past, trends of creating the collective memory of Russians in the first third of the XX century as well as the memory culture of the period under study. Funerals as well as other commemorations were used by the authorities for conscious transmission of ideologically significant information to contemporaries and descendants through the perpetuation of the memory about certain persons and events. It is underlined that the form of this funeral resembled a traditional Orthodox funeral of Romanov's Imperial family members, politicians and other famous people. However, some symbols which had a revolutionary significance were used at such funerals. Some traditional elements of the ritual were replaced by the elements typical for «red funerals»: red banners and flags were used instead of icons, civil rally was held instead of religious memorial services, revolutionary songs were heard instead of prayers. The author also pays attention to the emotional background of the funeral, the problem of moral feelings, which, in Bolsheviks' opinion, the ordinary people had to have. The article explains ideological significance of the "red funeral" ritual, its role in the Bolshevik memory policy, which assumed a certain vision of the events of Civil War. The author concludes that funerals were aimed at discrediting the regime of A. Kolchak in the social opinion, exaggerating the heroism of the people killed by the Kolchak army, at the political socialization of population and legitimization of authorities.

Key words: Western Siberia, provincial capital, political culture, collective memory, funeral, memory politics.

Nikolaev A.A. On the Results of Tsentrosoyuz Delegation's Trip to Germany in 1928

The article contains some excerpts from a Tsentrosoyuz (Central Union of Consumer Cooperatives) board member K. G. Petunin's reporting notice published for the first time. The notice deals with German co-operation experience that could be applied for the development of the Soviet trade system and for improvement of the cooperative system management. The notice was prepared regarding the results of Tsentrosoyuz delegation's trip to Germany in 1928. The original document is dated April, 41 and retained in Russian State Archive of the Economy in the fund 484 of Tsentrosoyuz. As a delegation head K.G. Petunin was a talented organizer of cooperative trade and began his management career in the Siberian Union of Cooperative Unions (Zakupsbyt) as early as before the revolution. After the Civil war he saved his managerial status as a collegium member of administrators of Tsentrosoyuz Siberian Branch. He was promoted for a managerial position in Moscow in 1922, and until 1930 served as a member of Tsentrosoyuz board taking charge of financial department. As an employee with pre-revolutionary experience he possessed market instruments of economy management and tried to restore the role of consumer cooperation in the commodity circulation system to the full extent under the NEP conditions. He suggested methods of trade improvement focused on meeting the consumer needs, using German principles and methods of cooperative management, modernization of staff training and retraining system aimed at practical skills' acquisition. Special emphasis was placed upon resource base strengthening and confining it to solving aims and tasks of consumer cooperation, task sharing in the governance bodies, rigorous scheduling of decision-making and execution procedures, combination of principles of independence and responsibility of staff within their functions.

Key words: Tsentrosoyuz, Zakupsbyt, cooperative trade, German cooperation, cooperative management.

Ilyinykh V.A. Colonization Projects of Siberia in the Latter Half of 1920s: Thrust Choice

The article analyzes projects of organization of agrarian resettlement and colonization of the region prepared in the latter half of 1920s: "The Perspective Plan of Rural Economy Development of Siberian Krai" (1926), "Masterplan of Siberian Krai Colonization" (1927), "Five-Year Plan of Transmigratory Development in Siberia" (1928), "Five-Year Plan of Transmigratory Work in Siberian Krai" (1929). The authors of pluriannual plans developed in 1926–1927 proceeded from the assumption that the colonization potential of southern steppe areas as well as forest-steppe regions of Siberia had been already used up. The main destination of the incoming migrants was the southern part of taiga zone. It was planned to develop the taiga areas based on the method of consequent movement from the regions adjacent to the transport routs to the remote areas. The peasant settlers' households were mostly involved in timber processing and stock-raising. Five-year resettlement plans of the late 1920s were made under the conditions of accelerated industrialization and collectivization. Quantitative indicators of resettlement increased. Agricultural resettlement was connected with the new industrial and railway construction. The main

migration flows were concentrated in the regions where large manufacturing and transport projects were implemented. The in-migrants should have created dependable food economy for the new industrial centres and provided additional labour resources for them as well. In-migration of self-employed farmers stopped. Kolkhozes became the main organizational-manufacturing structure of transmigratory households. For agrarian colonization there should have been used not only the lands in taiga regions, but also surpluses of agricultural lands confiscated from the long-term residents in the habitable parts of the region. Significant parts of colonization fund were given to the newly created kolkhozes.

Key words: colonization, in-migration, agricultural and commercial reclamation, planning, rural economy, peasantry, land management, NEP, collectivization, Siberia.

Vvedenskiy V.V. "The distinguished people": a welfare of the best employees of industrial enterprises of the Western Siberia in the middle of 1930s

The paper analyzes living conditions of the "distinguished people" of the industrial enterprises in Western Siberia in the mid-1930s in relation to their work activities. As sources of information the author used the results of surveys carried out by trade-union committees in order to estimate social and living conditions of Stakhanovists, "Udarniks" ("strike workers") and "Exemplary workers". He also refers to the data from a journal article propagating standards of the Soviet workers welfare. Having analyzed these data the author reveals features of propagandized moral, ethical and professional identity of an exemplary Soviet worker, as well as the level of material and living conditions of the "distinguished people". It is noted that the above mentioned article was focused on revealing how the "exemplary worker's" production and social activities eventually determined his and his family's standards of living. Such publications had a purely applied character because a broad coverage of such positive examples in the Soviet periodical press played an important role in formation of labor motivation of the Soviet working people. The author analyzes the results of surveys of the "distinguished workers" and their families' material and living conditions; reveals differences in their material maintenance as compared to employees of other industries, finds out reasons for such diversity. Based on comparison of an ideal and real material maintenance of "the distinguished people", the author reconstructed the actual level of their living conditions and also demonstrated which level of maintenance was perceived as "acceptable" by the employees. The revealed components of material maintenance of the best employees indicated their high social status in the then existing hierarchy, which in some way or other influenced the living standards of certain groups of employees.

Key words: the history of everyday life, the Soviet every day life, material maintenance, trade union, Udarnik, Stakhanovites.

Andreenkov S.N. Agrarian "Liberalization"'s Impact on the Inter-Kolkhoz Relations in the Middle of the 1950s (on the Materials of Western Siberia)

The author addresses this issue in order to better understand the nature of the Soviet agrarian system, to reveal its advantages

and disadvantages, which is crucial for studying the contemporary problems of development of agriculture in Russia. In the middle of the XX century kolkhozes were the basic organizational form of the Soviet agriculture. The first post-Stalin decade became the time of noticeable changes due to the measures aimed at the agrarian development acceleration. According to the Soviet political leaders who had taken charge of the country after Stalin's death, one of the most important factors which rendered the development of agriculture was the lack of collective farmers' motivation to work in the fields and on the farms determined by repressive retaliatory politics, bondage and low farms' profitability. Having solved the problem of making the farmers work in kolkhozes more efficient without any repressions, the leader of the Soviet state N.S. Khrushchev tried to rely on the mutually antithetic sources of labour energy – both the material incentive and patriotic enthusiasm.

The concrete historical data used in the article was taken from the archival records and library funds of Western Siberia. It allows concluding that neither material incentive nor patriotic enthusiasm could improve standards of the kolkhoz economy. Owing to the agrarian “de-Stalinization” the most important functions of the kolkhoz system - peasants' labour mobilization for the sake of the common good along with the observance of the principle of social equity in distribution of incomes – were no longer carried out to the full. Work discipline started to decline, all symptoms of collective farm demobilization became obvious. Under these circumstances the leaders sent from the urban centers to rural areas in order to inspire the peasants to work more efficiently did not entirely perform their mission. Regional authorities often complained about inefficient expenditure of wages funds by the kolkhoz administrations.

Key words: kolkhozes, agrarian policy, N.S. Khrushchev, Siberia, workplace discipline, agricultural economy.

Orlov D.S. Campaign of Limitation on Domestic Consumption of Food Products in Collective and State Farms of Western Siberia in the Second Half of the 1970s – Early 1980s

Based on the materials of Western Siberia the article analyzes the reasons, progress and results of the campaign on limiting the domestic food consumption in collective and state farms in the middle of 1970s - early 1980s. The growth rate slowdown in the 1970s along with the crisis in the rural sector at the beginning of 1980s caused food shortage. Under such conditions farm units sold more foods to their workers and increased wages in kind, that led to a considerable exceedance of fixed limits. According to the then existing state procurement policy the planning agencies fixed the amount of food supplies that could be used for the internal needs. When these rules were violated the party and economic bodies had to severe the administrative measures aimed at limitation on the domestic consumption and preservation of the amount of state purchases in order to maintain the necessary food balance. The author draws a conclusion that this campaign was an illustrative example how the Soviet administrative-command system acted in regard to agriculture. This campaign was carried out through administrative pressure on the farm directors by making them responsible before the Communist Party for their financial activities. It allowed

only limited amount of agricultural products to be released for intrafarm needs and catering and foresaw inspections on the part of control organizations. Instead of stimulating the crop and livestock production the activity of the party and economic bodies was directed to organization of regulatory compliance control over the actual production and expenditures in the state and collective farms.

Key words: agriculture, agricultural policy, economic mechanism, administrative-command system, party and economic bodies, collective farms, state farms, limit of intrafarm consumption, food shortage, state purchases, West Siberia.

Fyodorova D.A. Leisure Activities of Urban Society in 1964–1985 (On the Tyumen Materials)

The aim of this article is to study the process of urban society development as exemplified by leisure practices of Tyumen citizens in 1964-1985 within anthropologically oriented approach. The work is based on archival sources, statistical materials, periodical press, as well as on recollections. The author describes evolution of the urbanites' leisure activities in Tyumen, notes their growing interest towards mass media, new opportunities for travel. Moreover, in 1964-1985 residents of Tyumen had peculiar perception of the urban sphere of leisure, that was often associated with the phenomenon of provincialism in Tyumen and underdeveloped spheres of culture and leisure activities. As a rule, the city-dwellers demanded from this spheres much more than in the previous decades. The author comes to the conclusion that a wider range of leisure activities of Tyumen residents was connected with the important changes in the socio-economic sphere: people had more time out of duty; their material well-being and educational level increased; the material recourse base of cultural institutes improved. Leisure activities of people in Tyumen were strongly connected with changes in mass consciousness which was formed on a basis of new comparative associations and rapid development of the city as a large administrative and intellectual center of the West Siberian Oil and Gas Complex. All this triggered formation of a new type of personality which is potentially capable to master the diversity of the world and can become a part of a complex system of public relations.

Key words: urban everyday life, cultural and leisure environment, leisure activities, leisure practices, individualization of consciousness, way of life.

Ivanov A.A. The 40th Anniversary of «The Siberian Exile» Edited Volume

The paper presents a historiographical analysis of the edited volume entitled «The Siberian Exile». In 2013 it celebrated the 40th anniversary. In the Soviet epoch the edition was entitled «The Exiled Revolutionaries in Siberia, XIX Century – February 1917». It was intended for publication of studies dealing with the exiled social democrats (mostly Bolsheviks), their life in Siberia and their illegal activities among local workers and intelligentsia. In the period from 1973 to 1991 various aspects of this history were analyzed within the covers of twelve issues of this edition. Its authors thoroughly researched the history of the exile in the first half and the middle of the XIX century, for instance, biographies of A.N. Radishchev and the Decembrists, Petrashevists and

N.G. Chernyshevsky. Significant attention was paid to the exiled Narodniks, their scientific work, their role in studying the history of Siberian indigenous peoples and geographical expeditions, organization of museums and teaching children and adults.

Since 2000 seven issues of the renovated edition under a new title «The Siberian Exile» have been published. The study of the core theme acquired new directions using a multidisciplinary approach. No the exile is viewed as an element of protective, punitive and penitentiary policy of the Russian state in Siberia as the most important element of economic, socio-cultural and political development of the region in the XVII-XX centuries. This approach allowed researchers not to be limited to the certain

chronological frameworks and periods making their studies more profound and consistent.

Based on the analysis of articles and main subject matters of the «old» and «new» edited volumes the author substantiates the idea that along with the scientific centers in Tomsk and Novosibirsk this edition turned into a regional research center for studying political and criminal exile in Siberia performing an important integrating and coordinating function for specialists from various regions of Siberia and Far East, and that despite such a long history of publications this field of study is far from finished yet.

Key words: historiography, edited volume, Siberia, political and criminal exile, Irkutsk University, Siberian society.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки и техники;
- история международных отношений и внешней политики.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].

– сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;

- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>

Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com*